

М. Н. Волконский

ККК

ЗАБЫТЫЕ
ХОРОМЫ
— ○ —
ДВА МАГА

Волконский М. Н. Забытые хоромы. Два мага //Издательство «Logos»,
СПб., 2002
ISBN: 5-87288-237-8
FB2: "Zavalery ", 31.10.2008, version 1.0
UUID: 3744a51b-a45a-102b-b665-7cd09fa97345
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Николаевич Волконский

Два мага

Действие романа «Два мага» происходит во время русско-турецкой войны. События разворачиваются вокруг наделенного магической силой золотого медальона, за которым охотятся сразу несколько человек.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

Содержание

Граф Феникс	0006
Объяснение	0019
Кутра-Рари	0041
В поисках медальона	0047
На свете нет тайны	0064
Опять Кутра-Рари	0075
Правдивое видение	0085
После дуэли	0095
У светлейшего	0106
Брат Иосиф	0119
Что случилось с Надей	0128
Опять медальон	0134
Новые сведения	0147
Радость	0158
В маскараде	0164
Тяжелое свидание	0185
Заботы светлейшего	0197
Удача Кулугина	0204
Помощь индуса	0214
Важное сообщение	0228
Лечение графа	0241
Союзники	0259
Похищение	0271
Куда девались копии документов	0284
Уловка Феникса	0294

Что рассказал Цветинский	0305
Заговор	0322
Медальон снова найден	0338
Расплата	0358
#1	0358
Пропуск страниц 342-343	0371
Эпилог	0374

**Михаил Николаевич
Волконский
Два мага**

Граф Феникс

В роскошном доме на Острове у екатери-нинского вельможи, богатого барина Елагина, шли приготовления к парадному обеду. Стол готовили в саду, вблизи круглой беседки, обсаженной деревьями и розами и украшенной статуями. Беседка с ее живыми стенами должна была заменить гостиную.

День стоял солнечный. Погода как нельзя лучше благоприятствовала готовившемуся празднику.

Лакеи елагинской дворни в желтых ливреях с синей выпушкой и позументами суетились вокруг длинного, покрытого белой шелковой скатертью стола, уставляя его посудой, серебром, хрусталем, вазами с редкими фруктами и цветами. Лужайка под столом была устлана коврами. Среди розовых кустов было устроено возвышение, где размещались певчие и роговые музыканты.

Гости подъезжали к парадному крыльцу дома, и хозяин встречал их в комнатах, откуда они должны были под звуки музыки проследовать попарно в полонезе в сад, к столу.

Среди карет, заполнивших уже широкую площадку перед крыльцом, обращала на себя внимание одна, совсем непохожая на другие. Она была вся белая, с белой же штофной обивкой внутри, и запряжена четверкой белых без отметин лошадей цугом. Лакеи и кучер при ней были одеты тоже в белые суконные кафтаны и шляпы со страусовыми перьями, каким мог позавидовать любой щеголь. На петлицах кафтанов слуг и на белой лакированной упряжи блестели золотые графские короны, а на дверцах кареты был нарисован под такой же короной герб, носивший в щите своем изображение замысловатой птицы.

Карета принадлежала графу Фениксу, иностранцу, приехавшему недавно в Петербург и заставившему уже говорить о себе.

Никто не знал хорошо, кто был этот до некоторой степени таинственный граф и к какой собственно национальности принадлежал он. Говорил он одинаково хорошо, без акцента, на немецком, французском и итальянском языках. По-русски он тоже мог изъясняться, хотя довольно плохо.

Пока заинтересовал он общество, во-пер-

вых, поразительной роскошью, с которой сразу повел свою жизнь в Петербурге, а во-вторых, оригинальностью своих привычек и обстановки.

Занял он дом за городом, на берегу реки Фонтанной, дом, принадлежавший князьям Туровским и стоявший долгое время с заколоченными ставнями и запертыми дверьми. Этот дом был отделан заново для графа Феникса, и притом не совсем по-обыкновенному.

Сразу поражала огромная передняя, куда вела широкая входная лестница. Последняя была затянута черным сукном, стены передней – тоже. По черному сукну на стенах были сделаны серебряные изображения скелетов и черепов. Входная дверь постоянно оставалась незапертой, и входивший большей частью не находил вовсе слуг ни на лестнице, ни в передней, ни дальше в комнатах. В одной из них встречал его сам хозяин и приветливо приглашал садиться.

Граф Феникс, однако, любезно приглашал каждого, вошедшего к нему, совершенно не обращая внимания на его общественное по-

ложение и на то, бывал ли знаком с ним или нет. Ночью двери не запирались так же, как и днем, и единственными сторожами дома были черепа и скелеты на стенах передней. Всю ночь окна по фасаду были освещены, и свет их потухал лишь с зарею, загашенный невидимой рукой.

Все, начиная с этого дома, обстановки, упряжи и кончая самой ничтожной вещью, было у графа богато и совсем особенно.

К Елагину он приехал в черном бархатном одеянии, с огромными бриллиантами в кружевном жабо и на пряжках башмаков. Эти бриллианты составляли единственную роскошь его костюма, но зато ценою их можно было оплатить все расшитые золотом и шелками кафтаны остальных гостей.

Граф Феникс держался несколько в стороне и делал вид, что не замечает того любопытства, с которым кругом глядели на него. Среди гостей, глядевших с любопытством на графа, был один молодой офицер, не спускавший с него глаз с той самой минуты, как он приехал. Этот офицер, сначала робко, потом несколько смелее приближался к графу и, на-

конец, очутившись возле него, решился заговорить:

– Граф, – сказал он по-французски, понижая голос до шепота, – мне сказали, что вы все можете?

Граф Феникс оглянулся и обратился к молодому человеку с улыбкой, которая сразу, по-видимому, произвела ободряющее действие на офицера.

– Позвольте представиться вам, – заговорил он тверже, – офицер русской гвардии...

– Ваша фамилия Кулугин? Не так ли? – спросил, перебивая, граф все с той же улыбкой.

– Вам известно мое имя, граф?

– В этом нет ничего сверхъестественного, – ответил Феникс, – ведь вам же известно мое... И потом, вы сами говорите, что я могу все...

– Да, меня уверяли так, и теперь я вижу, что не лгали, уверяя. В том, что я знаю ваше имя, нет ничего мудреного: оно на языке у всех с тех пор, как вы приехали в Петербург, но мое слишком мало известно... Если вы можете, помогите мне, граф...

– В чем я должен помочь вам?

– Я знаю, что вы не похожи на других, что вы человек совсем особенный, и потому решил прямо обратиться к вам. Дело идет о моей жизни...

– Значит, о любви. Вашим годам свойственно любовь смешивать с жизнью. Вы влюблены, молодой человек?

Кулугин опустил глаза и ничего не ответил, только краска покрыла его щеки.

– Кто же она? – продолжал граф. – Разумеется, она прелестна, но обладает сердцем настолько черствым, что предпочитает другого?

Кулугин глянул в лицо Фениксу.

– Вы и это знаете?

– История слишком старая и слишком часто повторяющаяся, чтобы не знать ее. Что же вы думаете, что я торгую любовным эликсиром и дам вам чудодейственные капли, которые заставляют равнодушные превращаться в любовь?

– Я ничего не думаю, – упавшим голосом проговорил Кулугин, – я знаю только, что я в отчаянии. В ту минуту, когда мы разговариваем с вами, они теперь здесь, в саду. И вы можете себе представить, что испытываю я?

– Кто же она такая?

– Воспитанница здешнего хозяина...

– Воспитанница Елагина? – переспросил Феникс, вдруг делаясь серьезным. – В таком случае проведите меня в сад...

– Вы хотите идти в сад, граф?

– Ну да! Разве кто-нибудь нам может помешать погулять по саду, вместо того чтобы стоять здесь, в духоте? Угодно вам пройти со мной? – и, сказав это нарочно громко, чтобы слышали окружающие, граф Феникс направился к стеклянной двери, выходящей на садовую террасу.

Кулугин с сильно бьющимся сердцем последовал за ним.

– Что вы хотите сделать? – стал спрашивать он графа, нагнав его в саду.

– Решительно ничего особенного. Хочу только увидеть и услышать. Вы наверное знаете, что она в саду?

– Наверное. Я слышал, как Елагин послал ее напомнить музыкантам, чтобы они не прозевали знака, когда начинать им играть. Она вышла, и вслед за нею вышел он, мой соперник. Я следил за ним глазами и удивился его

смелости. Кроме меня, и другие могли заметить. Это компрометирует девушку.

– А вы знаете, где расположены музыканты в саду?

– Очевидно, на эстраде, возле стола; так всегда бывает здесь. Стол накрывают у большой беседки.

– А, там есть беседка! Ведите меня к ней, чтобы мы очутились как-нибудь сзади, если можно – закрытые зеленью...

– Граф, нас могут заметить!

– Что ж из того? Если заметят, то увидят только, что мы гуляем по саду.

– И вы не боитесь, что ваше отсутствие покажется странным в то время, как все ждут приезда светлейшего?

На праздник Елагина должен был явиться светлейший князь Потемкин, и его приезда ждали все.

– Пусть мое отсутствие покажется странным! Разве я боюсь этого? – ответил граф Феникс.

– Вы не хотите видеть светлейшего?

– Напротив! Я приехал только ради того, чтобы его увидеть. Мне нужно познакомить-

ся с ним, и чем скорее, тем лучше. И я увижу и познакомлюсь... А пока ведите меня к беседке.

Кулугин не разговаривал долго и повел графа окольной дорожкой. Они неслышно подошли к густому кусту акации, росшей позади беседки. Она была сквозная, сколоченная из дранок, окрашенных в зеленый цвет. Граф Феникс выбрал удобное место, откуда сквозь ветви акации было отлично видно, и остановился.

В беседке стояла молодая, хорошенькая Надя, воспитанница Елагина, в пышном белом платье и с высокой прической, делавшей ее личико особенно миловидным. Молодой человек в блестящей форме адъютанта держал ее руку.

– Надя, милая, хорошая, я боюсь за вас, – говорил он, – сам не знаю почему, но боюсь... Предчувствие говорит мне...

– Отчего же боитесь, Николай Семенович? Почему вам надо бояться за меня? – переспросила она, глядя на него такими светлыми глазами, что, казалось, она ждала не только для себя, но и для всего мира одного лишь хоро-

шего в будущем.

– С сегодняшнего дня начинается для вас новая жизнь... та жизнь, которой вы еще не знали...

– Но ведь она не разлучит нас?

– Кто знает? До сих пор вы были на положении подростка, вы еще не видели людей или очень мало видели их. Сегодня вы появляетесь в первый раз в обществе, а затем станете полноправной участницей балов, пикников, спектаклей.

– Но ведь это весело! – сказала Надя.

– Конечно, даже слишком весело; и этого-то я и боюсь...

– Давно ли? Вы прежде никогда не боялись веселья!

– Да, пока я был уверен, что оно не отвлечет вас от меня. Веселье, которое вы знали до сих пор, не могло повредить вам, но теперь... вы можете забыть меня...

Надя звонко, весело рассмеялась.

– Так вот вы чего боитесь! Нет, такая боязнь напрасна, совершенно напрасна, я не забуду вас. Чем больше людей увижу, тем вы больше выиграете от сравнения с ними. Я

знаю это. Николай Семенович, голубчик, ведь вы же веселились и видели всех этих людей, которых я увижу, однако не забыли меня.

– Я – другое дело.

– Нет, то же самое. Когда я увидела сегодня в первый раз настоящие наряды дам и девиц, у меня так и сжалось сердце. Они поразили меня своим великолепием, и я невольно подумала: насколько они лучше меня! Я должна показаться между ними жалкой, по крайней мере, я чувствую себя жалкой между ними. До сих пор вы видели меня одну, а теперь в сравнении с остальными я вам могу показаться хуже. Вы можете подумать, что ошиблись...

– Надя, не говорите так и не думайте! Да разве существует на свете кто-нибудь лучше вас?

– Ну, а для меня никого не может быть лучше вас, Николай Семенович!

– Надя, милая! – повторил он ей в ответ, поднял ее руку и припал к ней губами. – Милая моя, так не забудете?

Она, улыбаясь, покачала головой.

– Вот что, – проговорил Николай Семено-

вич, – у меня есть медальон, который я с детства всегда ношу на себе. Это единственная дорогая мне вещь; возьмите его и, если только... если случится, что вы изменитесь ко мне, отдайте его мне назад...

Он быстро расстегнул две пуговицы своего мундира, достал с груди медальон, висевший у него на цепочке, снял его и подал Наде. Она спрятала медальон и проговорила:

– Никогда я не отдам вам его, теперь вы мой! Сами будете назад спрашивать – не отдам!

В это время грянула музыка, молодые люди вздрогнули: они задержались слишком долго. Музыка означала, что полонез уже тронулся из дома по направлению к столу и беседке.

– Ничего, мы проберемся как-нибудь, – сказал молодой адъютант Наде, – и станем в задние пары.

И они убежали из беседки.

Кулутин стоял возле графа сам не свой: лица на нем не было.

– Вы слышали? – спросил он. – Несомненно, она любит его.

– Ничего нет несомненного на свете. Сомневаться всегда и во всем можно. Сколько подобных слов говорилось с тех пор, как существует мир, и затем они не оправдывались... Но вот что: вы видели медальон, который он дал ей?

– Видел.

– Этот медальон, во что бы то ни стало, я должен получить.

– Вы, граф?

– Да. Мне нужен медальон князя Бессменного во что бы то ни стало!

– Как, вы даже знаете и его имя?

– Не в этом дело; я вам говорю, что мне нужен этот медальон. Если хотите моей помощи – вот вам условие: достаньте медальон. Только торопитесь, потому что я могу и без вас обойтись и медальон легко может попасть в мои руки помимо вашей помощи... Торопитесь!

С этими словами граф Феникс поклонился Кулугину и спокойно направился опять окольной дорожкой, чтобы присоединиться к гостям, шедшим уже из дома в размеренном темпе под плавные звуки полонеза.

Объяснение

Оказалось, напрасно ждали светлейшего Потемкина, – он не приехал, прислав сказать, что не будет. Елагин поморщился, узнав эту новость. Он был слишком видный человек, но Потемкин давно привык не церемониться, когда впадал в находившую на него временами без всякой видимой внешней причины хандру. Обыкновенно он уходил в таких случаях к себе в спальню или запирался у себя в кабинете, сидел безвыходно целыми неделями, запускал бороду, не носил парика и не чистил ногтей. К Елагину он еще прислал нарочного, что не будет, а к другим просто не являлся, заставляя прождать напрасно и хозяина, и гостей.

Елагин сделал вид, что вполне удовлетворен вежливостью светлейшего, и просил гостей идти к столу, стараясь показать всем, что отсутствие Потемкина ничуть не должно помешать общему веселью. Но все-таки это происшествие расстроило расположение духа многих, чаявших повертеться на глазах у человека, от которого многое могло зависеть

для них.

Вследствие этого явилась вялость. Однако она продержалась недолго. Когда застучали ложки о тарелки и стаканы наполнились вином, общество под звуки разудалой песни, которую грянул хор, сменив музыкантов, быстро оживилось; завязался разговор, потом он стал громче, слышался смех, и ко второму уже блюду обед вышел хоть куда.

Надя сидела рядом с Бессменным, робела слегка, но искренне наслаждалась, принимая участие в обеде с настоящими гостями, то есть с людьми мало знакомыми ей. Это было ее первое появление в свете.

Кулугин следил за ними издали, мало пил и ел и был мрачен и неразговорчив. Граф Феникс сидел среди почетных гостей, вблизи хозяина, и вел не спеша рассказ об Индии с такими подробностями, как будто сам жил там долгое время. Он говорил о факирах, которые доходят до того, что впадают в совершенно особенный сон, ничем не отличимый от смерти. В таком состоянии их зарывают в землю на довольно продолжительное время, а затем отрывают, дают несколько капель эликсира,

и пролежавший под землей, похороненный и отрытый факир приходит в себя и становится затем опять вполне здоровым и нормальным человеком.

– А вы знаете, граф, в Петербурге у нас появился индус, – обратился Елагин к графу Фениксу. – Я все хочу призвать его как-нибудь к себе... Очень интересно.

– Среди них есть много шарлатанов, – ответил граф. – В особенности" этим разъезжающим по Европе я не доверяю... А впрочем, может быть, он и знает что-нибудь...

– Но вы, граф, наверное, знаете много, – вдруг обратилась к нему сидевшая рядом полная дама не первой уже молодости, – я думаю, вы знаете все... и настоящее, и будущее...

– И вас это удивляет? – спросил Феникс.

– Знать будущее! – воскликнула дама. – Разве это не удивительно?

– В сущности, не более прошедшего...

– Ну, прошедшее знать немудрено!

– Даже, например, хотя бы то, что происходило в Риме?

– Да ведь это в книгах написано!

– И будущее в книгах тоже написано, и по

ним так же легко читать о грядущем, как и о прошлом. Вся разница в том, что читать о будущем умеют немногие, а о прошлом – доступно большинству.

– И вы... вы, наверно, умеете?

– Может быть.

Сидевшие вокруг графа притихли, слушая, что говорит он; затем водворилась тишина и за всем столом. Всем было интересно послушать Феникса, говорившего не совсем обыкновенные вещи.

Граф, чувствуя общее внимание на себе, нисколько не смутился, видимо, давно привыкнув к такому вниманию.

Вызвавшая его на разговор барыня, очень довольная, что отчасти и она замечена, стала смелее.

– Ну, а если мы усомнимся в вашем умении читать будущее, граф? – проговорила она, играя веером.

– Я вас разуверять не буду.

– Однако... Я думала, вы дадите другой ответ – предложите показать свое искусство...

– Если вам угодно – я не отказываюсь.

– Тогда скажите...

– В самом деле, – сказал Елагин Фениксу, – скажите, граф, как вы думаете, что ожидает вот самую юную нашу собеседницу? – показал он на Надю. – Кстати, сегодня ее первое появление в свете...

Надя вдруг смутилась и густо покраснела под этим общим, обращенным на нее взглядом. Граф прищурился слегка и с расстановкой произнес:

– Ей надо в будущем беречь свой медальон!..

Надя, никак не ожидавшая этих слов, тихо ахнула и закрыла лицо руками... Ей показалось, что она лишается чувств. Неожиданность поразила ее.

Все заметили, хотя, разумеется, не могли понять причину того, что с Надей при словах графа произошло что-то особенное и что эти слова имели для нее значение, которое она тщательно скрывала от других и о чем, по-видимому, знал граф Феникс, впервые видевший в глаза девушку. И все почувствовали нечто вроде благоговейного удивления перед ним и перед его всеведением и проникновением в чужую душу.

В самом деле, вышло как будто сверхъестественно, что Феникс сразу отгадал чужую тайну. Никто не знал, какой именно медальон был у Нади и почему он важен для нее, но каждый видел, что случилось с нею, и с некоторым страхом глядел на графа: а вдруг как ему известно тоже, что и у всех остальных на душе?

Один только Бессменный отнесся совсем иначе к Фениксу. Он видел и понял одно лишь, что граф смутил на глазах гостей его Надю, ни в чем не повинную, и счел это дерзостью.

– Ради Бога, не выдавайте себя! – быстро сказал он ей, чтобы она очнулась.

Девушка сделала над собой усилие и оправилась.

Бессменный видел, какого труда ей стоило сделать это, и почувствовал непримиримую ненависть к дерзкому, по его мнению, графу, который стал его врагом с этой минуты. Он хотел сейчас же громко ответить Фениксу, что, в свою очередь, тоже и ему может предсказать будущее, что он разmozжит ему голову, если он осмелится еще раз, но, разуме-

ется, удержался, подавив свою злобу и решив все-таки не оставлять этого дела так и переговорить с графом после обеда. Но, когда встали из-за стола, граф Феникс был так тесно окружен любопытными, ловившими уже каждое его слово, что пробраться к нему не было никакой возможности. Да и Елагин все время не отпускал от себя интересного гостя и нянчился с ним.

Переговорить с графом наедине сейчас же Бессменному не удалось. К тому же ему пришлось участвовать в начавшихся после обеда танцах, и он не отходил от Нади. Но когда стали разъезжаться и граф Феникс вышел на крыльцо, к которому подкатила его белая карета, то столкнулся лицом к лицу с князем Бессменным.

– Я желал бы переговорить с вами, граф, – смело остановил тот Феникса.

Последний как бы удивленно поглядел на него, потом кивнул головою:

– Всегда к вашим услугам, князь!

Бессменный был настолько взволнован, что, забыв назвать себя, не заметил, что Феникс титуловал его князем и показывал этим,

что знает его.

– Я хочу говорить с вами сейчас.

– Здесь, у подъезда, мы разговаривать конечно не можем, но, если вам угодно, милости просим, войдемте в карету, – и граф показал на отворенную лакеем дверцу кареты, у которой другой лакей откинул подножку и остановился в ожидании.

Бессменный вскочил в карету; за ним вошел Феникс, и тяжелая карета закачалась на своих высоких стоячих рессорах.

– Я с вами хотел переговорить относительно медальона, – начал Бессменный.

– Я так и знал, – сказал Феникс.

– Тем лучше. Я хотел сказать вам, что если вы случайно подслушали или увидели, как я сегодня передал медальон, то не имели права пользоваться этим, чтобы смущать девушку.

При этих более чем определенных словах Феникс даже с любопытством поглядел на Бессменного.

– Почему же вы думаете, что я подслушал или подглядел? – спросил он.

– Потому что иначе вы не могли узнать. В сверхъестественное я не верю, а иным, есте-

ственным, путем вы не могли узнать, как только подглядеть.

– В сверхъестественное я тоже не верю, – сказал Феникс, – но почему вы думаете, что знать что-нибудь можно, только увидев или услышав?

– Потому что другого способа я не знаю.

– Но это еще не значит, что его нет.

– Для меня его нет, если я его не знаю.

– Вот это другое дело. А для меня он есть, потому что я его знаю.

– Все равно, граф, не будем спорить о словах! Каким бы способом вы не узнали о медальоне, вы не могли упоминать о нем так, при всех, за обедом...

– Если я упомянул, значит, мог.

– То есть не имели права.

– Опять вы неточны. Право – очень условное понятие. В праве всегда есть что-то принудительное. Оно должно основываться на силе, которая поддерживает его и наказывает его нарушение. А если этой силы нет, нет наказания за нарушение, то право перестает быть правом.

– Но в данном случае, могу вас уверить,

есть сила, которая готова поддержать это право.

– Есть сила, неужели? Где же она?

– Я – эта сила и готов вам доказать это.

– Не понимаю. Ведь для этого вам нужно быть сильнее меня.

– Для этого мне нужно быть только дворянином, – проговорил Бессменный, – там посмотрим, кто окажется сильнее.

– Вы хотите драться со мной на дуэли? – спокойно спросил Феникс.

– Неужели вы сомневаетесь в этом после того, что я сказал вам?

– Но это едва ли будет проявлением силы, способным поддержать какое-нибудь право с вашей стороны. Я могу оказаться сильнее вас, владея оружием лучше.

– Посмотрим!

– Хотите сейчас, может быть? – и граф, дернув шнур, проведенный на козлы к кучеру, остановил карету.

Они вышли на небольшую полянку, окруженную деревьями и защищенную от дороги зеленью.

Граф Феникс шел впереди, Бессменный

следовал за ним, ожидая, что будет дальше. Феникс приблизился к одному из деревьев, обнажил шпагу и легко и свободно, словно играя, стал делать выпад за выпадом, причем острый конец его шпаги равномерно касался древесной коры и в симметричных промежутках оставлял на ней резкие черты, расположенные фигурой ровного круга. Круг вышел почти математически правильным.

– Вы видите, я умею владеть шпагой! – сказал Феникс, сделав последний удар.

Бессменный поклонился ему, как бы выразив этим поклоном свое полное согласие и одобрение, стал на его место и тоже вынул из ножен свою шпагу. Он встал в позицию и так же проворно начал делать выпады, без промаха попадая на сделанные графом черты, перекрещивая их. Когда весь круг был перекрещен, Бессменный опустил свое оружие и проговорил:

– Вы видите, граф, что и я умею владеть шпагой.

– Отлично, князь! Теперь посмотрим пистолеты, – и Феникс ударил три раза особенным образом в ладони.

С дороги, от кареты, сейчас же появился один из лакеев в белой ливрее. Он нес два заряженных пистолета, Феникс взял один из них, отошел, прицелился, выстрелил и попал в самый центр сделанного на дереве круга.

Выстрел был очень труден и необыкновенно удачен. Нужно было иметь превосходно развитую меткость глаза, чтобы сделать такой выстрел.

Бессменный, в свою очередь, взял у лакея другой пистолет и начал целиться. Раздался выстрел.

– Отлично, князь! – повторил Феникс. – Вы такой же прекрасный стрелок, как и фехтовальщик.

Бессменный всадил свою пулю в пулю графа, засевшую в дереве. Сделано это было чисто.

– И притом, – добавил граф, – надо сказать, что вы стреляли из совершенно неизвестного для вас пистолета, который вы держали в руках впервые. Победа этого опыта всецело за вами. Я признаю себя слабее вас.

– И отказываетесь от дуэли? – спросил князь, у которого злоба еще кипела внутри.

– Нет, от дуэли я не отказываюсь... но надеюсь только, что она не помешает нам все-таки продолжать путь вместе. Я взялся доставить вас до города. Другого экипажа, кроме моей кареты, вы не встретите здесь. Поедем дальше, князь.

Бессменный опять сел в карету Феникса. Идти пешком в парадном мундире не представлялось возможным.

– Нет, я не отказываюсь от дуэли, – повторил Феникс, – и должен предупредить вас, что знаю наверняка, что убит не буду.

– Отчего вы знаете это?

– Потому что мне известно мое будущее.

– Вы уверены в этом и считаете дуэль для себя вполне безопасной?

– Вполне. Но не думайте, что я только поэтому принимаю ее. Если бы мне предстояла смерть от вашей шпаги или пистолета, я, может быть, еще с большей охотой дрался бы с вами.

– Неужели? Поверить трудно! Кому охота идти на верную смерть?

– Тому, кто должен ждать себе гораздо более ужасной смерти. Быть убитым на дуэли –

пустяки в сравнении с тем, что предстоит мне в конце жизни.

– И вы знаете, когда наступит этот конец?

– Приблизительно. Он наступит, может быть, очень скоро. В чем он будет состоять – не знаю, но только он будет очень мучителен.

– И вы говорите об этом так спокойно?

– Я говорю так спокойно именно потому, что знаю будущее, и мое беспокойство окажется совершенно напрасным. Я им не изменю ничего.

– Хорошо. Беспокойство окажется напрасным, но если вы знаете будущее, то имеете возможность предотвратить его?

– Может быть, имею...

– И можете изменить свою судьбу!

– Да.

– Отчего же вы этого не сделаете?

– Не хочу.

Бессменный, помолчав, проговорил:

– Итак, вы полагаете, что на нашей дуэли буду убит я?

– Я не сказал этого, – ответил Феникс. – Разве всякая дуэль непременно должна кончиться смертным случаем? Нам нет никакой при-

чины драться непременно насмерть. Мы оба можем остаться целы и невредимы или отдаться пустой царапиной.

– Но вы-то говорите, что уверены, что останетесь целы?

– Да.

– Ну а я?

– О вас я не знаю, потому что не имел случая узнать, что предстоит вам.

– А вы можете это сделать?

– То есть показать вам ваше будущее? Могу! Если вы сделаете мне честь подняться ко мне, когда мы приедем, я покажу вам, что ждет вас.

Бессменный был уверен, что этот окруживший себя странностями и таинственностью граф Феникс хотел только запугать его своим разговором. Сначала он, видимо, желал смутить его, показав, что он – опытный дуэлянт, превосходно владеющий шпагой и пистолетом. Но, когда Бессменный, в свою очередь, доказал ему, что и он умеет держать в руках оружие, тогда таинственный граф решил запугать его своим странным разговором, что-де знает наверняка, что не будет убит. И само

предложение графа показать будущее Бес-
сменный истолковал в том же смысле. Он
предполагал заранее, что в этом будущем ока-
жется, что он, Бессменный, будет убит рукою
графа. Так тот покажет ему, чтобы смутить
его.

Но Николай Семенович был не из робких и
не из доверчивых. В могущество и всеведение
графа он просто не верил и смотрел на пред-
ложение Феникса, как на комедию, которую
тот предпринял, впрочем, совершенно тщет-
но. И, чтобы доказать именно эту тщетность,
он согласился подняться к графу.

«Пусть показывает что хочет, – думал он, –
все-таки я заставлю его драться со мной, а то-
гда посмотрим, кто кого на самом деле».

Они вошли по устланной ковром лестни-
це, миновали переднюю со скелетами и стали
проходить одну за другой комнаты, убранство
которых было полно вкуса и великолепия.
Граф шел впереди и указывал дорогу.

– Будьте добры, князь, пожалуйста сюда! –
проговорил он наконец, отворяя дверь, отде-
ланную под шелковые обои, которыми были
обтянуты стены.

Они вступили в квадратный зал без окон. Огромная лампа, закрытая колпаком из голубой тафты, спускалась с потолка и разливала ровный матовый полусвет, очень приятный для глаз. Огромный турецкий диван занимал одну из стен. Против него, на противоположной стене, было вделано огромное зеркало, мутно и слабо отражавшее предметы. Оно было густо-черное, в золотой раме. Перед зеркалом и возле дивана дымились курильницы. Дым их сильно пах тонкими духами. Было душно.

– Останьтесь здесь, – сказал граф Феникс, – когда будет время, я приду за вами.

И не успел Бессменный ответить ему, как он исчез за дверью, быстро затворив ее за собой.

Обои на стенах состояли из мелких рубчиков, и в них исчезли щели двери так, что Бессменный напрасно стал искать ее признаки. Захлопнувшаяся за Фениксом потайная дверь была настолько искусно сделана, что найти ее было невозможно.

Бессменный очутился в темном зале, казавшемся вовсе без выхода. Дым курильниц

действовал одуряюще, но тем не менее был очень приятен.

«Во всяком случае, интересно, что будет дальше?..» – рассудил Бессменный и решил терпеливо ждать.

Голова его уже слегка кружилась и в теле чувствовалась истома, как после бокала хорошего вина. Он опустился на диван. Пуховые подушки были мягки, и князь словно утонул в них.

«Да это дым курильниц так действует, – слабо соображал он. – Конечно! В черном зеркале, должно быть, я увижу свое будущее; ну что же, это фокус какой-нибудь... Вероятно, фокус, и я увижу себя распростертым на земле, мертвым, после дуэли, – этот граф хочет запугать меня... Пускай, а я не испугаюсь. Мне очень удобно лежать. И отлично...»

Ему вспомнились вдруг старые рассказы о том, что существуют отравленные свечи, цветы и духи. Но это было мельком. Глаза его сомкнулись, но не закрылись вовсе. Он впал в полудремоту, он все видел – и зеркало, и лампу, и диван, и рубчатые обои, и дымившиеся курильницы, только двигаться ему было лень

и казалось очень хорошо лежать на мягких подушках дивана.

И вдруг черное зеркало мало-помалу начало освещаться, становиться прозрачным, делаться все светлее и светлее. Все ближе и ближе подходило оно к цветку голубого абажура и наконец стало совсем сапфировым.

На этом сапфировом фоне Бессменный различил контуры женской фигуры. Он приподнялся даже, облокотись на руку. Это была Надя, не призрачная, не отраженная или нарисованная, но совсем живая, движущаяся. Она протягивала к нему свои руки и ясно говорила: «Муж мой!..» Бессменный рванулся вперед, но бессильно упал на подушки дивана, и полное забытие охватило его.

Когда Бессменный очнулся, он лежал в другой уже комнате с открытыми окнами, через которые лился свежий воздух. Граф Феникс стоял, наклонившись над ним.

– Очнулись? – проговорил он. – Не беспокойтесь, никаких последствий ваше забытие не оставит, я не отравил вас.

Бессменный охотно поверил этому, потому что чувствовал себя превосходно. Голова у

него была вполне свежа, тело ощущало полную силу и бодрость. Открыв глаза, он быстро поднялся и сел.

– Что это было? – спросил он.

– Вы видели что-нибудь в зеркале?

– Да. И так ясно, так отчетливо...

– Что-нибудь неприятное?

– Напротив.

– Значит, вам в будущем предстоит хорошее!

Бессменный улыбнулся, и его глазам снова представилась Надя, говорившая ему: «Муж мой». Выходило, что в будущем он женится на ней, то есть достигнет того, к чему теперь были направлены все его помыслы. Это было вовсе не то, что ожидал он.

– А вы не знаете, вам неизвестно, что я видел в зеркале? – спросил он опять графа.

– Меня не было с вами; откуда же я могу знать?

– Ну, мало ли откуда! Во всяком случае, я видел, что буду счастлив!

– Ну, вот видите! И для вас дуэль вполне безопасна.

– Позвольте, – остановил его Бессменный, –

но для этого надо верить... в зеркало.

– А вы не верите?

Бессменный в душе очень желал верить, потому что то, что ему было показано в зеркале, было очень хорошо, но ему не хотелось слишком скоро поддаваться, и он искренне ответил:

– Не знаю, граф. Вы, признаюсь, смутили меня. Я думал, что вы покажете мне нечто более страшное.

– С какой же целью?

– Чтобы запугать меня.

– Неужели вы считаете меня настолько мелочным и, прямо скажу, глупым? И потом я решительно ничего не показывал вам. То, что явилось в зеркале, вы увидели сами, без всякой помощи с моей стороны...

Бессменный задумался. Действительно, он видел Надю, как живую. Для того чтобы это был фокус, нужно было привести ее сюда. Конечно, это было невозможно. Уверение графа, что он тут – сторона, казалось, похоже на правду. Но в таком случае надо поверить, а если поверить, то надо признать также, что и граф останется цел после дуэли, так как он

стоит на этом твердо, а тогда дуэль между ними – нелепость.

В этих соображениях Бессменный запутался.

Правда, и настроение его успело уже измениться. Образ милой и любимой Нади, который он только что видел, обещавший ему в будущем счастье, заставил его забыть свою вспышку против графа и настроил его миролюбиво и любовно. Но вместе с тем, как было пойти назад, когда вызов был уже сделан?

– А я все-таки желаю с вами драться! – проговорил наконец Бессменный.

– Я к вашим услугам, – ответил граф, – как вам будет угодно...

Кутра-Рари

От Феникса Бессменный отправился домой, опять воспользовавшись каретой графа.

Странный выдался для него сегодня день. Объяснение с Надей, потом не совсем обыкновенный разговор с этим таинственным графом, потом видение, или неизвестно, в сущности что, в зеркале. Но, очевидно, необычайность была исчерпана не до конца. По крайней мере, дома Бессменного ждала новая неожиданность.

– Уф, и устал же я! – проговорил он, входя к себе и сбрасывая плащ на руки денщику. – Дай, братец, мне кваску напиться или хоть просто воды.

– Тут ждут вас, – доложил денщик.

– Из своих кто-нибудь? Кто такой?

– Азиат... как следует: в чалме и пестром халате.

– Что же ему надобно?

– Это он, говорит, только вам скажет.

– По-русски он понимает, значит?

– Где ему! Не очень, а все-таки объяснил, что дело к вам имеет.

– Как же он это объяснил тебе?

– Знаком... вот этим самым... – и денщик, вынув из кармана золотой, показал его Бессменному.

Знак был недурен и действительно весьма понятен и убедителен для денщика.

– Дурак же ты! – усмехнулся Бессменный. – Ведь этак нас обчистить могут. Ты пускаешь чужих людей за золотой, а он унесет на сто.

– Ну, это дудки! Впустить-то я его впустил за золотой, а не выпустил бы до вашего прихода ни за какие деньги. Так как же он унес бы что-нибудь?

Бессменный направился в приемную. Ему было интересно посмотреть на азиата в чалме и пестром халате, который платит по золотому простому денщику.

В те времена в Петербурге сплошь и рядом можно было встретить на улицах азиатов в их национальных костюмах. Среди них были богатые купцы и ничего не имевшие шарлатаны и искатели счастья и приключений, молодые и старые. Приезжали кавказцы, бухарцы, персы, появлялись жители далекой Индии.

Бессменного в его приемной ждал чистокровный индус, красивый старик с необыкновенно правильными, гордыми чертами лица и темно-коричневой бронзовой кожей. Редкая седая борода не портила его. Из-под нависших бровей глядели живые, пронизательные черные глаза. Красный шелковый платок обвязывал его голову очень картинно, пестрый индийский халат был опоясан великолепной шалью.

Когда вошел Бессменный, индус встал и поклонился ему. Благообразный вид старика внушал полное доверие. Князь ответил на поклон и показал рукой, что просит гостя сесть.

– Мой князь, позвольте мне назвать себя, – проговорил индус на французском языке. – Меня зовут Кутра-Рари; я родом индус и чужеземец в России...

– Будьте гостем! – ответил Бессменный. – На нашей родине знают гостеприимство и рады чужеземцам. Петрушка, – крикнул он денщику, – давай нам трубки и чаю!

Кутра-Рари спокойно и с достоинством уселся в кресло и сложил на животе руки.

– Вы давно в Петербурге? – обратился к

нему Бессменный.

– Я очень давно в русской столице и приехал сюда, чтобы повидать вас...

– Повидать меня? – удивился князь. – Вы приехали из Индии, чтобы повидать меня?

– Верьте мне, что я не лгу, когда говорю, что предпринял долгое путешествие, чтобы увидеть вас, – уверенно произнес индус, не сводя своих черных глаз с Бессменного.

Петрушка принес трубки и чай.

От табака Кутра-Рари отказался, но чай взял с любезной улыбкой, отпил глоток и откусил кусок хлеба. По восточному обычаю он показывал этим, что явился как друг, так как на Востоке человек не должен таить вражду против того, с кем делил хлеб-соль.

– Но разве в Индии знают меня? – усмехнулся Бессменный.

– Мало ли что знают в Индии! – ответил тот. – Но я лгать не хочу. В Индии я не знал о вас...

– И приехали все-таки ко мне? Как же это? Чем это вызвано?

– В Индии я знал только, что в русской столице есть одна вещь, очень ценная для меня,

да, впрочем, и для всякого, кто знает ей цену. Только ради нее предпринял я путешествие. Когда же я приехал сюда, то весьма скоро узнал, что эта вещь находится у вас.

– Вот оно что! – сообразил Бессменный. – Однако чудно, что я владею такой вещью, о которой известно так далеко. Что же, вы хотите купить ее у меня?

– Если бы я хотел купить, разве я сказал бы вам цену вещи и то, что я ради нее приехал из Индии? Напротив, я скрыл бы это от вас, чтобы она досталась мне как можно дешевле. Нет, не купить я приехал к вам, а только сказать, чтобы вы ни за что не продавали ее, не отдавали никому, берегли пуще глаза.

– Что же это за вещь?

– Медальон ваш, у вас есть медальон...

Опять дело шло о медальоне, который Бессменный передал сегодня Наде. О существовании этого медальона знал каким-то образом граф Феникс, а теперь оказывается, что явившемуся из-за тридевять земель индусу он тоже известен. Князь в окончательном недоумении развел руками.

– Я тут ничего понять не могу, – сказал он

серьезно. – Каким образом мой медальон был известен вам в Индии?

– Разве люди, живущие в Индии, лишены возможности общаться с теми, кто живет в Европе?

– Правда. Сообщения существуют.

– И такие даже, о которых вы и понятия не имеете. Но не в этом дело. Мне нужно видеть ваш медальон.

– К сожалению, я не могу исполнить вашу просьбу... У меня нет больше моего медальона.

– Вы его отдали?

– Да.

– Кому, кому вы его отдали?

Бессменный ответил не сразу. С какой стати посвящать чужого человека в свои личные дела, зачем он будет рассказывать, кому и как отдал свой медальон?

– Не все ли вам равно? – проговорил он. – Вам достаточно того, я думаю, что медальона у меня больше нет.

Индус поднял руки и остановился как пораженный.

В поисках медальона

Кулугин решил действовать энергично, чтобы возможно скорее исполнить требование графа и достать для него медальон, переданный Наде Бессменным. Ему казалось, что сделать это не особенно трудно: стоит разыскать горничную Нади, пообещать ей хорошее вознаграждение – и медальон будет в его руках.

В те времена молодые люди часто входили в заговор с прислужницами хорошеньких светских барышень, передавая через них записки или устраивая какие-нибудь сюрпризы, носившие название «фантов». Этот путь был слишком обыкновенным, и потому, когда Кулугин обратился к одному из лакеев Елагина с просьбой вызвать к нему в сад горничную молодой барышни, тот нисколько не удивился и заявил, что это «вполне возможно». Он отвел Кулугина поближе к дому, в группу кустов сирени, и сказал, чтобы он подождал тут. Кулугин сунул ему в руку рубль.

Горничная не заставила себя ждать. Она выбежала, кутаясь в голубой платочек и

несколько деланно конфузясь. Впрочем, ей было немножко поистине боязно, так как «авантюра» происходила в первый раз и впервые ей приходилось участвовать в ней. Горничная была такая же молоденькая, как и ее госпожа, и очень хорошенькая, с быстрыми черными глазками и ямочками возле губ.

– Ишь ты, какая востроглазая! – усмехнулся Кулугин, взглянув на нее. – Тебя как зовут?

– Дуняшей.

– Ну, вот что, Дуняша, у меня дело к тебе есть...

– Вестимо дело, без дела я не вышла бы к вам.

– Значит, смекаешь, в чем суть?

– Разумеется! Все это понять мы можем, потому промеж молодых господ всегда авантюры бывают.

– Ну, вот, вот... Я вижу, ты умница... Так вот видишь ли, Дуняша, мне нужно, чтобы ты... помогла мне один фант устроить.

– Какой фант?

– Очень интересный. Потом смешно будет. А пока ты должна мне достать для этого у бабышны медальон.

– Какой медальон?

– А тот, что она получила сегодня от князя Бесменного. Он теперь при ней. Так вот, достань мне этот медальон!

– Зачем же он вам?

– Говорю тебе – для шутки, для фанта.

Дуняша задумалась.

– Нет! Вот ежели записку передать, так это я могу. А как же вдруг так – медальон?

– Да вот так. Ты его возьмешь потихоньку и передашь мне. А там уж не твоя печаль. Только умей держать язык за зубами.

– Да разве так делают?

– Ну, конечно, делают! Нешто я стал бы тебя подговаривать на что дурное? Будь этот медальон твоей госпожи – другое дело, а тут ей дал его князь Бесменный, такой же, как я. Значит, чего же тебе беспокоиться? – и, говоря это, Кулугин сунул в руку девушки две золотых монеты.

Дуняша, казалось, была побеждена в своем сомнении не столько доводами Кулугина, сколько «приложением», которое сопровождало эти доводы.

– Только ежели что, – проговорила она, –

так уж вы меня не выдавайте, чтобы мне как-нибудь отвечать не пришлось.

– Ну конечно! – с уверенностью протянул Кулугин. – Так смотри же, чтобы он, медальон, был у тебя завтра же, а я пришлю к тебе верного человека. Ты ему отдашь.

– Слушаю-с.

На этом они расстались.

Дуня, вернувшись к себе в комнату, осталась в сильном беспокойстве. Только теперь заметила она, как сильно билось ее сердце. Золотые она держала зажатými в кулаке; расставаться с ними ей не хотелось, но и выполнить поручение тоже было жутко. А вдруг этот медальон ценный! Если так, безделушка малостоящая, тогда еще ничего, но если это дорогая вещь?

«Посоветоваться бы с кем-нибудь...» – раздумывала она, но посоветоваться ей было решительно не с кем.

Между тем князь Бессменный после своего свидания с Кутра-Рари проснулся довольно поздно. На службу ему не надо было идти – утро выдалось свободное.

Вчерашний день вспомнился ему, как сон.

То ему казалось, что все, происходившее вчера, случилось очень давно, и он даже сомневался, случилось ли оно, – так было фантастично; то, наоборот, он ясно, как будто снова переживал все, видел перед собой Надю в садовой беседке, сидел с нею за обедом, ехал с Фениксом в карете, дышал ароматным дымом курильниц, и опять Надя протягивала к нему руки и говорила: «Муж мой!..» Потом образы сливались, исчезали в неясной дымке, и вырисовывалась фигура старого индуса с поднятыми к небу руками и лицом, выражавшим ужас, как это было, когда он узнал, что медальона больше нет у Бессменного.

– Что вы сделали, что вы сделали? – повторил старик, уходя. – Постарайтесь во что бы то ни стало вернуть эту вещь.

– Вернуть? – ответил ему Бессменный. – Никогда! Никогда я не пожелаю, чтобы мне вернули этот медальон, какая бы ни была цена его.

Он помнил, что сказал Наде, что если она разлюбит его, то пусть возвратит медальон. Ее любовь казалась ему дороже всего на свете, и он не мог желать получить от нее обрат-

но вещь, данную как бы в залог этой любви.

– Вы не знаете, что говорите! – попытался было возразить индус, но Бессменный не слушал его.

И потом, не все ли равно, у кого собственно находился в руках медальон, если Надя любит его и он любит ее, и все у них одно, потому что они, любя друг друга, тоже составляют одно?

Однако внезапное появление индуса не могло не задеть любопытства Бессменного. В чем могла заключаться особенная ценность медальона? Вещь казалась самой "обыкновенной" по внешнему виду, а внутри был вставлен миниатюрный портрет деда князя, почтенного старца в парике петровского времени. Этот портрет, конечно, не мог представлять интереса для жителя Индии.

Бессменный решил, что поедет к Наде, во-первых, для того, чтобы поделиться с ней впечатлениями и рассказать, что случилось с ним вчера, во-вторых, чтобы разглядеть хорошенько медальон, и в-третьих, и это было главное, чтобы повидаться с Надей, поговорить с ней, услышать ее голос. Он велел осед-

лать себе лошадь и верхом отправился на острова, во дворец Елагина.

По дороге надо было еще заехать к товарищу, чтобы тот стоворился с кем-нибудь и отправился к Фениксу для переговоров об условиях дуэли.

Впрочем, это дело менее всего беспокоило Бессменного, и он завернул к жившему по пути товарищу Цветинскому и сказал ему, что должен драться с графом Фениксом. Долгих разговоров не потребовалось: Цветинский обещал, что сделает все, что нужно, и съедется с Бессменным к обеду в трактире на Миллионной, чтобы сообщить, где и когда назначено сойтись с противником.

Покончив с этим, Бессменный вскочил на лошадь и пустил ее крупной рысью.

На мосту через Неву ему встретился Кулугин, тоже верхом. Тот ехал с островов. Они раскланялись. В конце пути Бессменный нагнал карету и узнал в ней экипаж Елагина. Князь подъехал к крыльцу вместе с каретой и слез с лошади как раз в тот момент, когда дверца кареты отворилась, и Елагин во всех регалиях и орденах показался на подножке.

Он ласково кивнул Бессменному и проговорил:

– Здравствуйте, князь! А я прямо из дворца сейчас. Милости просим... Прикажите доложить о себе Наде. Она примет вас, а меня извините. Мне надо переоблачиться.

Бессменный, конечно, нисколько не был в претензии на такое распоряжение. Но Елагин, прежде чем оставить его, еще раз извинился и как бы вдобавок этому извинению пояснил:

– А у меня тут еще должен сидеть интересный человек... Индус приехал? – обернулся он к лакею.

Тот сказал, что индус ждет в библиотеке.

– Вот, – сказал Елагин Бессменному, – это своего рода новинка в Петербурге, не уступит графу Фениксу; шума такого, как тот, не делает, но замечательная личность...

– Его зовут Кутра-Рари? – спросил Бессменный.

– А, и вы про него уже знаете? Ну, вот как-нибудь я вас познакомлю, а сегодня предварительно побеседую с ним один, чтобы узнать, действительно ли он таков, как гово-

рят про него. Так ступайте к Наде, она, вероятно, на террасе со своей мадамой.

Надя действительно была со своей «мадамой» – компаньонкой – на террасе.

Бессменный, войдя, церемонно расшаркался с дамами. Они привстали и присели ему.

Надя сидела за пядьцами и вышивала канителью по бархату. Мадам читала ей вслух по-французски похождения Телемаха. Чтение было скучное, работа в пядьцах – тоже занятие невеселое, и Надя, сидевшая с нахмуренным личиком, просияла вся при появлении князя. Он заметил эту осветившую все вокруг улыбку, заметил, как блеснули ее глаза, и видел также, как почти сейчас же потух ее взгляд и лицо снова омрачилось.

Заговорила мадам о погоде, о вчерашнем празднике и стала жаловаться на головную боль, мучившую ее. Бессменный отвечал, с недоумением поглядывая на Надю, которая ниже прежнего наклонилась над пядьцами и не принимала участия в разговоре.

– Что с вами? – наконец не вытерпев, обратился к ней князь, переходя на русский язык, непонятный для старой француженки.

Надя несколько испуганно взглянула на мадам, но та, по-видимому, не нашла предосудительным вопрос Бессменного на русском языке и, как будто даже довольная, что может отдохнуть, закрыла глаза, приложив руку к виску.

Надя ответила тоже по-русски:

– Со мной случилась сегодня большая неприятность. Она касается вас тоже.

– Неприятность?.. Касается меня? – спросил Бессменный, уже совсем забыв о медальоне.

– Да, представьте себе, медальон, тот самый, вчерашний, пропал у меня.

– Как пропал? Неужели? А я ведь приехал к вам, чтобы рассказать, что со мной было вчера, и именно по поводу этого медальона. Да как же он пропал?

– Не знаю. Вчера вечером я положила его в свою шкатулку, сегодня утром хватилась – его там нет. Я все переискала, везде, – как в воду канул.

– Шкатулка была заперта?

– Нет. У меня никогда ничего не пропадало. Мне и в голову не могло прийти, что допу-

стима пропажа. Кроме горничной Дуняши, ко мне никто не входил в комнату.

– Ну, а эту Дуняшу вы спрашивали?

– Конечно. И она ударилась в слезы и призналась...

– Значит, она взяла?

– Нет. Вчера ее подговаривал Кулугин, чтобы она потихоньку взяла у меня медальон и передала ему. Он уверял ее, что это для фан-та...

– Для фанта! – поморщился Бессменный. – Хорош фант, нечего сказать!

– Ну, ведь он не мог знать, какой это медальон, а вероятно, что-нибудь придумал, вроде фанта, основываясь на словах графа Феникса за обедом.

– То есть дерзости графа. Это была дерзость с его стороны, и он за нее ответит. Но что же Дуняша дальше сделала?

– Она долго не решалась, но потом рассудила, что такой барин, как Кулугин, не может сделать ничего дурного, и во всяком случае, если он не вернет медальона, она скажет мне обо всем...

– И она полезла в вашу шкатулку?

– Она пробралась ко мне в комнату на рас-
свете, открыла шкатулку, куда, как она виде-
ла, я положила с вечера медальон, но его уже
в шкатулке не было. Дуня испугалась и убе-
жала.

– А она не лжет?

– Она со слезами на глазах каялась, да и во-
обще, если бы она захотела лгать, то не стала
бы ничего рассказывать... просто начала бы
отнекиваться, что ничего не знает.

– Я встретил Кулугина, когда ехал сегодня
к вам, – проговорил Бессменный.

Надя утвердительно кивнула головою.

– Он был здесь. Я знаю это. Он вызвал Лу-
ню через лакея. Она пришла ко мне, чтобы
спросить, что ей ответить? Я послала сказать
ему через лакея, что запретила Дуне брать ме-
дальон. Будь медальон у нее – она все-таки
передала бы его Кулугину, а тут она все время
оставалась в моей комнате, пока был Кулу-
гин, и не пошла к нему. Нет, у нее медальона
не имеется; он пропал непостижимым обра-
зом.

– А вы знаете? Оказывается, что этот меда-
льон имеет какую-то особенную ценность.

И Бессменный стал рассказывать Наде историю вчерашнего посещения индуса.

Француженка-мадам сидела глубоко в кресле, закинув голову на спинку, и ровно дышала. Глаза ее были закрыты. Казалось, она спала.

– Боже мой, что же я наделала! – ужаснулась Надя, когда Бессменный кончил свой рассказ.

Она так заволновалась, что он пожалел, зачем усугубил ее беспокойство. Лучше было, пожалуй, ему не рассказывать.

– Ну, полноте! – заговорил он, стараясь утешить ее. – Ну, если даже этот медальон пропал безвозвратно, так что ж такого? Ведь для нас-то его эфемерная цена недорога. Именно эфемерная, потому что мы не знаем, в чем она заключается. Велико горе! А для меня, напротив, это служит предзнаменованием нашего счастья!

– Это каким образом? – удивилась Надя.

– Очень просто. Я сказал вам, чтобы вы вернули мне этот медальон, если разлюбите меня, ну, а теперь он пропал у вас, и, значит, вы не можете никогда вернуть мне его, пото-

му что его нет у вас; значит, вы никогда не разлюбите.

Надя повеселела.

– Так вы на меня не сердитесь? – спросила она.

– Мне сердиться на вас? – воскликнул Бессменный. – За что? Разве вы виноваты в чем-нибудь? Да если бы я даже знал истинную цену этому медальону – и тогда не жалел бы его. Что медальон! Весь мир пропади – лишь бы вы остались у меня, – и я буду счастлив.

Надя не скрывала своей радости.

– Надя, князь, – послышалось в это время сверху, – подите сюда!

Елагин, высунувшись из окна второго этажа, звал их.

– Вы зовете нас? – переспросил Бессменный.

– Да, да, идите сюда, – повторил Елагин, – ко мне в библиотеку, – и он отошел от окна.

– А он знает о пропаже медальона? – показал Бессменный на окно.

Надя сказала, что нет, потому что иначе ей пришлось бы объяснять, что это за медальон и откуда она получила его, а делать это она

не хотела, не посоветовавшись с Бессменным.

– И прекрасно, – одобрил он, – и не рассказывайте! Пусть вся эта история останется между нами.

И ему показалось особенно приятным, что между ним и Надей существует теперь тайна.

– Не станем будить ее, – сказала Надя, глядя на спящую француженку, – пойдете наверх, в библиотеку.

Наверху в библиотеке они нашли Елагина и индуса. Елагин ходил по комнате, Кутра-Рари сидел у стола и раскланялся с Бессменным, как; со знакомым.

– Я нарочно позвал вас, – заговорил Елагин, обращаясь к Наде и Бессменному, – чтобы вы были свидетелями. Вы видите эти часы? – спросил он, показывая на большие настенные часы, стоявшие в ящике из карельской березы. – Вы видите: маятник их остановлен...

Огромный маятник часов с блестящим медным диском действительно висел совершенно неподвижно.

– Остановлен, – подтвердил, взглянув на маятник, Бессменный.

– Ну вот, значит, мне это не кажется, а на

самом деле так, – подхватил Елагин. – А знаете, кто остановил его? И остановил, не прикасаясь руками, не отпирая дверцы часов, не сходя со своего места, одним пристальным взглядом?

Бессменный понял, что речь идет об индусе, и поглядел на Кутра-Рари. Тот спокойно сидел, как будто ничего особенного не случилось.

– Неужели это возможно? – недоверчиво улыбнулся князь.

– Я для этого и позвал вас, чтобы вы были свидетелями, – снова заговорил Елагин, – он обещает заставить маятник двигаться, так же, как остановил его. Смотрите!

Кутра-Рари в это время обернулся к часам, и его черные глаза уставились на маятник. Его лицо не изменилось, но преобразилось как-то, стало строгим, сосредоточенным. Однако особенных усилий или напряжения в нем не было заметно. Кутра-Рари глядел уверенно и пристально, вот и все.

Елагин остановился и притих, Бессменный и Надя затаили дыхание. Князь не спускал взора с маятника. Он видел, что маятник не

шевелится, висит и часы стоят, и не верил в душе тому, что они пойдут.

Но вот ему показалось, как будто едва заметно еще маятник колеблется – чуть-чуть двинулся в сторону, потом в другую.

«Это всегда так кажется, – подумал Бессменный, – когда долго глядишь на что-нибудь, то начинает мерещиться движение. Если на грудь мертвого смотреть, то в конце концов покажется, что мертвый дышит».

Но, думая это, князь вместе с тем должен был через несколько секунд убедиться, что он ошибается. Едва уловимое сначала колебание маятника мало-помалу становилось яснее. Теперь уже не могло быть сомнения, что тяжелый маятник закачался. Размах его делался все сильнее и сильнее, послышался наконец мерный стук, отбиваемый им, и слепому стало бы понятно, что часы идут.

«Да стояли ли они?» – усомнился Бессменный и сейчас же остановил себя: он должен был признать, что часы действительно стояли, а теперь шли, и сделал это Кутра-Рари, не сходя со своего места.

На свете нет тайны

Бессменный вышел от Елагина вместе с индусом. У подъезда конюх держал в поводу его оседланную лошадь и стояла карета Елагина для Кутра-Рари, чтобы отвезти его в город.

– Может быть, мой князь желает, чтобы я довез его до Миллионной? – обернулся индус к Бессменному.

Тот приостановился.

– Почему же до Миллионной? – спросил он, отлично помня, что ни единым словом не обмолвился о том, куда ему нужно было ехать.

– Потому что там господина князя ждет обедать его товарищ, – ответил индус.

«И этот тоже хочет показать, что ему известно все! – пришло в голову Бессменному. – Вчера граф Феникс, сегодня индус... – Да так жить станет невозможно, если про тебя все знать будут!»

– Я думаю, – продолжал между тем Кутра-Рари, – наша беседа с вами сегодня в карете будет более мирная, чем вчера у вас с графом Фениксом. Ведь меня вам нет причины

вызывать на дуэль?

«Да он действительно как будто знает все, – удивился Бессменный. – Это становится интересным».

– Откуда вы знаете, что я ехал вчера с графом Фениксом? – прямо спросил он.

– Если вам угодно – я рад объяснить; пожалуйста со мной в карету.

Бессменный больше не колебался. Ему хотелось получить хоть какое-нибудь объяснение загадок и странностей, на которые он стал наткаться со вчерашнего дня. Положим, в доме Елагина, посвященного масона и члена разных тайных и явных мистических обществ, он видел много из ряда вон выходящего, но все это казалось пустяками сравнительно с тем, чему пришлось быть ему свидетелем вчера и сегодня. И он поручил елагинскому конюху, чтобы тот привел его лошадь домой, а сам не заставил индуса повторять приглашение и сел в карету.

Кутра-Рари как будто остался доволен таким его решением и, сев с ним рядом, заговорил:

– Вот видите, князь, вы, я знаю, не верите и

не хотите верить ничему, что переходит границы вашего знания.

– Скажите вернее: понимания, – поправил князь.

– Ну, хорошо, понимания, я не хотел произносить это слово! Но неужели вы думаете, что раз вы что-нибудь не знаете или не понимаете, то этого не существует?

– Нет, я этого не думаю, но, как хотите, не могу верить ни во что сверхъестественное.

– И не верьте. Сверхъестественного, конечно, ничего не может существовать, так как если только оно существует, то уже не будет сверхъестественным.

– Позвольте, – остановил Бессменный индуса, – вот например, вчера граф Феникс, а сегодня вы показали мне, что вам известно то, что со мною было и что говорил я в тех или других обстоятельствах. Как вы могли узнать это? Или вам рассказал кто-нибудь, кто видел и слышал, или сами вы видели. Это – естественный путь, всякий же другой – сверхъестественный, и я ему не верю.

– Но вчера вас в карете никто ни подглядеть, ни подслушать не мог, – проговорил

Кутра-Рари.

– Тогда вам рассказал граф Феникс.

– Едва ли граф Феникс стал бы рассказывать кому-нибудь о своем вчерашнем разговоре. Есть еще путь узнать то, что было, узнать посредством зрения и слуха, так как они передают человеку впечатления внешнего мира. Но для этого не нужно присутствовать самому при том, о чем хочешь узнать.

– Как же это так? – спросил Бессменный.

– Вы, вероятно, знаете, – начал индус после некоторого молчания, – что и звук, и свет передаются не непосредственно, но нужно известное время на передачу их. Свет отдаленных планет достигает Земли в течение десятков лет. Представьте себе теперь, что на этих планетах устроены столь сильные телескопы, что в них можно рассмотреть все, что делается на Земле. Допустите, что наблюдатель в такой телескоп смотрит в настоящую минуту на ту местность, по которой мы едем сейчас. Вы думаете, он видит нашу карету и дорогу, и все, что мы видим на ней? Нет, в настоящую минуту он может увидеть только то, что происходило в этой местности пятьдесят, сто лет

назад, смотря по тому, насколько удалена от Земли планета, с которой он наблюдает, и сколько нужно времени свету, чтобы дойти от Земли до этой планеты. Отсюда вы видите, что есть возможность вполне естественным путем видеть, что происходило здесь десятки лет тому назад, значит, можно видеть и то, что происходило вчера.

– Но для этого нужно быть жителем другой планеты?

– Я вам говорю только о возможности простой и естественной, а что касается того, каким образом может воспользоваться ею житель не другой, а нашей планеты, то это составляет предмет особых знаний, и сообщить их вам я не могу.

Карета качалась на своих мягких рессорах. Бессменный поглядел искоса на старика Кутра-Рари, и этот азиат произвел на него впечатление совершенно иное, чем граф Феникс.

Граф был европеец в полном смысле слова, окруженный культурной роскошью, остроумный собеседник, смелый и ловкий человек, но с первого же взгляда Бессменный почувствовал к нему безотчетную антипатию и не

желал верить ни единому его слову, как тот ни старался доказать свое могущество, уверяя в вероятности невероятного.

Кутра-Рари говорил тоже о невероятных вещах, но в его речах было сосредоточенное спокойствие убежденного знания, и, наконец, все, что он говорил, было последовательно и логично. Бессменный, по крайней мере, не находил возражения.

– Значит, вы также готовы утверждать, – спросил он опять индуса, – что остановленный вами маятник был не фокус-покус, а вы, действительно, остановили его одним взглядом?

– Вы слышали о Месмере? – ответил вопросом Кутра-Рари. – Он, кажется, достаточно известен в Европе.

– Немножко слышал; он, говорят, показывает чудеса магнетизмом.

– Он пользуется – пока еще в очень ограниченных размерах – той силой, которой обладает каждый человек, если пожелает развить ее в себе. Называйте ее магнетизмом или иначе как-нибудь – это все равно, не в названии дело, а в том, что она существует.

– Да существует ли?

– Неужели вы думаете, что человек – не более чем соединение телесных органов, способствующих поддержанию его жизни и продолжению его рода? Ведь человек, кроме того, существо мыслящее и существо, которому открыто милосердие. Кроме человека – животного из тела и костей, существует человек разума и любви, который просвещает и жертвует собой для блага других. Вот вам элементарное проявление его духовных сил.

Кутра-Рари, чем больше говорил, становился симпатичнее Бессменному. В словах индуса было что-то хорошее, что подкупало, располагало и возбуждало, если не полную веру, то доверие.

– Позвольте, – стал рассуждать князь, – если вы в силах узнать все, что пожелаете, так вы можете, например, сказать мне, где теперь медальон, о котором вы меня вчера спрашивали?

– Вы передали этот медальон своей будущей невесте, воспитаннице господина Елагина.

– Вы знаете это? Ну, а дальше, дальше что

случилось с ним?

– Дальше – не знаю.

– Но можете узнать?

– Могу.

– Дело в том, что он пропал сегодня ночью.

– Я так и ждал этого. Вы хотите знать, кто похитил медальон?

– Пожалуй хочу, хотя бы для того только, чтобы убедиться еще раз в ваших знаниях. Но сам медальон меня не очень интересует. Я и без него счастлив...

Кутра-Рари остановил Бессменного, коснувшись его руки.

– А вам, наверное, известно, в чем ваше счастье?

– Ну конечно! – уверенно произнес Бессменный.

– Так всегда рассуждает молодость, готовая слушаться только собственных порывов. Вы не знаете ценности вашего медальона и, закрыв глаза, махнули на него рукой, думая, что счастливы. Но счастье – условное понятие на Земле, и только мудрый понимает и знает, в чем оно заключается для него. Однако мудрый не закрывает глаз, не ослепляет себя, но,

напротив, усиливает свое зрение и обостряет его... у каждого человека, когда он начинает жить сознательно, в руках его счастье, как был в руках у вас ваш медальон; но немногие, слышите ли, очень немногие умудряются удержать его. Все духовное имеет свое выражение в материи: что наверху, то и внизу. И счастье человека выражается чем-нибудь материальным. Спросите любого, кто чувствует себя несчастливым, и он непременно, если вспомнит хорошенько, скажет вам, что у него в начале жизни было в руках что-нибудь, что могло бы сделать его счастливым. Один теряет деньги, другой – какой-нибудь документ, третий – еще что-нибудь. Вы потеряли, или – хуже – сами отдали свой медальон. Теперь ищите его, ибо всякий человек, потерявший свое счастье при вступлении в сознательную жизнь, начинает искать его в этой жизни и ищет часто напрасно. Я вам желаю найти ваш медальон.

– А если я и искать его не буду?

– Будете.

– Посмотрим! Как хотите, я не могу признать, чтобы мое счастье зависело от какой

бы то ни было вещи, медальона или чего-нибудь вроде него. Ведь это было бы слишком мелко и ничтожно.

– Медальон тут не более как символ, внешнее выражение внутреннего смысла. Отдавая его, вы потеряли вместе с ним нечто другое, духовное.

– Что же именно?

– А вот ту силу, которая может заставить и маятник остановиться.

Бессменный почувствовал, что или его мысли мешаются, или то, что говорят ему, несуразно, как бред умалишенного.

– Позвольте, – проговорил он, – каким образом я, отдав медальон, мог лишиться какой-то духовной силы? Какая же тут связь?

– Вы отдали медальон любимой девушке? Ведь вы любите ее страстно, не правда ли?

– Да, да...

– Вот эта страсть, которая охватила вас и во имя которой вы отдали свой медальон, и парализовала вашу силу.

– Ну и бог с ней! – решил Бессменный.

Кутра-Рари улыбнулся только.

– Мы, кажется, приехали, – сказал он, – ка-

рета остановилась.

Они были на Миллионной, у подъезда трактира, где должен был ждать Бессменного его товарищ Цветинский.

Опять Кутра-Рари

Цветинский любил поесть, и Бессменный застал его за заказом обеда, объясняющим повару, как делать «черный соус» к сигу.

– Ну, что, был ты у графа Феникса? – спросил его Бессменный.

– Был, был, все сделано. Ты что предпочитаешь – цыпленка со стручками или телятину под бешамелью?

– Когда же драться будем?

– Завтра утром. Так, если тебе все равно, тогда цыпленка. Сделай ты нам цыпленка, – обернулся Цветинский к повару, – понимаешь, под белым соусом и со стручками... На жаркое я велел зажарить поросенка, – сказал он князю.

Бессменный сел и задумался.

– Ты что киснешь? – спросил вдруг Цветинский, отпустив наконец повара и перенося свое внимание на разговор с Бессменным.

Боязнь, что товарищ мог принять его задумчивость за выражение угнетенного настроения перед дуэлью, заставила князя покраснеть.

– Я сейчас, – поспешил пояснить он, – ехал в карете от Елагина с новым Фениксом своего рода, со стариком-индусом Кутра-Рари, и он мне наговорил разных вещей, я и задумался о них.

– Кутра-Рари? Знаю! – подхватил Цветинский, принимаясь за семгу, принесенную, для закуски. – Я только что познакомился с ним у графа Феникса.

– То есть... что ты называешь «только что»?

– А вот сейчас, перед обедом, когда я был по твоему делу у графа.

– Постой, братец, ты говори толком, оставь на минуту семгу.

– Нет, семги я не оставлю, потому что она бархатная, отличная семга, а говорю тебе толком, что познакомился сейчас с господином Кутра-Рари, или как он там называется, только что вот, у графа Феникса.

– Да, ведь с Кутра-Рари я только что сидел у Елагина, и потом, говорю тебе, он довез меня сюда в карете.

– Я видел в окно, что ты подъехал с ним. Но он уехал от Феникса раньше меня, а я остался, чтобы условиться о дуэли. Где же вы

встретились?

– Да у Елагина же. Он там провел сегодня все утро.

На этот раз Цветинский оставил семгу и глянул, разинув рот, на Бессменного.

– Да ты, может быть, его в зеркале видел? – спросил тот.

– В каком зеркале?

– У графа Феникса есть такое черное зеркало.

– В каком там зеркале! Когда я приехал, индус сидел у Феникса и разговаривал с ним. Граф познакомил нас. Мы поговорили немного, потом индус встал и уехал.

– О чем же вы говорили?

– А я его спросил, как делают одно индийское блюдо: «кэри» оно называется, отварной рис с разными приправами; я слышал о нем, но никогда не едал, так мне было любопытно.

– И он объяснил?

– Объяснил...

– Странные вещи! Как же я его видел у Елагина и прямо приехал с ним оттуда в карете?

– А ты не врешь?

– Да ведь ты сам видел, и карета была ела-

гинская.

– Видел, правда, но истинная правда и то, что я с ним у графа Феникса разговаривал.

– Значит, в Петербурге теперь два Кутра-Рари, – решил князь.

– Очевидно, – согласился Цветинский. – Ну, за их здоровье! – добавил он, протягивая рюмку.

Бессменный чокнулся с ним.

– Благодарю вас, господа! – раздался возле них голос старика-индуса.

Они оба вздрогнули и оглянулись.

Кутра-Рари в своей чалме и халате подошел к их столику.

– Еще раз здравствуйте! – поклонился он Цветинскому. – Позвольте, князь, присесть к вам? – спросил он, обращаясь к Бессменному.

– Милости просим! Но каким образом вы здесь?

– Самым обыкновенным – я вошел вслед за вами.

– А мне казалось, что вы уехали.

– Вам это только показалось. Я вошел за вами, и вы этого не заметили.

– Так это, по-видимому, твой индус? – ска-

зал по-русски Цветинский. – Как же он со мной кланялся, как со знакомым?

– Ну что, научили вы здешнего повара, как делают кэри? – обратился Кутра-Рари к Цветинскому.

– Позвольте, – заговорил тот, переходя на французский язык, – разве я имел честь с вами познакомиться сегодня у графа Феникса?

– Ну да, со мной, и расспрашивали меня о кэри и о том, какие напитки пьют в Индии и введен ли там лед в употребление.

– Действительно, я спрашивал и про лед, и про напитки, – подтвердил Цветинский Бесменному. – Хорошо! Значит, мы с вами были у графа Феникса. Так как же вы могли приехать от господина Елагина вместе с князем? Это непонятно.

– А между тем я приехал от господина Елагина вместе с князем, и по дороге мы разговаривали о вещах непонятных, которым князь не верит, потому что они непонятны ему.

– Но, по крайней мере, объясните, как вы могли в одно и то же время быть в разных местах?

– Мои объяснения не помогут до тех пор,

пока вы сами не поймете того, что непонятно вам теперь.

– Но как же мы этого достигнем?

– Путем работы над собой.

– А с чего же надо начать эту работу?

– Хотя бы с того, что научиться владеть всем собой и победить в себе всякую страсть – будь это страсть к любимой девушке или просто к тому, чтобы хорошо и плотно покушать.

– Вы хотите, кажется, посадить меня на диету? – спросил Цветинский. – Нет, тогда я вам прямо скажу: «Увольте!», тогда я не желаю понимать непонятное. Я предпочитаю добрый кусок и стакан хорошего вина всем отвлеченностям, да и вы, вероятно, не откажетесь разделить с нами наш обед. Могу вас уверить – он будет недурен... Я сейчас велю вам подать прибор...

– Благодарю вас, – ответил Кутра-Рари, – я никогда не обедаю.

– Неужели обходитесь только завтраком и ужином?

– И не завтракаю, и не ужинаю.

– Так вы лишаете себя смысла жизни!

– Разве смысл жизни в еде?

– Ну конечно! – рассмеялся Цветинский. – Посмотрите, какие нам щи принесли – наварные, ароматные! Какая тут философия устоит против них!..

– А вы тоже того же мнения, что смысл жизни в еде? – спросил Кутра-Рари у Бессменного.

– Нет, я вовсе не разделяю этого мнения, – проговорил тот, невольно усмехнувшись. – Но мне хочется есть. Я проголодался с утра.

– Тогда пойдемте ко мне.

– Как «пойдемте ко мне», когда он голоден и щи стоят на столе? – перебил Цветинский. – Нет, уж сегодня пусть он ест обед моего заказа, а в другой раз пойдет к вам обедать, если вы брезгуете нашим хлебом-солью.

– Я не зову князя обедать к себе, – пояснил Кутра-Рари, – потому что я, как сказал вам, не обедаю; напротив, то, что я хочу показать ему у себя, не имеет ничего общего с едой. Я желал бы только, чтобы князь доказал на деле свои слова, что для него еда не имеет важного значения.

– Можно не придавать ей значения, но следует есть, когда хочется, – стал возражать

Цветинский, – князь может идти к вам после обеда... Кушай, брат, щи отличные!..

Он налил до краев тарелку щей и передал ее Бессменному.

– Князь, – проговорил Кутра-Рари, – оставьте еду и пойдите ко мне!

– Это тоже символ? – спросил Бессменный.

– Да, и символ, и вместе с тем необходимость. Сытый желудок мешает ясности зрения.

– А вы далеко живете?

– Здесь, в номерах при этом трактире, наверху.

Странное дело, но то обстоятельство, что индус жил здесь же, где они назначили свидание с Цветинским, показалось Бессменному почему-то наиболее удивительным из всего необычайного, что случилось с ним вчера и сегодня. Положим, трактир был из лучших, но они легко могли выбрать и другой, а между тем выбрали именно этот, и оказалось, что ему с индусом нужно было ехать в одно и то же место.

– Пойдемте! – вдруг, вставая, сказал Бессменный, неожиданно решившись.

Кутра-Рари встал, поклонился и повел его.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул им вслед Цветинский. – На что же это похоже – голодному человеку от обеда не евши вставать! Поистине чудеса в решете!

Но Бессменный не слушал его.

Над трактиром были номера, считавшиеся из самых дорогих в то время в Петербурге, что не мешало им быть довольно-таки скромными. Однако длинный коридор, куда выходили двери комнат, содержался чисто, только запах лампового масла чувствовался в нем.

Номера, которые занимал Кутра-Рари, были в конце коридора, несколько удаленные от других.

– Милости прошу, – пригласил индус, отворяя дверь, – вот я здесь живу.

Комната, куда вошел Бессменный, оказалась самой обыкновенной. Но стены ее были выкрашены заново клеевой краской, белый деревянный пол был начисто выскребен, подоконники и переплеты рам тщательно вымыты, на мебель надеты свежестырянные чехлы. Все было необычайно опрятно, но более чем просто. Все лишнее, все, что так или ина-

че обыкновенно способствует украшению, было удалено: ни зеркала, ни картин на стенах, ни драпировок.

Кутра-Рари провел Бессменного в другую комнату, ничем не отличавшуюся от первой. Та же опрятность и больше ничего.

– Я вам говорил, мой князь, – начал Кутра-Рари, усадив гостя, – что могу узнать, где ваш медальон теперь. Хотите сами видеть это?

– Как вам будет угодно! – согласился Бессменный. – Как же вы мне это покажете? В зеркало?

– В черное зеркало, как граф Феникс? – усмехнулся Кутра-Рари. – Нет, у меня не существует никакого зеркала. – Он встал, говоря это, подошел к столу, на котором стояла небольшая шкатулка черного дерева с перламутровыми инкрустациями, и вынул из нее хрустальный шар, гладко отшлифованный. – Возьмите этот шар, князь, думайте о медальоне и смотрите на свет сквозь хрусталь!

Правдивое видение

— «Думайте о медальоне!» – сказал Кутра-Рари. Дался ему этот медальон! – подумал Бессменный, и, как только сосредоточился, мысли его остановились невольно не на медальоне, а на той, которой он отдал его.

«А что, если бы Надя увидела меня сейчас, как я сижу и смотрю в этот шар? – пришло ему в голову. – Не показалось бы ей это глупым?.. А где-то она теперь и что делает?!»

Прозрачный хрусталь шара блестел на свету и играл, преломляя лучи. Глазу неловко было смотреть в него, но почти сейчас же Бессменный стал различать в хрустале что-то вырисовавшееся в ней, сначала туманно, потом яснее и яснее.

И он увидел Надю. Она стояла перед Елагиным и плакала. Они прощались, он благословлял ее.

– Вы видите что-нибудь? – спросил Кутра-Рари, стоявший за спиной Бессменного.

– Вижу! – ответил тот.

Надя с Елагиным вышли на крыльцо. Их

сопровождал благообразный старик, почти-тительно шедший за ними. Карета подъехала к крыльцу, лакей вынес два небольших баула и положил в карету. Судя по жестам Елагина, он успокаивал и утешал Надю, говорил, что так, мол, и нужно, что тут ничего поделывать нельзя. Она села в карету, с ней рядом помещился старик, дверца захлопнулась, и карета покатилась.

– Надя уехала! – проговорил вслух Бессменный.

– Вы, значит, о ней думали, а не о том, о чем я говорил вам, – ответил ему Кутра-Рари.

В хрустале все смешалось, подернулось молочной дымкой, затем она растаяла, и хрусталь стал опять прозрачно-светлым, режущим глаз. Бессменный опустил шар.

– Что я видел? – обернулся он к Кутра-Рари. – Что это? Прошое, настоящее, будущее или просто ничего не значащий бред?

– Вы должны были видеть настоящее, – ответил индус.

– То есть то, что происходило в ту минуту, когда я смотрел?

– Да.

– Так куда же она уехала?

Кутра-Рари пожал плечами.

– Я этого не знаю.

– Да не может быть!.. Ей некуда уезжать... с баулами... с каким-то стариком... прощалась с Елагиным... Не может быть! Я ее только что видел, она бы сказала мне... Я не верю вашему хрусталу...

Индуc молчал.

– Хотя я там так ясно видел, – начал снова говорить Бессменный, – так ясно, как вчера в черном зеркале!.. Знаете что? Я готов сейчас отправиться опять на Остров и проверить.

– Проверьте! – сказал Кутра-Рари.

– Конечно, я так и сделаю. Можно послать за ямской каретой? Впрочем, я сам пошлю снизу. Мне все равно надо сказать два слова Цветинскому, – и, простившись с Кутра-Рари, Бессменный спустился вниз, послал слугу за каретой, а сам зашел в общий зал, где Цветинский трудился над сигом в черном масле.

– Что, брат, голод не тетка? – встретил тот его. – Ну, брат, не пеняй, от сига одни кости остались, я почти весь съел. Отлично он его приготовил.

Бессменный махнул рукой.

– Не до сегов мне теперь! Мне нужно сейчас ехать. Я зашел только, чтобы спросить тебя, как будет завтра утром: ты заедешь за мной или я должен отправиться к тебе, чтобы ехать на место дуэли?

– Заезжай ты ко мне.

– Драться будем на пистолетах?

– На пистолетах! – с трудом выговорил Цветинский, прожевывая кусок.

– Ну, до свиданья!

Пришли сказать, что карета подана, и Бессменный чуть ли не бегом выбежал из комнаты.

Всю дорогу гнал он кучера, то обещая на водку, то говоря, что он его в гроб заколотит. Переезд казался ему бесконечным, но, по мере приближения к Острову он начинал мало-помалу успокаиваться.

«Нет, – решил он, когда елагинский дворец был уже виден издали, – некуда ей уезжать, и все это – вздор и пустяки; вот я сейчас приеду и увижу ее. И отличный предлог у меня, чтобы приехать во второй раз сегодня: расскажу Елагину про фокус индуса, и он увидит, что

это – вздор и маятник тоже был вздор».

Но когда князь поднимался по ступеням подъезда, сердце его все-таки сильно билось.

– Господин Елагин дома? – спросил он гайдуков, дежуривших в вестибюле.

– Никого не принимают! – почтительно, но твердо ответил старший.

– А барышня?

– Барышня уехали.

Бессменный почувствовал, как кровь отливает у него от щек и руки холодеют.

– Куда? – проговорил он.

– Не знаем-с.

– Да как? Надолго уехала или, может быть, просто в гости?

– Похоже, что не в гости, потому что с баулами и поклажей.

– С кем же уехала она?

– Незнакомый господин, старик, приехали, вызвали старшего камердинера, тот провел их прямо к барину, они поговорили, потом уехали с барышней.

Виденное Бессменным в хрустале оказалось не обманом. Все подтвердилось именно так, как видел он в хрустале.

Князь стоял некоторое время в раздумье, а затем, вдруг решившись, приказал:

– Доложите обо мне!

– Не приказано беспокоить! – пояснил один из гайдуков, наиболее смелый.

Бессменный стал настаивать.

– Я вам говорю, что доложите. Мне надо видеться немедленно, по важному делу. Доложите! Я на себя беру ответственность.

– Кабы не строгий приказ, – все-таки колебался один из слуг.

– Разве старшего камердинера позвать? – догадался другой.

– Ну, зовите старшего!

Явился старший камердинер. Бессменный долго толковал ему, что ручается, что барин не рассердится и примет его. Старший долго раздумывал, наконец кивнул головой.

– Хорошо-с, я доложу! – произнес он и отправился докладывать.

Бессменный, сильно волнуясь, стал ходить по вестибюлю в ожидании. Он знал, что Елагин падок на все таинственное, и не сомневался, что рассказ о Кутра-Рари и его хрустале заинтересует его настолько, что он простит,

что его побеспокоили. Если же так, то он узнает, зачем и куда уехала Надя?

Старший вернулся и со строгим лицом доложил, что «просят».

Бессменный пошел наверх, в кабинет к Елагину. Тот сидел за письменным столом, в шлафроке, нахмуренный, сильно не в духе.

– Мне ни до кого сегодня, – встретил он князя, – и я принимаю вас лишь по настоящей вашей просьбе. У вас важное, говорите, дело?

– По-моему, из ряда вон выходящее, – заговорил Бессменный. – Надежда Александровна уехала?

Елагин поглядел на князя, нахмурился и отвернулся. Должно быть, он был сильно расстроен. Бессменный всегда, во всех случаях видал его изысканно вежливым и учтивым, и теперь то, что он не ответил на вопрос, было для Елагина почти грубостью.

– Дело в том, – поспешил заговорить Бессменный, – что я видел ее отъезд на далеком расстоянии. Кутра-Рари показал мне его. Это было удивительно. Я не хотел верить, приехал сюда нарочно и вдруг узнаю, что она дей-

ствительно уехала! Я побеспокоил вас, чтобы рассказать вам и засвидетельствовать о таком случае, который, по-моему, гораздо знаменательнее, чем остановленный индусом маятник.

Елагин, видимо, смягчился, как бы поверив тому, что Бессменный явился к нему не ради своего личного дела, но вследствие того лишь, что был поражен необычайностью случившегося с ним.

– Так вы говорите, – переспросил он, – что Кутра-Рари показал вам отъезд Нади? Каким же образом?

Князю вместо ответа хотелось закидать Елагина вопросами о том, куда уехала Надя, зачем, почему так внезапно и надолго ли? Но он должен был сдержаться и ответить только:

– Он показал мне в хрустальном шаре, и я увидел в нем всю сцену отъезда.

– В хрустале! – повторил Елагин. – Я знаю об этом способе. Во Франции для той же цели берут стакан с водою, но это все равно... Ну, ничего нового вы мне не сообщили! Но все-таки это интересно.

– Кроме того, в эти два дня, вчера и сегодня, благодаря встрече с графом Фениксом и Кутра-Рари мне пришлось быть свидетелем еще многих странностей, – проговорил Бессменный и принялся рассказывать Елагину обо всем, что произошло с ним со вчерашнего дня.

Рассказать надо было, потому что только этим путем, то есть откровенностью, он мог получить хоть какие-нибудь сведения о Наде. Он не скрыл ничего, признался перед Елагиным во всем, передавая ему историю с медальоном во всех ее подробностях. Из этих подробностей Елагин легко мог заключить, что они с Надей любят друг друга.

Елагин, видимо, относился к нему далеко не враждебно; он слушал, порой перебивал, задавая вопросы, и снова принимался слушать.

– Из всех ваших слов, государь мой, – сказал он наконец Бессменному, – я могу заключить о тех чувствах, которые вы питаете к моей воспитаннице. Впрочем, я догадывался о них и раньше...

«Да, но где она, где она? – билось внутри

Бессменного. – Скажите, где она!..»

– Но, к сожалению, я должен предупредить вас, – продолжал Елагин, – что едва ли вы увидите с нею когда-нибудь... Надя уехала от меня навсегда!..

– На-все-гда?.. Куда же?

– Этого я вам сказать не могу.

– Но как же так? Почему?

– Вы ведь знаете, что она была лишь воспитанницей моей? Да? Я не отец ей и не имел власти удержать ее у себя. Это все, что я могу вам сказать. Но не пытайтесь узнать, где она теперь... Все старания будут напрасны. Вы ее никогда не увидите.

Бессменный почувствовал, точно воздуха вдруг не хватило и дышать стало ему нечем. В глазах его потемнело, но он сделал над собой усилие и проговорил:

– Я найду ее!

После дуэли

Клавесины играли, и струны их пели, пели однообразно, уныло, протяжно нескончаемую песню, полную тоски. Звук ее то замирал, то усиливался, становился полным и гармоничным, потом вдруг спадал и раздавался снова и снова ослабевал.

Бессменный открыл глаза. Он лежал у себя в спальне, на постели. Клавесинов больше не было. Цветинский сидел на стуле, отвернувшись к окну.

– Очнулись! – слышался голос Петрушки.

Цветинский вздрогнул, обернулся и поглядел на Бессменного. Тот опять опустил веки, но звуков песни не услышал, словно ее и не было никогда.

– И впрямь очнулся! – проговорил Цветинский и подошел к кровати.

Князь снова глянул.

– Кто тут играл? – спросил он.

– Тут никто не играл, – ответил, нагибаясь, Цветинский.

– А клавесины? – улыбнулся Бессменный.

– Никаких клавесинов не было – это ты во сне, должно быть...

– А я спал?

– Бог тебя знает, спал ли ты или в беспмятстве был. Ты узнаешь меня?

– Узнаю.

Цветинский вдруг радостно просиял.

– Ну, значит, не бредишь, а в своем уме! Ты поесть не хочешь ли?

Несколько слов, произнесенных Цветинским, обессилили его, и он опять закрыл глаза. Говорить ему было трудно, но соображать он мог вполне ясно. Звуки замерли и не мешали.

Князь теперь отчетливо сознавал и помнил, что произошло с ним. Вчера он не ел целый день. Не пообедав с Цветинским, он поехал на Остров к Елагину, а от Елагина вернулся домой. Надя уехала. Нади не было, ее увезли, а куда? Елагин не только отказался сообщить, но заверял определенно, что нечего и стараться узнать, где она теперь.

Конечно, Бессменному легко было сказать у Елагина: «Я найду ее!» – но каково было исполнить это на самом деле? Где найти путь,

как догадаться, получить хоть малейшее указание? «Кутра-Рари!» – решил Бессменный. Теперь он уже верил в силу индуса и в его чудодейственный хрусталь.

Он отправился в трактир на Миллионной, но не нашел дома Кутра-Рари. Пришлось опять вернуться к себе и остаться один на один со своими мыслями... А что могли дать эти мысли? Одно только убеждение, что, если Елагин заверял – напрасно-де будет искать Надю, так знал это наверняка; значит, никто тут ничего не поделает, ни даже индус с его чудесами, а уж один-то Бессменный совсем бессилен.

Да и с какой стати Кутра-Рари станет помогать ему? Индусу нужен зачем-то медальон – и он, пожалуй, поможет отыскать его, а Надю!.. Кутра-Рари прямо говорил против страсти, против любви его, то есть против Нади! Что же делать?

Бессменный искал и не находил ответа. Он забыл о еде и о сне, и заря застала его бодрствующим. Он все-таки помнил, что на сегодня назначена дуэль, и в определенный час поехал к Цветинскому, поднял его, и они от-

правились на условленное место поединка, в лес, за речкой Фонтанной.

Граф Феникс ждал их со своими секундантами. Одним из них был Кулугин.

Бессменный, после бессонной ночи, не евший почти сутки, едва владел собой; голова у него кружилась, в висках стучало, и в глазах расплывался туман. Настроение его было таково, что, когда их поставили к барьеру, он с удовольствием подумал не о том, как лучше ему выстрелить в противника, а о собственной смерти. Рука его сильно дрожала; когда он поднимал пистолет, то чувствовал, что даст позорный промах, если выстрелит, потому что не мог целиться. Эта дрожавшая рука рассердила его, и как бы назло самому себе он потянул курок. Раздался выстрел, и дым окутал все. Другого выстрела Бессменный не слышал; он помнил только, как упал, и очнулся вот теперь, у себя в постели, услышал голос Петрушки и увидел Цветинского.

– Я ранен? – спросил он, собравшись с силами.

– Не говори много, – остановил его Цветинский, – он тебе в бок угодил, навывлет. Я ду-

мал – смертельно, доктор тоже сказал, что безнадежно... Тебе индус перевязку сделал и в рот капал какого-то эликсира.

– Кутра-Рари? Ты посылал за ним?

– Нет, он сам пришел. Он сказал, что к четырем часам ты очнешься... А теперь десять минут пятого.

– Индус придет еще?

– Ничего не сказал, не знаю. Да ты поесть не хочешь ли?

– Нет, а пошли сейчас Петрушку к индусу, попроси, чтобы он пришел ко мне.

– А бульону я тебе все-таки дам, – настоял Цветинский, – у меня нарочно для тебя бульон сделан, сам готовил... так и индус сказал, чтобы тебе дать бульону, когда ты очнешься...

И он с чайной ложечки стал кормить Бесменного бульоном.

Между тем граф Феникс вернулся с места дуэли после своего удачного выстрела домой вместе со своим секундантом Кулутиным. Он провел его в маленькую столовую, где был накрыт стол «для легкого утреннего завтрака», как сказал граф, но на самом деле тут было столько разных холодных яств, закусок, фрук-

тов и сладостей, что их хватило бы на хороший обед. В фарфоровом севрском кофейнике дымился душистый кофе.

– Вы любите этот напиток? – стал угощать Феникс Кулугина.

Тот не заставил просить себя. С утра, чтобы не опоздать к поединку, он наскоро выпил стакан сбитня и теперь был голоден. Он ел с удовольствием, но казался молчаливым и грустным. Феникс изредка с улыбкой поглядывал на него.

– Я до сих пор не могу примириться с мыслью, как это мне не удалось достать для вас этот медальон! – заговорил наконец Кулугин. – Дело казалось таким простым. Я был уверен, что горничная достанет мне его.

– Но было уже поздно! – улыбнулся граф. – О медальоне, видимо, позаботились раньше.

– Как позаботились?

– А вы разве не знаете этого?

– Нет. На другой день после обеда у Елагина я утром ездил в его дворец и не мог добиться никого – ни горничной, никого, словом, а потом узнал, что и Надя уехала, а куда – неизвестно.

– Так что теперь нужно отыскивать уже не медальон, а саму его обладательницу?

– Во что бы то ни стало!

– Неужели она вам так нравится?

– Да, она мне так нравится! И теперь более, чем когда-нибудь, я надеюсь, что, может быть, успех будет на моей стороне. Ведь если она исчезла для меня, то, вероятно, также и для Бессменного. Елагин говорит всем, что она уехала за границу, навсегда, что ее ждет там какой-то высокий жребий...

– Да, он и мне объяснил так вчера вечером ее исчезновение, – подтвердил Феникс.

– Ну вот! Нельзя же предполагать, что ожидающий ее высокий жребий – замужество с князем Бессменным? Может быть, и исчезновение-то ее объясняется именно их любовью, открытой как-нибудь случайно. Взяли да и увезли ее от Бессменного – вот и все. Теперь ищи он ее! А, пожалуй, его сегодняшняя рана окажется смертельной, если же он и оправится, то, конечно, не скоро... Поле открыто для действий.

– Так вы желаете действовать?

– С вашей помощью, граф!

– Но помните, я вам обещаю эту помощь лишь при условии, что вы достанете медальон.

– Я не отказываюсь искать его. Вы говорите, о нем позаботились раньше?

– Да, когда наученная вами горничная сунулась в шкатулку – медальона уже там не было.

– Откуда вы знаете это?

– Знаю. Мало ли что я знаю? Не в этом дело. Но вы со своей решительностью и упорством мне нравитесь. Ищите медальон, а я готов помочь вам найти любимую девушку.

– Так, значит, моя услуга еще нужна вам? – обрадовался Кулугин. – Я очень рад. Я уже думал, что вам известна судьба медальона, что, может быть, он даже уже у вас... Помните, вы говорили, чтобы я торопился...

– Оставим судьбу медальона в стороне. Где бы он ни был, у меня или у кого-нибудь другого – мне нужно, чтобы вы искали его... Мне нужно так...

– Хорошо... Я буду искать, – согласился Кулугин. – Но если медальон у вас?..

– Тогда ищите его у меня.

– Но ведь это будет простая комедия!

– А не все ли вам равно?

– А если и с вашей стороны будет обещанная мне помощь – тоже не более как комедия?

– А это уже предоставляю вам самому рассудить. Как хотите, я вас ни к чему не неволю, – проговорил Феникс, вставая из-за стола.

Кулугин тоже встал и, огибая стол, случайно заглянул в окно. Он вздрогнул, двинулся вперед и остановился, протянув руки.

Окно выходило в сад. Из него была видна лужайка, и на дорожке, по ту сторону этой лужайки, Кулугин увидел Надю, гулявшую с француженкой-мадам. В то время как он заглянул в окно, они зашли за густую чащу кустов и исчезли, но он видел их и не мог ошибиться.

– Граф, – вырвалось у него, – да Надя со своей мадам у вас. Я сейчас видел их в саду. Они зашли вон за те кусты.

– Послушайте! – добродушно и весело рассмеялся Феникс. – По-вашему, все у меня: и медальон, и ваша возлюбленная. Однако вы и впрямь сильно увлечены ею, что она вам

всюду мерещится.

– Да не мерещится, а я видел ее своими глазами у вас здесь, в саду.

– Говорят, влюбленные близки к сумасшествию – берегитесь!

– Неужели же мне показалось только?

– Все может показаться... Однако бросим пустяки и давайте говорить серьезно! Пройдемте сюда! – и граф Феникс поднял тяжелую портьеру, занавешивавшую дверь в соседнюю комнату, которая выходила окнами на противоположную саду сторону дома.

Кулугину хотелось остаться в столовой, чтобы глядеть в сад, ожидая, не появится ли там вновь Надя.

– Милости прошу! – настойчиво повторил граф.

Надо было повиноваться – иначе показалось бы неучтиво.

«Если она действительно у него, – сообразил Кулугин, – и если он скрывает это, то все равно настойчивостью и насилием я ничего не подделаю. Будем ладить с ним миром!..» – и он поспешно прошел в дверь.

Граф вошел за ним и опустил портьеру.

– Мне надо, чтобы вы устроили мне одну вещь, – начал он, усадив Кулугина и понижая голос. – Вот в чем дело...

«Да, – думал Кулугин, – ведь если бы Надя теперь была у него, то есть если бы он имел возможность взять ее к себе от Елагина, то незачем было бы ему заставлять меня доставать у нее, пока она была у Елагина, медальон. Она взяла бы его с собой сюда... Ничего не понимаю!»

А в это время Феникс объяснял ему свое дело, и Кулугин, думая о Наде, слушал все-таки и понимал, чего от него требуют.

– Так вот, – заключил граф, окончив свое объяснение, – согласны вы быть моим помощником? Кулугин на все согласился.

У светлейшего

Потемкин был не в духе, то есть сидел у себя в кабинете в халате, небритый, никуда не ездил, никого не принимал и никого не хотел видеть. Тем не менее большая круглая приемная Таврического дворца с утра наполнялась народом, искавшим случая «поклониться» светлейшему. Старые и молодые люди в военных и придворных мундирах толпились тут, шептались и, когда дежурный офицер объявлял, что и сегодня приема не будет, расходились неудовлетворенные. Третий день уже продолжалась эта хандра Потемкина.

Приемная опустела. Осталось только двое-трое наиболее упорных, но и они ушли наконец.

В это время дверь из кабинета светлейшего отворилась, и на пороге показался сам Потемкин в распахнутом халате, с плохо расчесанными, ненапудренными волосами, распадавшимися в разные стороны, с искаженным гневом лицом.

– Господин дежурный офицер! – крикнул

он полным голосом, и из дежурной комнаты показался на его зов Кулугин – дежурный в этот день в Таврическом дворце. – Кто смел, кто смел положить ко мне эту записку? – набросился на него Потемкин, тряся в руке небольшой лист синей почтовой бумаги.

Полное недоумение выразилось на лице Кулугина. Он выпрямился и глядел на князя, видимо, готовый исполнить всякое его приказание, но решительно не понимая вопроса, который задавали ему.

– Вот эту записку? – повторил Потемкин, показывая на бумагу.

– В течение моего дежурства с утра никто не входил в кабинет вашей светлости! – отчетливо произнес Кулугин.

Потемкин остановился. Он, казалось, убедился по виду Кулугина, что тот не виноват ни в чем, повернулся и ушел в кабинет, хлопнув дверь.

Через некоторое время в кабинете послышался звонок. Кулугин кинулся туда. Потемкин сидел у стола. Он все еще держал записку в руках и теперь внимательно разглядывал ее.

– Что это такое? – гораздо уже мягче произнес он. – У меня на столе очутилась записка какого-то графа Феникса. Вы все время были в дежурной?

– Все время, ваша светлость.

– Никто не входил сюда?

– Никто.

– Странно! Вы не знаете, кто это – граф Феникс?

– Я знаю, ваша светлость, что граф Феникс – человек, достойный удивления во всех отношениях. Он появился недавно в Петербурге. Образ жизни его поразителен по своей роскоши, но еще более поразительны дела этого человека. Ему все доступно...

– И даже доступно класть невидимкой записки в мой кабинет?

– И даже это, ваша светлость! – спокойно подтвердил Кулугин.

– Вы знакомы с ним?

– Знаком, как и многие в обществе.

Этот ответ и, главное, спокойствие Кулугина, казалось, произвели свое действие и убедили светлейшего. Начни только Кулугин отрицать свое знакомство с Фениксом – Потем-

кин не поверил бы его непричастности к таинственному появлению записки, но он держал себя так наивно просто, так смело глядел в глаза и, видимо, так действительно был уверен в могуществе графа, что сомневаться в нем не представлялось возможности.

Потемкин снова опустил взор на записку. В ней было всего две строки: «Для человека сильного нет ничего невозможного. Так говорит граф Феникс».

– Пошлите сейчас, – приказал светлейший, – за этим графом. Я хочу его видеть.

Кулугин поклонился и пошел, чтобы исполнить приказание, но едва отворил он дверь в приемную, как дрожь охватила его, он пошатнулся и удержался за ручку двери, чтобы не упасть.

– Ваша светлость, – с усилием выговорил Кулугин, – граф Феникс... граф Феникс уже в вашей приемной... Он здесь...

Его испуг и удивление казались настолько правдивы, что нельзя было допустить мысли, что они поддельны. Кулугин так и замер, отворив настежь дверь, а на пороге этой двери показалась фигура графа Феникса, который

низко, но с достоинством поклонился Потемкину и не торопясь произнес:

– Вы желали видеть меня, ваша светлость?

На этот раз сам Потемкин как будто был удивлен. Но он быстро овладел собой, показал Кулугину, чтобы тот вышел, и рукой пригласил Феникса сесть против него.

Граф не выказал перед светлейшим ни смущения, ни особенной и излишней развязности. Потемкин сразу увидел в нем человека, уверенного в себе, привыкшего к обращению во всяком обществе, по виду скорее даже скромного, но не слабого этой скромностью, а напротив, словно вооруженного ею. Эта обходительность странного графа и понравилась Потемкину, и вместе с тем была ему немного неприятна. Он предпочел бы, чтобы Феникс выказал смущение перед ним.

– Я не люблю, сударь, ничего невыясненного и таинственного, – прямо заговорил он. – Начнем с того, что вы мне объясните сейчас же, как попала ваша записка ко мне сюда на стол?

Потемкин сказал это до некоторой степени тоном приказания, тоном человека, не при-

выкшего к слушанию, а напротив, уверенно-го в том, что сию минуту ему ответят точным и подробным объяснением того, о чем он спрашивает.

Но граф Феникс не выказал никакой поспешности.

– Ваша светлость, – начал он после некоторого молчания, – не спрашивали так настойчиво, откуда получили план укреплений Очакова, когда осаждали этот город, а напротив, получив его, поспешили только приступить к делу, то есть к штурму.

– Вам известно нечто об очаковском плане? – спросил Потемкин, нахмутив брови.

– Как видите, ваша светлость! – ответил Феникс.

Потемкин помнил, как сейчас, тяжелые дни осады Очакова. Наши войска, далеко не превосходившие численностью неприятеля, обложили город и держали турок в осаде. Турки и думать не хотели о сдаче. Идти на приступ было опасно, потому что очаковские твердыни считались неприступными. Мало того, было известно, что у неприятеля работают французские минеры, заложившие мины

вокруг укреплений, чтобы взорвать штурмующие колонны. План этих мин был прислан из Парижа. Потемкин ассигновал неограниченный кредит нашему парижскому послу, чтобы тот достал этот план, и после долгого ожидания план наконец пришел, но не от посла, как оказалось впоследствии. Посол писал о полной невозможности достать его тогда, когда он был уже в руках у светлейшего. План был привезен тайным агентом Потемкина и оказался вполне верным. Благодаря ему сделаны были распоряжения, как и с какой стороны брать турецкие редуты вдали от мин, и, действительно, наши войска ничуть не пострадали от них.

Но граф Феникс был прав: тогда, в горячую пору войны, Потемкин не спросил агента, как и откуда достал он план, хотя и поспешил воспользоваться этим планом. Однако все это держалось в величайшем секрете. Знать об этом мог только прикосновенный к делу человек. Граф Феникс знал – значит, был прикосновенен.

– Насколько я могу понять теперь, – снова спросил его Потемкин, – вы участвовали в

этом деле лично, потому что иначе узнать о нем не могли?

– Я был тогда в Париже, – сказал граф Феникс, – и план был доставлен вашему агенту мною.

– За какую сумму?

– Я не торгую такими вещами, ваша светлость, – ответил граф, улыбнувшись и покачивая головою.

– Хорошо, но что же побудило тогда вас достать план для моего агента?

– Одно лишь желание сказать вам об этом впоследствии, когда придет время.

– Значит, это время пришло?

– Пришло, ваша светлость.

– Но у вас есть доказательства, что вы оказали мне эту услугу? – спросил светлейший.

Граф Феникс неторопливо вынул из кармана и показал ему расписку в получении плана – «безвозмездном». На расписке стояла подпись «Юрий Цветинский».

– Я узнаю эту подпись, – сказал Потемкин, – она принадлежит моему агенту. Совершенно верно. Я признаю себя вашим должником. Что же вам угодно от меня?

– Пока – ничего, ваша светлость. Может быть, я и приду просить вас о чем-нибудь, но не теперь... Теперь вы сами желали меня видеть. Я к вашим услугам.

– Я желал видеть вас благодаря вашей же записке, чтобы спросить, как она попала ко мне?

– Мы уже оставили этот вопрос, ваша светлость; перейдем прямо к делу. Или вы только и желали меня видеть, чтобы удовлетворить свое любопытство?

– Я желал видеть вас главным образом потому, что слова вашей записки совпали с моими собственными мыслями: «Для человека, сильного нет ничего невозможного!». Я не могу признать себя человеком слабым, а между тем для меня многое невозможно.

– Могущество еще не есть сила, князь. Но вы и сильны достаточно. Если бы вы пожелали, то могли бы достичь всего, что хотите.

– И даже победы над временем?

– И даже победы над временем, и его действие можно предотвратить...

– Каким-нибудь эликсиром? – усмехнулся Потемкин.

– Нет, ваша светлость, я не торгую эликсирами, как не торговал планами Очакова. Эликсир, разумеется, не поможет, а люди, составляющие их, – сумасшедшие. Они принимают внешнюю форму за суть, вместо того чтобы искать в рецептах внутреннего смысла. В старых книгах, правда, говорится о том, как составить себе эликсир, положим, долгой жизни. Там сказано: «Возьми соль, разведи ее водой, кипяти на огне». И неразумные берут соль, разводят ее водой и кипятят на огне... И ничего у них не выходит, потому что они не знают истинного значения соли, воды и огня.

– А вы знаете?

– Не один я! И вашей светлости известно, что под «солью земли» подразумевается ее мудрость. Такое же переносное значение имеют и вода, и огонь. «Возьми соль» – значит, будь мудр. Под видом рецепта для эликсира старые книги дают систему самовоспитания и показывают, каким образом с помощью его продлить жизнь.

Граф Феникс по своему разговору был совершенно не похож на тех шарлатанов, которые довольно часто надоедали Потемкину

предложением своих услуг, то обещая ему передать секрет долголетия и вечной молодости, то суля открыть тайну философского камня, с помощью которой можно переделывать все металлы в золото. Потемкин не входил в рассуждения в такими людьми, гнал их от себя, но это не значило, что он не задумывался иногда над краткостью земного счастья и над переменчивостью судьбы, хотя и благосклонной к нему до сих пор, но все-таки неверной и неопределенной.

В настоящее время особенно часто приходили светлейшему грустные мысли. До сих пор он не боялся соперников, зная, что стоит лишь ему захотеть, и они падут, словно сами собой; так было с Ермоловым, с Мамоновым, но теперь «колесо фортуны», как говорили тогда, как будто медлило повернуться в его сторону.

При дворе все большую и большую силу забирал молодой красавец Платон Зубов, человек ничтожный и бездарный, но, несмотря на ничтожество его и бездарность, он становился все властнее и властнее. Почти открытая молва чуть ли не громко говорила о зака-

тившейся звезде Потемкина.

В былое время светлейший только смеялся над такими слухами, но теперь он чувствовал, что года берут свое, что он стареет и опускается и что сила соперника в том и состоит, что союзником его является неумолимое, беспощадное время.

Конечно, Потемкин был слишком умен для того, чтобы попытаться остановить разрушительную работу этого времени каким-нибудь эликсиром, но то, что говорил ему граф Феникс, было совсем другое. Речь его шла не о теле, а о духе, вечно молодым, вечно юном, и светлейший чувствовал, как он под влиянием разумных слов молодеет душой. К тому же Феникс ничего не просил, ни о чем не хлопотал, он, по-видимому, ни в чем не нуждался, а Потемкину почти не приходилось говорить с людьми, которые ничего не ждали от него. Всякий, заговоривший с ним, не мог удержаться от мысли, что, может быть, так или иначе что-нибудь да перепадет ему от власти светлейшего. Потемкин не мог не чувствовать этого.

С графом же Фениксом ему было свободно

и просто. И потому он, разговорившись, был доволен его беседой и расстался с ним, простившись почти дружески. Когда ушел Феникс, Потемкин более уже не сердился, зачем к нему на стол попала записка графа, и не желал допытаться, каким образом случилось это; он просто был даже рад, что это случилось, вот и все.

«Или он действительно бескорыстен, – решил Потемкин про Феникса, – и в таком случае – удивительный человек по добродетели, или же, наоборот, исключительно расчетливый мошенник, если воображает обвести меня своей добродетелью».

Светлейший ударил в особый звонок, и тотчас же в кабинете появился секретарь светлейшего, Попов.

– Что, Цветинский в Петербурге? – спросил Потемкин, не обращившись к нему.

– В Петербурге, ваша светлость.

– Ему не дано никакого поручения?

– В настоящее время – никакого.

– Пошли за ним! Мне нужно видеть его.

Секретарь вышел, сказав «слушаю», и немедленно послал курьера за Цветинским.

Брат Иосиф

Кулугин, провожая Феникса через приемную до вестибюля, шепотом спросил его:

– Довольны ли вы мною, граф? Я хорошо разыграл свою роль, не правда ли? Подложить вашу записку на стол не было трудно, но потом разговаривать с ним, признаюсь, было жутко. Однако все вышло как по маслу; вы недаром обратились ко мне, я – вам хороший помощник, как видите.

– Благодарю вас, – сказал Феникс приостановившись. – В таких незначительных случаях, как этот, я иногда пользуюсь услугами друзей, чтобы не тратить напрасно силы, но не сомневайтесь, что если бы я захотел, то записка была бы на столе у князя сама собой, без всякой посторонней помощи... До свидания!.. – и, раскланявшись с Кулугиным, Феникс сел в карету.

Он был более чем удовлетворен и устроенной при помощи Кулугина комедией с запиской, и заранее рассчитанным своим появлением в приемной (из-за гардины, где он прятался).

Но главным образом Феникс был удовлетворен своей беседой с Потемкиным. Он был уверен теперь, что произвел на светлейшего отличное впечатление и что доступ ему открыт в Таврический дворец беспрепятственный. Пока ему больше ничего не нужно было.

Вернувшись домой, он поднялся по лестнице в свою пустую, по обыкновению, обтянутую черным сукном с серебряными скелетами переднюю, подошел к одному из углов и приподнял драпировку сукна. За драпировкой была ниша, а в ней сидел человек.

– Ты на своем месте, Петручио? – спросил Феникс по-итальянски.

Сидевший в нише человек, которого звали Петручио, поднялся и ответил:

– Я всегда на своем месте.

– Никого нет у меня?

– Никого.

Феникс опустил драпировку.

Его передняя только по виду, как оказывалось, была пуста, так что как будто всякий мог войти через незапертую с улицы на лестницу дверь. Но на самом деле в этой передней сидел скрытый за драпировкой Петручио и

видел всякого входившего.

Граф направился по анфиладе разукрашенных комнат, а с другого конца этой анфилады продвигался ему навстречу в своей чалме индус Кутра-Рари.

Феникс не поверил сначала своим глазам. Петручио не должен был просмотреть посетителя, и в первый раз было, что он сказал, что никого нет, когда тут был посторонний. Другим входом Кутра-Рари проникнуть не мог.

«Хорошо же, синьор Петручио, я вам этого не прощусь», – сказал себе Феникс и смело пошел к индусу.

Но в ту же минуту Кутра-Рари исчез у него на глазах. Феникс шел уже на пустое пространство.

– Я здесь, – проговорил голос Кутра-Рари возле самого уха Феникса.

Граф оглянулся. Индус стоял уже позади него.

– Нечего взыскивать напрасно с Петручио, – проговорил он, кладя на плечо графа руку. – Петручио не видел, как я прошел, так же как ты не видел меня сейчас и не видел, что я все время был с тобой у князя Потемки-

на и слышал весь ваш разговор, слышал, как ты поучал его словами разума, желая воспользоваться открытой тебе мудростью для своих низких жизненных, корыстных целей.

– Неужели сила внушения может быть настолько сильна, что можно приказать нескольким людям не видеть? – остановил его Феникс.

– Очевидно, если никто не видел меня во дворце у светлейшего, а я был между вами. И мне для этого не надо было прибегать к помощи офицера, который настолько малодушен, что согласился разыгрывать недостойную, придуманную тобой комедию.

– О, если бы я обладал такой силой внушения! – невольно вырвалось у Феникса.

– Для тебя слишком много и той, какая есть у тебя. Послушай, брат Иосиф.

При этом имени граф вздрогнул, и в его лице появились замешательство и испуг.

– Послушай, брат Иосиф, – продолжал Кутра-Рари, – ты был принят много лет назад в одно из сокровеннейших и святейших братств, которые когда-либо знали посвященные. Твои способности обещали тебе светлую

будущность, ты делал быстрые успехи и быстро проходил степени посвящения, достигнув наконец одной из важных. Вспомни, как росло мало-помалу могущество твоего духа, как ты достигал познания тайн природы и завоевывал себе ее подчинение. Но вместо того, чтобы употребить открытые тебе знания на добро и правду, на пользу другим людям, на милосердие к ним, ты стал извлекать для себя выгоды, стал заботиться только о себе и предаваться земной роскоши, вместо того чтобы удаляться от нее. И сила твоя стала слабеть. Ты сам чувствовал, что ты не тот уже человек, знания в тебе остались, но силы не было. Тогда ты начал обманывать доверчивых людей, разыгрывать комедии вроде той, которую разыграл с Потемкиным сегодня, и этим путем добывать средства для удовлетворения своей ненасытности к роскоши и безумству. Но и этого для тебя оказалось мало. Ты пошел дальше – опомнись!..

Феникс стоял пораженный и испуганный.

– Ты знаешь мое, давно забытое мною, имя? – проговорил он наконец чуть внятно. – Ты знаешь о моем посвящении? Кто же ты?

Кутра-Рари придвинулся к графу Фениксу.

– Неужели не узнаешь меня? – спросил он, близко пригибаясь к нему.

Напрасно старался Феникс найти в темно-бронзовом лице индуса какие-нибудь знакомые черты; как ни вглядывался он – не мог узнать.

– Так я чужой тебе, ты не знаешь меня? – повторил Кутра-Рари.

И граф Феникс, несмотря на то, что, казалось, все бы отдал в эту минуту, лишь бы назвать истинное имя индуса, должен был ответить:

– Нет, не знаю!

– Вот до чего дошел ты! – опустил голову Кутра-Рари. – Опомнись, падший брат! Остановись, что ты делаешь? Ты знаешь, что ждет тебя?

Граф Феникс молчал, тяжело дыша. Казалось, в нем не борьба происходила, но он собирался с силами для борьбы не с самим собой, но против сыпавшихся на него укоров.

– Да, я знаю, что меня ожидает, – проговорил он, подняв вдруг голову, – меня ожидает возмездие за совершенное мною, но час этого

возмездия не наступил еще, и пока мое время, и я могу действовать, как я хочу и как мне нравится. Я пошел на это и теперь не сойду с моей дороги, и за то, что я имею теперь, за эту роскошь, за этот почет, которым я пользуюсь, я готов претерпеть впоследствии. Я не знаю тебя, старик; вероятно, ты – один из посвященных в высшие степени братьев, – который? – я не могу узнать. Но поди и скажи твоим братьям, что глупо, обладая той силой, какая есть у них, жить так, как они, то есть впроголодь, не имея подчас даже необходимого. Если они боятся возмездия, то это не что иное, как трусость с их стороны. Я не боюсь и иду на него.

– Ты – безумец, – ответил Кутра-Рари, тяжело вздохнув. – Неужели земные блага тешат и удовлетворяют тебя, неужели обладание ими дает тебе счастье?

– Нет, – проговорил Феникс, становясь все смелее и смелее, – мне мало того, что я имею, но я хочу и достигну большего.

– Не тем ли делом, ради которого ты приехал сюда, в Россию?

– Этого никто не может знать!..

– Ты думаешь? Так говорят профаны, готовя в тайных мыслях злые начинания, но ты должен был бы знать, что и мысли человека не скрыты от посвященных. Скроешь ли ты свои? Сегодня ты видел, как легко следить за такими, как ты. Я был с тобой во дворце Потемкина, слышал и видел все и читал в твоих мыслях. Итак, помни, что я слежу за тобой и ты не увидишь меня.

– Но зачем же следить за мной, если заранее известно, что придет час моего возмездия и я понесу его? – пожав плечами, спросил Феникс.

– Для того чтобы предотвратить то зло, которое ты хочешь сделать ближним.

– А если я, несмотря на твое могущество, не побоюсь тебя?

– Бойся или нет – мне все равно; я сделаю свое дело – не допущу тебя вредить ближнему.

– Тогда останови сначала ураган в степи, который засыпает песками караваны, тогда укроти бурю на море, которая разбивает корабли и топит все живое на них) уничтожь смертоносные удары молнии, потуши вулка-

ны, смири землетрясения, дай влагу засухе и запрети наводнению выходить из берегов, туши огонь пожаров и притупи мечи, отпущенные людьми, чтобы убивать друг друга... Сделай сначала все это и потом говори о зле, которое я могу сделать.

– Бедный брат мой! Не мне повелевать ветрами, не мне приказывать земле, не мне остановить огонь и не мне укрощать воды; нет, не мне все это, но в силах моих предотвратить то зло, которое готовы сотворить такие, как ты. И я сделаю свое дело!

– Не сделаешь ты его! – вдруг крикнул Феникс и бросился на старика, но в ту же минуту почувствовал, что свет померк в его глазах и непроницаемая тьма окутала все кругом.

Он приостановился, протянул руки вперед, зрение снова вернулось к нему, он опять увидел комнату и все, что было в ней, только Кутра-Рари не было – индус исчез.

Граф Феникс быстрыми шагами направился в свою спальню. Ему хотелось остаться одному и отдохнуть, но, пока он шел, ему чудился шорох сзади, словно кто-то следовал за ним по пятам.

Что случилось с Надей

Уже в течение трех дней Надя не знала, где она и что с нею случилось.

До сих пор она жила у Елагина, воспитанная им, привыкла почитать его как отца, и не сомневалась, что ее судьба будет похожа на судьбу таких же, как она, девушек, то есть придет время, станут ее вывозить, а потом выйдет она замуж за любимого, конечно, человека. Так думала она. Но вышло совершенно иначе.

Первое ее появление в свет было, правда, отпраздновано торжественным обедом и балом, на нем произошло и окончательное объяснение с князем Бессменным, которому Надя поклялась в вечной любви; все было чудесно, но на другой день круто изменилось.

На другой день Елагин призвал ее к себе, показал на явившегося к нему старика и сказал, что она должна ехать с ним, забрав самые необходимые вещи. Надя не противоречила, привыкнув исполнять приказания Елагина, собралась, села в карету вместе со стариком и поехала.

Ей было немножко жутко ехать так с чужим человеком, но почтенный вид ее спутника несколько успокаивал ее. Однако заговорить с ним она не решалась. Он тоже молчал и, когда они отъехали от дома, опустил шторы в карете, так что Надя не могла видеть, куда ее везут.

Они ехали долго. Карета несколько раз поворачивала, наконец остановилась. Старик поглядел из-за шторы в окно и поднял ее. В то же время гайдук откидывал подножку и открывал дверцу.

Они были на закрытом дворе, обсаженном деревьями. Надя вышла из кареты вслед за стариком, он отвел ее «в приготовленное для нее помещение», как сказал он, просил «подождать», откланялся и ушел. Надя ждала уже три дня, но пока ничего не выходило из ее ожидания.

Ее помещение состояло из трех очень хорошеньких комнат, куда ей приносили завтрак, обед, чай, кофе и всякое угощение. Все было очень вкусно, очень хорошо и богато подано. В средней комнате, устроенной для будуара, стояли шкафчик с книгами, письмен-

ный стол с принадлежностями для письма и рисования и клавесины с нотами. Служила Наде немая калмычка, которая являлась на звонок и от которой нельзя было добиться ни слова.

Что это было и почему, Надя понять не могла. Она видела, что ее почему-то заперли одну-одинешеньку, и напрасно пыталась доискаться разрешения этой загадки.

Она написала Елагину письмо, в котором изобразила свое положение, и просила, если нельзя освободить ее, то хоть прислать ей француженку, ее мадам, чтобы не так было скучно и безлюдно. Письмо она отдала калмычке, та взяла его с поклоном и унесла.

Письмо Елагину Надя, конечно, могла послать через свою новую горничную, но поручить ей записку князю Бессменному она не решалась. Будь с ней ее Дуняша – тогда было бы другое дело. Под влиянием этого Надя всплакнула несколько раз.

Однако молодость брала свое, и мечты сменяли слезы.

Надя воображала себя сказочной царевной, которую заперли в заколдованном зам-

ке, так что она должна ждать царевича, а он придет и освободит ее. Под царевичем, конечно, подразумевался князь Бессменный. Он отыщет ее, сделает невозможное и освободит, но надо облегчить ему эту задачу, дать знать ему; но как?

В первый же вечер Надя отправилась гулять в сад, куда выходили окна ее комнат. Ее никто не удержал. Ее комнаты были в нижнем этаже, к ним примыкал балкон, и дверь на этот балкон не была заперта. Сад казался обширным, но Надя скоро убедилась, что для нее отделена лишь небольшая часть его. Она была окружена домом, забором, речкой, а потом тянулся высокий частокол. Другого входа и выхода, кроме балконной двери, не было.

Надя внимательно обошла кругом. У дома росли густые кусты, сквозь которые не пробраться было; за речкой виднелся сад, совершенно пустынный. Частокол был сбит из высоких заостренных кольев гораздо выше человеческого роста, не только перепрыгнуть, но даже заглянуть через него не было никакой возможности. Но в одном месте колья расшатались, и один из них образовал щель,

настолько широкую, что она образовала довольно значительный просвет.

Сойдя с дорожки на траву, Надя пробралась к нему. В просвет виднелся широкий пустырь с далекими бедными домиками, как бы потерявшимися за ним, а у самого частокола шла дорога, отделенная от него канавой.

Не было видно ни души. Надя с любопытством заглядывала в разные стороны. Наконец на дороге показался прохожий. Это был солдат.

«Окликнуть... не окликнуть?» – сомневалась Надя и, сама испугавшись своего голоса, окликнула-таки.

Солдат вздрогнул и начал оглядываться, видимо, недоумевая, откуда послышался ему зов.

Как ни было страшно Наде заговорить с чужим человеком, как ни хотелось ей убежать отсюда скорей без оглядки, она все-таки поборола свой страх и заговорила. Солдат послушался ее зова, повернулся, перепрыгнул через канаву и подошел к частоколу по ту сторону.

– Слушай, солдат, – заговорила Надя, вол-

нуясь и торопясь, – ради Бога, коли ты веруешь в Него, отыщи в городе князя Николая Семеновича Бессменного, он офицер, и передай ему это колечко. Больше ничего, передай ему это колечко и укажи место, откуда ты получил его, – и она, сняв с пальца кольцо и просунув руку в щель, подала его солдату.

Солдат оказался бывалый. Он смекнул, что это дело безопасное для него и что тут может даже перепасть что-нибудь, а потому обещал разыскать князя Бессменного и передать ему кольцо.

Надя отскочила от частокола, но долго стояла на дорожке, не двигаясь. Где она была, она не знала, но была рада, что дала знать Бессменному о себе. Тот узнает это колечко и допросится у солдата, в каком месте получил он его. Самой же спросить, что это за пустырь, чей это частокол выходил на него и куда ведет дорога мимо него, – ей было боязно, так как ее просьба показалась бы солдату подозрительной.

Опять медальон

До сих пор у Бессменного с Цветинским не было особенной дружбы, но дуэль и, главное, болезнь Бессменного сблизила их.

Цветинский ухаживал за князем, как нянька. Днем он просиживал у него безотлучно и только на ночь уходил домой. Тогда его сменял Петрушка и оставался бодрствовать у постели больного.

Бессменный, хотя медленно, но поправлялся, несмотря на то, что полковой доктор сказал, что рана безнадежная.

Кутра-Рари, оживив раненого князя в первый день, подробно рассказал Цветинскому, что и как делать дальше, и оставил пузырек с эликсиром, который нужно было давать больному. Индус сказал также, что, если будет хуже, он придет, когда нужно. Однако посланный за ним, по просьбе Бессменного, Петрушка не нашел его. Кутра-Рари выехал из номеров трактира на Миллионной, а куда – неизвестно.

Это обстоятельство сильно огорчило Бессменного. Он, оказывалось, потерял свою по-

следнюю надежду: кроме как на Кутра-Рари, не на кого было ему рассчитывать и неоткуда ждать помощи.

– Да что тебе дался этот индус? – стал наконец спрашивать Цветинский. – Ну, пропал он и бог с ним! Важное дело! Ты поправляешься и без него, ну и отлично! Он научил нас, как тебе выздороветь, и все идет по-хорошему, зачем он тебе eine? Без его фокусов скучно стало, что ли?

– Это, брат, не фокусы, – ответил Бессменный. – Я не могу назвать фокусом такой случай, какой был с отъездом воспитанницы Елагина; я сам все видел, своими глазами в хрустальном шаре.

И он подробно рассказал обо всем, что предшествовало отъезду Нади и что было потом.

– А знаешь, голубчик, – решил Цветинский, выслушав рассказ, – ведь ты влюблен. Теперь я понимаю, отчего у тебя тут того! – и он повертел пальцами у себя перед лбом. – Ну, это другое дело; тут можно увлечься и штуками индуса и этого графа... А из-за чего, собственно, у тебя была дуэль с ним?

Пришлось рассказать и историю с медальоном, потому что этот медальон был собственно исходной причиной дуэли. Граф Феникс упоминанием о медальоне смутил за обедом Надю, за что Бессменный и вызвал его.

– Ну, давай теперь говорить серьезно, отбросив всякие эти таинственности, – начал рассуждать Цветинский, когда князь кончил рассказывать. – Из всего, что ты тут излагал мне, два происшествия вполне существенны и действительны: внезапное исчезновение твоей невесты и пропажа медальона. Остальное все – философия.

– Да мне медальон не важен... – возразил было Бессменный.

– Ну как не важен?

– А впрочем, в самом деле, – пришло вдруг Бессменному в голову, и он высказал это вслух. – Ведь как пропал этот медальон, так и пошло все: и Надя уехала, и ранен вот я, и денег нет.

– Ну, я думаю, у тебя их никогда нет, – подхватил Цветинский, – тебе сколько ни давай – все истратишь. Так вот и не говори, что меда-

льон не важен. Значит, нужно нам искать...

– Надю!

– Нет, сначала медальон, потому, во-первых, что это легче и скорее можно сделать, а во-вторых, медальон поможет и невесту твою найти.

– Так и ты говоришь то же, что Кутра-Рари. Он мне тоже твердил: «Ищите медальон!» – и придавал этому особый таинственный смысл.

– Это опять философия. Я, брат, придаю совсем другой смысл, и вовсе не таинственный. Ты сам говоришь, что денег нет, а чтобы отыскать твою невесту – они нужны, без них ничего не поделаешь.

– Но при чем же тут медальон?

– Как при чем? Мы его продадим, вот и деньги будут.

– Да что же за него дадут?

– Твой индус говорит, что ему цены нет.

– Да, но он говорит, что не хочет покупать.

– Купит, если предложить; пустяки!.. Иначе с чего бы ему являться было к тебе? Ну так вот! Начнем, значит, разбирать, куда девался медальон? На горничную нет подозрений?

– Нет. Она призналась во всем откровенно, и я верю тому, что, когда она забралась в шкапулку, медальона там не было.

– А подговорил ее Кулугин?

– Да, она и Кулугина назвала, словом, ничего не скрыла.

– А ты не предполагаешь, зачем Кулугину медальон понадобился?

– Не знаю. Он говорил горничной, что для фанты; очень может быть, что это и правда.

– Правда? Ну, не думаю! Впрочем, это мы выясним впоследствии. Пока удовольствуемся тем, что медальона у него нет, если горничная не отдала ему его. Посмотрим, кто мог пробраться в комнату, кроме горничной, ночью.

– Никто.

– Из посторонних, разумеется, никто, иначе было бы выломано окно или что-нибудь в этом роде и утащили бы всю шкапулку. При твоей невесте был кто-нибудь?

– Была мадам, француженка.

– А! Была мадам француженка! Она, разумеется, могла входить в комнату своей воспитанницы когда угодно. Ну, вот это важно! Что

же, она уехала тоже с твоей невестой?

– Нет, Надю увез какой-то старик.

– А мадам осталась?

– Не знаю.

– Значит, надо узнать.

– Как это я раньше не подумал об этой мадам! – удивился Бессменный.

– Ну, а теперь давай обедать, – заключил Цветинский, – Петрушка нам на кухне уху варит по моему рецепту, славная, брат, уха будет!

И он начал рассказывать, какая будет уха, но Бессменный по предыдущему разговору уже видел, что до сих пор совершенно не знал Цветинского и что с ним можно и полезно разговаривать не об одной только еде.

В тот же день вечером Цветинский был призван к светлейшему, получив от Попова записку с требованием явиться немедленно. Вечером получил он записку потому, что, победив с Бессменным, отправился на остров в дом к Елагину, чтобы разузнать, куда девалась Надина мадам. Заехав домой переодеться, он застал у себя записку и сейчас же полетел в Таврический дворец.

– Батюшка, куда вы запропастились? – встретил его Попов. – Вас светлейший спрашивал, велел вас привести, когда бы вы ни пришли! Пойдемте!

Он торопливо довел его до кабинета Потемкина и постучал в маленькую дверь, через которую имели вход к светлейшему только самые близкие.

– Войдите! – послышался голос Потемкина.

Попов отворил дверь и, пропустив Цветинского, удалился.

Цветинский вошел, но всякий, кто встречал его в обыкновенной жизни, сильно удивился бы, увидев его теперь. Обычного Цветинскому добродушия, слегка даже глуповатого, не было на лице и следа; напротив, это лицо было серьезно, выразительно и умно. Глазки, обыкновенно искусно суженные, вечно смеющиеся, раскрылись и глядели сосредоточенно и словно устало; даже в теле как будто похудел Цветинский.

– Здравствуй, – сказал ему Потемкин, – садись!

Цветинский сел.

«Не в духе!» – подумал он про Потемкина,

заметив его небритую бороду.

– Слушай! Мне нужно дать тебе поручение и вместе с тем спросить тебя...

– О чем, ваша светлость?

– Ты тогда из-под Очакова ездил в Париж за планом; ты достал его через графа Феникса?

– Совершенно верно, через графа Феникса, хотя он жил тогда во Франции под другим именем.

– Как же это случилось?

– Именно «случилось», ваша светлость, потому что мне удалось достать план только благодаря случаю. Отыскал я тогда в Париже себе квартиру у некой француженки, госпожи Лубе. Ходил я там с бородой, в казацком одеянии, в папахе, словом, русским варваром, который ни слова по-французски не понимает. На всякий случай скрыл я свой французский язык и нанял переводчика из поляков, с ним и бывал всюду. Только раз сижу у себя в комнате вечером, а рядом у француженки сборище – молодые люди и старые, все одни мужчины. Заинтересовало меня это. Я прилег на постель, сделал вид, что сплю. Слышу – спра-

шивают голоса, можно ли свободно говорить и не подслушивает ли кто. Француженка уверяет, что безопасность полная, что жилец у нее только в соседней комнате, но он ничего не понимает по-французски. Через некоторое время дверь ко мне чуть приотворилась, посмотрели в щелку. Ну, и начались тогда у них разговоры...

– О чем?

– Это было за два года до учреждения национального собрания во Франции, когда в Париже много развелось тайных политических клубов. Из разговоров я понял, что тут собрание кружка, принадлежащего к одному из этих клубов. Дело у них шло...

Но Цветинский не договорил. Он не мог договорить, потому что в кабинет вбежал взволнованный и растерянный Попов.

– Ваша светлость, ваша светлость! – тяжело дыша, повторял он.

– Что такое? – почти крикнул Потемкин, вдруг поднявшись с места и поняв, что его секретарь не вбежит к нему зря без доклада и без зова.

– Пожар, ваша светлость, у нас пожар, –

проговорил Попов.

Потемкин вздохнул свободнее; он думал, что случилось что-нибудь более ужасное.

– Где горит? – спросил он.

– В левом флигеле, внизу...

– В левом флигеле? Внизу? – снова взволнованно повторил Потемкин и обернулся к Цветинскому, – ступай, потом... пришлю за тобой...

– А приказание? – решился все-таки напомнить Цветинский.

– Потом, потом, теперь мне не до поручений, ступай! – пробормотал Потемкин и вместе с Поповым поспешно вышел из кабинета.

Цветинский не подозревал, чтобы светлейший мог так взволноваться. Страх одного пожара не подействовал бы так на него; тут крылось что-то другое, но что именно – трудно было догадаться...

Оставшись один, Цветинский пожал плечами и вышел, поспешая к больному Бесменному.

Тот ждал приятеля с нетерпением.

– Привык я к тебе, – встретил он его, – без тебя одному тут лежать куда как тяжело! Что

так долго пропал?

– Дела, брат, были еще, кроме твоих, – ответил Цветинский. – Один тут важный повар новую похлебку затевать собирался, кажется, так вот, моей помощи просил.

– Что же, ты помог?

– Непредвиденный случай помешал. Кстати, ты знаешь, в Таврическом дворце пожар.

– Ну, это меня не интересует! Что, у Елагина узнал ты что-нибудь?

– То есть не у самого Елагина, я, брат, с важными барами не знаюсь, как ты, зачем мне было самого беспокоить? Я и через дворню сведений получил о мадам. Не важная барыня.

– Она там еще?

– Нет, перебралась... в загородный дом по реке Фонтанной, принадлежавший князьям Туровским. Понимаешь?

– Ничего не понимаю! Каким князьям Туровским?

– Дело тут не в князьях, а в том, что живет теперь в этом доме не кто иной, как граф Феникс.

– Значит, и Надя там! – воскликнул Бес-

сменный и чуть не привстал на кровати.

– Не шевелись ты, рану разбередишь. Из того, что мадам у Феникса, вовсе еще не значит, что и воспитанница Елагина там. Напротив, вернее, что там ее нет, потому что иначе постарались бы скрыть также и куда мадам переехала. А вот в отношении медальона это может быть некоторым указанием.

– Каким же?

– Ты ведь говоришь, что, на твой взгляд, вещь эта ничего не стоящая или очень мало стоящая?

– Да, медальон, правда, золотой, но самый обыкновенный – ни особенной работы, ни камней.

– Вот видишь! А между тем твой индус ценил его высоко. Значит, в этом медальоне есть что-нибудь важное только для таких людей, как индус, оккультистов, что ли, последователей тайных наук.

– Ну?

– Ну, а граф Феникс – тоже фокусник, то есть последователь тайных наук, и ему, как такому последователю, вероятно, интересно получить тоже этот медальон. Теперь, если

мадам у него...

– То она могла, – подхватил Бессменный, –
взять этот медальон для графа Феникса...

– Конечно! И это знакомство мадам с Фениксом мне очень подозрительно... Надо
разобрать это...

– Как же ты разберешь?

– Ну, да уж как-нибудь попробуем, а теперь
надо велеть, чтобы Петрушка принес поесть
что-нибудь... Я голоден...

Вскоре стол был сервирован обильными
яствами.

Новые сведения

Просидев остаток вечера у Бессменного и дождавшись, пока тот заснул, Цветинский все же отправился не домой к себе, а в трактир, чтобы поужинать.

Здесь было не особенно многолюдно, Цветинский же любил больше есть не один, а в компании. Он внимательно оглядел занятые столики – нет ли кого из знакомых, и нашел Кулугина, сидевшего одиноко у стола.

– Здравствуйте, – подошел к нему Цветинский. – Что это вы едите? Осетрину? Хорошая вещь! Можно присесть к вам?

– Пожалуйста, – даже несколько обрадовался Кулугин, потому что общество такого человека за столом, как Цветинский, известного среди офицеров умением поесть, было даже очень приятно.

– А я вот тоже проголодался, – пояснил Цветинский и стал заказывать ужин, после чего обернулся к Кулугину, – послушайте, мы с вами все-таки недавно были секундантами на одной и той же дуэли, положим, с разных сторон, но все-таки на одной и той же. Не вы-

пить ли нам по этому случаю?

– Я выпить всегда рад, – согласился Кулугин. – А что, Бессменный поправляется?

– Поправляется.

– Я очень рад, – сказал Кулугин, стараясь проговорить это искренне.

– Выпьем шипучего? – решил Цветинский.

– Шипучего так шипучего.

– А сначала водочки?

– И против этого ничего не имею!

Так и сделали.

Соединение напитков было довольно жестокое в смысле своего действия, так как шипучее вино после водки действует особенно сильно.

Кулугин знал, сколько он может выпить без того, чтобы не быть совсем пьяным, но тут он не рассчитал одного – жары и духоты, стоявшей на дворе. Благодаря этой жаре его разобрало довольно быстро. Принял ли во внимание Цветинский эту жару или уж был он таков от природы, что вино на него не действовало, но только, когда Кулугин захмелел, он был еще совсем свеж и решил воспользоваться этим, чтобы порасспросить собутыль-

ника.

– Кстати, – проговорил Цветинский, хотя это было вовсе не кстати, потому что они говорили совсем о другом, – вы давно знакомы с графом Фениксом?

– Я-то? – переспросил Кулугин, посмотрев на него мутными, пьяными глазами.

– Ну да, вы! Хороший человек этот граф Феникс?

– У-ди-ви-тельный!.. Он все... может...

– Как это все?

– А так, все... Знаешь, Цветинский, будем на «ты»... Выпьем и будем на «ты».

– Хорошо, выпьем, – согласился Цветинский и продолжал выпытывать у Кулугина, – так ты говоришь, что Феникс все может, что захочет?

– Все... что захочет... Вот мы с тобой выпили... И ты – мне друг?

– Друг.

– И я должен быть с тобой откровенным?

– Должен.

– Ну, так я буду откровенен. Я вот влюблен, понимаешь, влюблен – оттого и напился.

– И что же, она хороша?

– То есть вот как хороша! – Кулугин ударил себя кулаком в грудь, – то есть так хороша, что прелесть. Ты ее не видел?

– Кого?

– Воспитанницу Елагина.

– Так ты в нее влюблен?

– Ну да! А в кого же еще?

– Ну, а что же тут может граф Феникс?

– Все. Он так и сказал, что все может. «Ты – говорит, – достань медальон, а я все могу».

– Так ты для него старался достать медальон через горничную?

– Для него, разумеется, для него, потому что я знаю, что он все может. Он говорит: «Только торопись, иначе я сам достану!» – и действительно я опоздал... Медальон-то у меня тю-тю!..

– Куда же он девался, по-твоему?

– По-моему, он у графа Феникса, потому что он все может. Он мне сказал: «Торопись, не то упрежу!» – и упредил...

– Вот оно что!

– Да, он мне вдруг задал тоже задачу, ну, на этот раз я все выполнил в точности...

– Какую же задачу?

– Так я тебе и сказал! Ты думаешь, я пьян, так ты все от меня и узнаешь? Как же! Я даже поклялся Фениксу, что никому не скажу, как записку подложил светлейшему, как самого Феникса за гардину спрятал... Никому, брат, я этого не скажу...

– И не говори, а то, пожалуй, станет известно, где и когда это было.

– Разумеется, потому что это было на моем дежурстве в Таврическом дворце. Так мне самому так может влететь, если я болтать буду.

– Ты и не болтай!

– Поэтому и не проси меня рассказывать...

– Я и не прошу.

– Да вообще и разговаривать не стоит. Давай лучше пить!

– Давай! – согласился Цветинский, наполняя стакан Кулугину.

Он узнал от него больше, чем ожидал.

На другой день Кулугин проснулся поздно, с сильной головной болью. Он плохо помнил, что произошло с ним накануне. Что он говорил и что он делал, как ни старался он вспомнить, – бесследно исчезло из его памяти.

«Не наговорил ли я чего-нибудь лишне-

го?» – испугался он и, поскорее одевшись, отправился к Цветинскому.

Тот давно уже встал, успел проголодаться и ел кислую капусту с горчичным соусом.

– А, милости просим, – приветствовал он Кулугина. – Здорово мы вчера выпили! Капустки не хотите ли? С похмелья освежает.

– А вы тоже были вчера пьяны? – стал спрашивать Кулугин.

– Как стелька.

– Не помните, о чем мы говорили?

– Плохо.

– Я о Таврическом дворце рассказывал что-нибудь?

– О пожаре там, вероятно? Об этом все говорят.

– Нет, не о пожаре; о другом я ничего не рассказывал?

– Нет.

– А об Елагине?

– Тоже, кажется, нет... Впрочем, я не помню... Кто-то мне говорил, что воспитанница Елагина уехала, но, кажется, не вы.

– А о медальоне я вам ничего не говорил?

– О каком медальоне?

– Так, вообще... Так, значит, я ничего не сказал лишнего?

– Если бы даже и сказали, я все равно ничего не запомнил бы: я сам был пьян.

– Ну, я очень рад, – успокоился Кулугин. – а то боялся... Впрочем, нечего об этом говорить...

– Конечно, нечего! – равнодушно согласился Цветинский. – Капустки не хотите ли? А вот вы вспомнили об отъезде воспитанницы Елагина. Вы знаете, всех интересует, куда она делась? Говорят, ее мадам видели у графа Феникса.

– У графа Феникса! – привскочил на месте Кулугин. – Кто вам говорил, что она у Феникса?

– Не помню, кто-то из барынь.

– А не я вчера?

– Наверное нет.

– Благодарю вас!.. Ну, до свидания, мне пора!

– Куда же вы? А капустки с похмелья?

Но Кулугин отказался от капустки и поспешил распрощаться.

От Цветинского он отправился непосред-

ственно к графу Фениксу. Здесь он миновал лестницу, миновал пустую переднюю и направился по анфиладе комнат. В одной из них его встретил сам Феникс.

– Граф, ради Бога, я с ума схожу! – заговорил Кулугин. – Мне сейчас сказали, что мадам воспитанницы господина Елагина у вас тут.

– Мало ли что говорят!..

– Но помните, тогда, когда мы завтракали с вами после дуэли, я сам видел в окне, в саду...

– Мало ли что вам могло показаться!

– Послушайте, граф, вы мне доверили важную для вас тайну... тайну вашего появления у светлейшего.

– Ну, что же из этого?

– Неужели вы не можете доверить мне другую?

– Другую?

– Ну да, если воспитанница Елагина у вас?

– Ее нет у меня, что за пустяки! Откуда вы взяли это? Что может быть общего между мной и воспитанницей господина Елагина?

– Не знаю, но уверен, что у вас есть общее между вами и ее мадам-француженкой. Вы мне говорили, чтобы я достал медальон и то-

ропился исполнить это, иначе вы обойдетесь без меня. Как вы могли обойтись? Достать медальон через француженку. Кроме нее, никто не мог войти в комнату к ее питомице, она вошла и взяла, и, когда горничная пошла, медальона уже не было. Все ясно. Потом я вижу француженку у вас в саду в окно, и мне говорят также, что она у вас.

– Я вам не говорил этого!

– В том-то и дело, что вы скрываете.

– Послушайте, однако! Вы настойчиво допытываетесь, хотите словно силой принудить меня.

– И хочу принудить...

Кулугин раздражался все больше и больше. Мало-помалу раздражение его передалось и графу.

– Каким же образом вы принудите меня? – повышая голос, произнес Феникс.

– Просто, граф, просто: если вы не скажете мне сейчас правды, у вас ли француженка, то я отправлюсь к светлейшему и расскажу ему всю подкладку комедии, которую вы заставили меня разыграть в его дворце на моем дежурстве, и как вы его обморочили...

– Угроза серьезная, – усмехнулся Феникс. – Если вы решились на нее, значит, вы действительно себя не помните. Так и быть, жалея вас, я вам скажу: французенка у меня.

– И она принесла вам медальон?

– Да в том-то и дело, что нет, в том-то и дело, что нет! – повторил граф несколько раз, и в его голосе против обыкновения послышалось волнение. – Будь этот медальон у меня, я держал бы моих врагов вот где... – и он, сжав кулак, протянул его. – Тогда бы я был спокоен, – продолжал он и заходил по комнате. – В том-то и дело, что моя французенка, видно, опоздала так же, как и ваша горничная. Она прежде горничной пробралась к шкатулке, но там медальона не нашла. Его кто-то унес раньше, а кто? Помогите мне найти...

Лакей в ливрее графа появился в дверях.

– Что нужно? – спросил его Феникс по-французски.

– Приехала карета, – ответил лакей по-французски же, – из Таврического дворца. Князь Потемкин просит к себе немедленно господина графа.

– Вы видите, – обернулся Феникс к Кулуги-

ну, – мне нечего было бояться вашей угрозы относительно светлейшего. Он мне доступен более, чем вам, и я сумею принять к нему должные меры...

И он поклонился, показывая этим, что извиняется, но должен спешить на приглашение Потемкина.

– Одно еще слово! – остановил его Кулугин. – Скажите мне, ради Бога, воспитанница Елагина у вас?

– Вы слишком требовательны, – твердо ответил Феникс, – я вам сказал: ищите медальон и тогда говорите о ней, без медальона же, к сожалению, вы ничего не узнаете.

Он поклонился еще раз и вышел из комнаты.

Радость

Цветинский перестал уже сидеть у постели Бессменного с утра до вечера. Во-первых, в этом не было надобности, потому что князь выздоравливал, а во-вторых, Цветинский бежал, как он говорил, по делам самого же Бессменного и хлопотал для него. Но до поры до времени он держал свои действия в секрете и ничего не рассказывал.

– Я, брат, тоже маг, – сказал он только как-то князю, – и привел к подчинению Кулугина, прочтя его мысли.

– Какой же такой силой? – удивился Бессменный.

– Силой бутылки. Напоил его пьяным, он мне и выболтал все, что знал. Вот тебе и вся моя магия.

– Что же он тебе выболтал?

– Потом расскажу. Дай сначала кое-что в известность привести.

Больше ничего нельзя было от него добиться.

Навещал он Бессменного урывками, в неопределенное время, когда появится сво-

бодная минута; являлся обыкновенно очень оживленным и даже о еде стал разговаривать меньше.

Бессменный был настолько уже силен, что мог читать книги, и проводил почти все свое время за чтением. Читал он и прозу, и стихи. Один сборник особенно понравился ему. Назывался он «Эрато, или Приношение прекрасному полу, состоящее в песнях». Тут были стихотворения чувствительные „ и неясные, и комические. Одно из них особенно понравилось Бессменному, и он учил его наизусть:

*Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, – кто знает? –
Ты вспомнишь ли меня?*

*Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.*

*Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки;
А ты, мой друг, – кто знает? –
Ты вспомнишь ли меня?*

Бессменный, благодаря этим стихам, был в грустно-размягченном настроении, когда в комнату влез Петрушка.

– Что тебе? – спросил его князь, с невольной улыбкой глядя на далеко не поэтическую наружность Петрушки.

– Там солдат вас спрашивает, – доложил тот. – Говорит, ему надо видеть князя Николая Семеновича Бессменного. Значит, вас, и притом в собственные руки...

– Что ты врешь? Ну, зови сюда солдата!

Вошел солдат драгунского полка, не молодой уже, вытянулся во фронт, руки по швам, и ясно отчеканил:

– Честь имею явиться!

– Что тебе нужно?

– Обязан доложить вашему высокородию случай, который произошел со мной. Был я это отпущен к куме на побывку и возвращаюсь к сроку домой. Иду это я по дороге, а возле дороги высокий частокол, и вдруг слышу – окликает меня кто-то – так это и слышу: «Солдат, – говорит, – а солдат!». Смотрю, у дороги канава, за канавой частокол, а в частоколе меж расшатанных кольев щель, и оттуда де-

вица в пудре, и все как следует, выглядывает. «Поди сюда!» – говорит. Перепрыгнул я канаву, подошел к самой щели, а девица мне: «Пойди, – говорит, – и отыщи князя Николая Семеновича Бессменного, и передай ему от меня колечко...» Вот это самое колечко, – и солдат начал разворачивать зажатую у него в кулаке тряпку.

Сильно забилося сердце у Бессменного, грудь высоко задышала, и такая радость охватила его, что он почувствовал, будто голова словно кружится, как если бы он взвился вдруг на страшную высоту, в самое поднебесье.

Он сразу догадался, что это Надя шлет ему весть о себе, – значит, она помнит, скучает по нему, думает, любит. Значит, она здесь, в Петербурге, и он узнает сейчас, где она; а только бы узнать, ведь тогда никто в мире не помешает им увидеться...

Солдат развернул тряпку и достал из нее кольцо.

– От кумы домой, ваше высокородие.

Кажется, будь он в силах двигаться свободно – он бросился бы на шею солдату!

– Голубчик, – заговорил он, – спасибо! Как же ты нашел меня?

– Солдату нетрудно найти офицера, ваше высококородие! По полковым канцеляриям справился, где служит и стоит князь Бессменный, и нашел!

– Молодец! Ну, а где же это было все, где ты кольцо получил? – едва переводя дух от нетерпения, спросил Бессменный.

– У частокола, ваше высококородие, сейчас за канавой...

– Слышал. Да канава-то где была?

– При дороге.

– При какой дороге?

– От кумы домой, ваше высококородие...

– Я не про то спрашиваю. Не знаешь ли ты, чей частокол был, чьего дома?

– Как не знать! Частокол этот не дома, а дворца его светлости князя Потемкина, Таврического дворца. Сюда к дороге на пустырь сад дворцовый выходит и частоколом огорожен, там я колечко и получил...

Теперь Бессменный знал, где была Надя.

Он расспросил солдата, в каком тот полку служит, как его зовут, дал ему целый рубль

денег и отпустил.

Кольцо, Надино кольцо, было у него в руках. Она жила теперь в Таврическом дворце, но зачем, почему? Зачем ее отвезли с такой таинственностью в Таврический дворец, зачем скрывают ее местопребывание, что она делает там? В Таврическом дворце живет теперь сам светлейший князь Потемкин. Какое он может иметь отношение к Наде?

И вдруг Бессменный почувствовал, что холодеет весь и капли холодного пота выступают у него на лбу.

– Не может быть, этого не может быть! – проговорил он вслух.

Он испугался сам того соображения, которое пришло ему в голову. Это было чудовищно, невероятно, но оно могло оказаться правдоподобным.

Кто была Надя? Сирота без рода, без племени, беззащитная девушка, за которую некому было заступиться. Ее красота могла прельстить светлейшего, и неужели, неужели ее отдали к нему? Иначе как же объяснить, что ее скрывают, зачем тогда таинственность ее отъезда?

В маскараде

Лето 1791 года проходило весело в Петербурге. После праздника, данного Потемкиным в Таврическом дворце и затмившего своим великолепием все, что было до сих пор в смысле роскоши и веселья, вельможи один за другим, каждый по мере сил и возможности, старались также не ударить в грязь лицом и, сзывая гостей, обставляли свои торжества, не жалея денег.

Дал, между прочим, маскарадный бал в своем дачном каменном доме на Фонтанной и богатейший вельможа граф Шереметев.

Погода стояла чудесная, покои дома не могли вместить всех приглашенных, и густая толпа пестрых масок заполнила примыкавший к дому сад, великолепно украшенный гирляндами лампионов и цветных фонарей, щитами с эмблемами, раскрашенными фигурами, и импровизированными беседками и киосками, где были накрыты столы с фруктами и прохладительными напитками. Гремела музыка в самом доме, в саду играли рожочники, пели русские песенники и итальянские

певцы.

На одной из отдаленных дорожек, где отней было меньше и толпа не теснилась, остановились в масках Пьеро и Арлекин. Оба они казались очень веселыми и, как только замечали, что кто-нибудь издали глядит в их сторону или обращают внимание на них, сейчас же выкидывали какое-нибудь смешное колленце. Но разговор, который они вели, шел, по-видимому, в серьезном тоне. Они перекидывались словами, урывками понижая голос, как делают это люди, опасющиеся, что их услышат посторонние.

– Так медальона у нее нет? – спросил Пьеро по-французски.

– Нет, – ответил Арлекин, подпрыгнув и раскинув руки, словно хотел охватить Пьеро.

Мимо них проходили в это время другие маски.

– Вы наверняка знаете? – переспросил Пьеро, дав пройти маскам.

– О, наверняка! Я сам слышал, как «он» сказал Кулугину, что она пробралась в шкатулку раньше горничной, но медальона там не нашла.

– Может быть, он скрывает от Кулугина?

– Не думаю. Он заставляет Кулугина искать медальон и обещает ему за это любовь чьей-то воспитанницы.

– Господин Елагина?

– Да, кажется, так... эти ваши русские фамилии ужасно трудны для запоминания. Во всяком случае, если бы я знал, какой это медальон...

– Я сам его никогда не видел, а по описанию знаю его смутно.

– И все-таки думаете найти?

– Надобно. Я думал, что я на верном пути, что медальон у графа через мадам.

– Могу вас уверить, что нет. Он прямо сказал: «Будь этот медальон у меня, я держал бы в руках своих врагов и никого не боялся бы».

– Жаль! А Кулугин ищет для него?

– Вероятно. Он от него требовал этого.

– Если он принесет какие-нибудь новости, вы сообщите мне?

– Если удастся только узнать... Дело в том, что там нужно быть очень осторожным. Петручио следит повсюду...

– А нельзя его склонить на нашу сторону?

– И думать нечего об этом.

– Жаль! В каких они костюмах здесь сегодня?

– Граф одет венецианским дожем, а Кулугин – капуцином.

– Пойдем, поищем их!

И Пьеро с Арлекином, взявшись под руку, направились в толпу и смешались с нею.

Здесь, в толпе, они держали себя весело, дурачились, задевали других своими шутками.

Через некоторое время Арлекин толкнул Пьеро и, сказав: «Вот они!» – показал ему кивком головы на киоск, у которого стояли рядом великолепный венецианский дож с бриллиантовой цепью на груди и скромный капуцин с поднятым капюшоном. Дож с капуцином не разговаривали, а стояли, наблюдая за толпой и рассматривая проходивших.

Отделенные от них этими проходившими, Арлекин и Пьеро остановились по другую сторону аллеи.

Вдруг они увидели, что дож схватил за руку капуцина, быстро проговорил ему что-то и показал в толпу. Капуцин вытянул шею и

стал оглядываться. Их внимание было привлечено высокой фигурой византийского царя.

– Посмотрите, – сказал Пьеро Арлекину, – у этого царя, на которого он ему показал, на груди, вы видите?..

– Медальон! – подхватил Арлекин.

– И вероятно, тот самый. Посмотрите, как они заволновались!

– Они идут за ним.

– А мы зайдем ему навстречу.

Пробежав вперед по краю дорожки, они повернули навстречу византийскому царю и, притиснутые к нему толпой, загородили ему дорогу. На богатом одеянии царя было множество драгоценных украшений, и среди них на видном месте висел простой золотой медальон. Византийский царь приостановился, выждал немного и пошел дальше.

– Вы разглядели хорошо? – едва слышным шепотом спросил Пьеро у Арлекина.

– Отлично. Теперь я узнаю этот медальон, кажется, с закрытыми глазами... Только он ли это?

– А это мы должны проследить!.. Вот так

случай! А дож с капуцином так и кинулись за ним.

Действительно, дож с капуцином кинулись по следам византийского царя. Арлекин и Пьеро поспешили за ними.

На повороте, где аллея пересекалась другой и где был высокий фонтан, вокруг которого толпились любопытные, расшалившийся Арлекин вдруг, точно он с неба свалился, наскочил сзади на венецианского дожа и капуцина и схватил их за плечи.

– Ах, не видели вы моей Коломбины? – сквозь хохот стал спрашивать он.

Капуцин сделал движение, чтобы освободиться, и рванулся вперед, но Арлекин крепко держал их.

– Сударь, такие шутки неуместны, – сердито проговорил капуцин. – Пустите!

– А разве мы не для того здесь, чтобы шутить? – снова рассмеялся Арлекин.

Дож в это время успел повернуться и оттолкнуть его.

Арлекин, как бы обидевшись, что не понимают его шуток, оставил их в покое и обратился к другим маскам.

– Проклятый Арлекин! – проворчал Кулугин из-под своего капюшона капюцина.

– Вы не видели, куда повернул византиец? Направо или налево? – спросил его граф Феникс, скрывавшийся под одеянием дожа.

– Да нет же, – подхватил Кулугин, – тут, как нарочно, такая толпа... Мы его потеряли...

Арлекин задержал их не более чем на секунду, но и этого было достаточно, чтобы византийский царь, за которым они следили, исчез среди общей пестроты причудливых нарядов и масок.

– Тогда идите направо, а я пойду налево; кто-нибудь из нас да поймает его, – решил Феникс. – Надо во что бы то ни стало узнать, кто это. На нем тот самый медальон, который я ищу, и нельзя упускать этот случай...

Кулугин повиновался, и они разошлись в разные стороны.

С каждым шагом продвигаться становилось труднее и труднее. Кулугину выпало на долю идти по дороге, ведущей к дому, и на ней было особенно тесно. Здесь по сторонам был устроен трельяж, весь усыпанный зажженными шкаликами, и потому большинство жа-

лось к середине, медленно и не торопясь прогуливаясь. Никому, кроме Кулугина, спешить было некуда, и волей-неволей общая неторопливость задерживала его.

От шкаликов было не только светло, как днем, но даже жарко. Однако, как Кулугин не заглядывал вперед, как ни напрягал зрение, он не мог разглядеть ничего похожего впереди на высокую фигуру византийского царя.

– Простите, позвольте пройти, – повторял он, вынужденный поминутно извиняться и с невероятным трудом пробираясь дальше.

Наконец идти стало совсем невозможно. Маски остановились, загородив дорогу, и их веселый говор сменился беспокойным шумом.

– Что случилось? А, что? Раздавили?.. Что за вздор? Да нет же... Опасно? – слышалось кругом.

– В чем дело? – поинтересовался Кулугин.

Ему объяснили, что девушка попала под шкалики, которые бог весть каким образом посыпались на нее; сама ли она задела их или расшатался трельяж и его толкнули – нельзя было разобрать.

– Конечно, эти Иллюминации устраиваются всегда на живую нитку!.. – успокаивал кто-то.

Кулугин решил лезть вперед, потому что случай с девушкой не тронул его: у нее тут найдется много помощников, а ему нужно, не теряя времени, пробраться дальше.

Он протиснулся к самому месту происшествия, где оранжевое мужское домино поддерживало закутанную с ног до головы в домино такого же цвета девушку, очевидно, пострадавшую. Она стояла спиной к Кулугину. По-видимому, никакой серьезной опасности не было, или, вернее, опасность миновала. Домино было залито только салом шкаликов, но не сожжено, так что девушка должна была отделаться испугом.

– Знаете, ведь это не кто иная, как воспитанница Елагина, – сказали рядом с Кулугиным.

– Неужели? Не может быть!

– Право, она самая.

– Неужели? – проговорил Кулугин, вздрогнув, и подошел ближе.

Испуганная, бледная, как полотно, Надя

была с открытым лицом. Маску сняли с нее в минуту суматохи, когда охватили ее, боясь, что на ней загорится одежда.

– Надежда Александровна, вы? – воскликнул Кулугин.

– Маску, дайте ей скорее маску!.. – волновалось поддерживавшее Надю оранжевое домино.

Кулугин сорвал свою и подал ее Наде.

– Благодарю вас, – проговорила она, закрывая лицо кулугинской маской, но ее рука опустилась, она склонилась головой к своему провожатому, и он сделал усилие, чтобы поддержать ее, иначе она упала бы.

– Ей дурно! – испуганно сказал провожатый.

Кулугин, не раздумывая и не колеблясь, забыв уже обо всех византийских царях на свете, подхватил Надю и понес ее к дому. Оранжевое домино поспешило за ними, указывая дорогу.

Вынести Надю из толпы было для Кулугина делом одной минуты. Между тем весть о происшествии быстро разнеслась и достигла дома, откуда бежали уже навстречу дворец-

кий и еще несколько слуг.

– Куда отнести? Нет ли отдельной комнаты? – спросил у них на ходу Кулугин.

– Сюда, сюда пожалуйста! – суетился дворецкий, отворяя дверь маленького подъезда на нижнем этаже.

Здесь были комнаты, удаленные от нарядных настолько, что шум праздника долетал сюда глухо, и никто из любопытных не мог попасть сюда.

Надю усадили в кресло, дали ей воды. Она очнулась. Оранжевое домино, ухаживая за Надей, не снимало своей маски.

Исполнив свое дело, Кулугин чувствовал, что это домино ждет, что он удалится сейчас же, но он вовсе не намерен был делать это, тем более что Надя пришла, в себя.

– Вы испугались, но с вами ничего не случилось серьезного, не правда ли? – стал спрашивать Кулугин.

– Это вы меня высвободили из этой толпы? – ответила ему Надя вопросом.

– Не разговаривайте много, это утомит вас! – остановило ее домино. – Я послал, чтобы отыскали нашу карету; мы поедem сейчас

домой.

– Где вы живете? Где вас можно найти, увидеть? – заговорил снова Кулугин.

Надя поглядела на него. По ее взгляду он понял, что она не помнит его. Правда, он был представлен ей в числе многих других молодых людей и никогда не был близок к дому Елагина, но все-таки было неприятно, что она не признала его.

– Вы не узнаете меня? – спросил он. – Я – Кулугин, офицер; я был вам представлен...

– Ах, как же! – перебила Надя. – Конечно, узнаю вас.

– Где же вас можно видеть? У кого вы живете теперь?

Надя оглянулась на своего провожатого в оранжевом домино. Тот стоял, переминаясь с ноги на ногу и стараясь показать, что, ему разговор ее с молодым офицером очень неприятен и что, умей он прекратить его, он сделал бы это немедленно.

– Где я живу – не знаю! – сказала Надя.

Видно было, как человек в домино вздохнул с некоторым облегчением после такого ее ответа.

– Милостивый государь, – заговорил он, обращаясь к Кулугину, – вы нам оказали немаловажную услугу, за которую я вам очень благодарен, но это не дает вам права быть слишком любопытным. Если вы узнали мою спутницу, то лишь благодаря несчастной случайности, пользоваться которой вы не должны, если желаете соблюсти обычай не только маскарада, но и вообще деликатности, свойственной тому кругу, к которому вы, по-видимому, принадлежите.

После такой тирады Кулугину оставалось только раскланяться, но он был не из таких, чтобы позволить читать себе нотации. Он встал в соответствующую позу и в тон высокопарной речи, которую только что должен был прослушать, ответил с грациозным поклоном.

– Поверьте, таинственный незнакомец, что ваши драгоценные советы навсегда запечатлеются в моей памяти, хотя черты вашего прекрасного (в чем я не сомневаюсь) лица и останутся для меня тайной, ибо они закрыты непроницаемой для взоров маской.

Должно быть, лицо незнакомца было во-

все не похоже на «прекрасное», потому что при этом слове Надя, которая, очевидно, видела это лицо без маски, очень весело расхохоталась.

– А мне сказали, – обратился Кулугин к Наде, – что вы уехали за границу. Но я рад, что это оказалось неправдой и что вы снова показались в обществе. Отчего, в самом деле, вы не хотите сказать, где можно увидеть вас?

– Потому что я этого не знаю, – серьезно ответила Надя.

– Вы желаете интриговать меня без маски?

– Да нет же, я живу...

– Ради Бога, не разговаривайте слишком много? – снова остановило ее оранжевое домино.

– Я живу, как в заточении, – продолжала Надя, не обращая на него внимания. – В первый раз мне сегодня позволили выехать, и то благодаря тому, что это маскарад и что мое лицо будет закрыто маской... А где я живу...

– Ну, едемте домой! Наша карета подана! – перебил ее провожатый, которому доложил о карете вернувшийся дворецкий, посланный за нею.

Он поднял Надю с кресла и почти насильно повел ее. Кулугин последовал за ними. На крыльце Надя улучила минутку и шепнула ему:

– Таврический дворец!..

Между тем Пьеро, который был не кто иной, как переодетый в этот костюм Цветинский, не спускал глаз с византийского царя и шел за ним по пятам.

Когда Арлекин задержал дожа с капуцином, Цветинский заметил, что они потеряли из виду византийца, и успокоился, поняв, что он остался следить за ним один, избавившись таким образом от лишних соглядатаев.

Византиец, ускоряя шаг, направился к дому, миновал парадные комнаты и вышел на лестницу.

«Он, кажется, хочет уезжать, – тем лучше», – сообразил Цветинский и, отыскав свой плащ, закутался в него и был готов идти хоть на край света.

Византийский царь был один, без гайдуков и лакея. На подъезде он свистнул три раза, и на его свист к крыльцу подъехала ямская карета.

Цветинский садился в это время на извозчичьи дрожки-гитару, называвшиеся тогда «колибером», и велел извозчику ехать за каретой.

Дорога была не длинная; они проехали по набережной Фонтанной, и карета завернула во двор бывшего дома князей Туровских, где жил граф Феникс.

Этого уже никак не ожидал Цветинский.

«Что за притча? – удивился он. – Этот царь с медальоном живет в одном доме с Фениксом, а тот из кожи лезет, чтобы найти медальон».

Цветинский так заинтересовался, что, забыв о всякой предосторожности и рискуя быть открытым, соскочил с дрожек и припал к сквозной решетке, огораживавшей двор со стороны набережной.

Карета остановилась у парадного входа. Византийский царь вышел из нее и прошел в дверь, которая затворилась за ним. Карета направилась к воротам и шагом выехала из них.

– Тебя отпустили, ты домой едешь? – спросил Цветинский у кучера, когда экипаж по-

равнялся с ним. – Можешь меня довести до дома Шереметева?

– Садись, барин, – равнодушно ответил кучер, останавливая лошадей.

Цветинский сел в карету. Не было сомнения, что человек, бывший на маскараде в костюме византийского царя с медальоном, жил в одном доме с графом Фениксом. Кто он был и на чем основывалась такая комбинация, сразу сообразить было трудно, но Цветинский держал уже один конец нити, и этого ему было достаточно, чтобы не только не выпустить ее из рук, но и распутать, дойдя до другого конца ее.

Это требовало только некоторого труда и времени, а средства у Цветинского были; он уже составлял план действий. Когда карета подъехала к крыльцу шереметевского дома, то вдруг оказалось, что вовсе не надо прилагать никакого труда, ни тратить времени, ни употреблять какие-нибудь средства, чтобы найти медальон. Он лежал на дне той самой кареты, в которой сидел Цветинский, попался ему под ногу и блеснул, когда внутренность кареты осветилась светом фонарей и шкали-

ков, зажженных у подъезда. Византийский царь обронил его, очевидно нечаянно, как предположил Цветинский.

Он так обрадовался, что, схватив медальон, выпрыгнул из кареты и не заплатил бы кучеру, если бы тот не догадался окликнуть его. Тогда Цветинский дал ему целый четвертак цену огромную по тем временам за конец, который они сделали.

Маскарад еще был в полном разгаре.

Цветинский в своем костюме Пьеро, с медальоном в кармане, веселый и довольный, что так неожиданно поиски его увенчались такой баснословной удачей, побежал отыскивать Арлекина. Тот, конечно, по уговору с ним, задержал дожа с капуцином и должен был следить за ними, пока Цветинский пойдет за византийским царем. Вследствие этого теперь Цветинскому оставалось встретить одного из них, чтобы найти двух других.

Первым в толпе попался ему капуцин. Среди масок было много капуцинов, но этот, несомненно, был тот самый, под одеянием которого скрывался Кулугин. Он пробирался, озираясь по сторонам, видимо, забыв о царив-

шем вокруг него веселье, и не принимал участия в нем, озабоченный своим делом.

«Ты, кажется, отчаялся в поисках византийца и ищешь теперь своего дожа, – подумал Цветинский, – а я вместе с тобой найду своего Арлекина».

Он не ошибся: это был действительно Кулугин, который, проводив Надю, искал графа Феникса, надеясь, что тот выследил византийского царя.

Кулугин направился к перекрестку, где они расстались с дожем, и остановился тут, делая вид, что разглядывает проходивших. Среди них скоро показался дож, который, заметив капуцина, быстро подошел к нему.

– Ну что? – спросили они оба друг друга, уже по этому обоюдному вопросу поняв, что трудились напрасно.

– Не нашли?

– Нет, а вы?

– Тоже нет.

– Проклятый Арлекин!

– Что же делать?

– Идти в первую приемную комнату, смежную с выходной лестницей, – сказал дож, – и

ждать там. Должен же будет этот византиец, уезжая, пройти на лестницу и попасться нам.

– Отлично! – одобрил Кулугин. – Пойдемте к лестнице. Мне нравится, граф, что вы никогда не теряете энергии.

Но теперь Кулугина, по правде сказать, медальон интересовал мало. Он нашел Надю и, будучи вполне доволен этим, решил пока ничего не говорить Фениксу о своей встрече с нею.

Они направились к дому. Пьеро стоял близко возле них и слышал весь их разговор. Когда они ушли, он оглянулся; за его спиной был Арлекин.

– Пусть они идут ждать, – весело сказал Цветинский, – теперь ищи ветра в поле... Византиец уехал.

– И вы не проследили куда? – спросил Арлекин.

– Конечно проследил. Он живет в доме графа Феникса. Я сам проводил его туда и видел, как он вошел, отпустив карету. Он живет там же, где и вы, в доме графа Феникса.

– И вы не ошиблись? Это был византиец с медальоном?

– Не только не ошибся, но имею доказательство, что не потратил времени даром, – медальон у меня. Я взял отпущенную карету и нашел в ней медальон, который был обретен, очевидно, случайно.

– Тогда я бегу домой.

– Чтобы узнать по свежим следам, кто из ваших приезжал сюда в костюме византийского царя?

– Конечно.

– Узнайте: это все-таки интересно. Да и мне делать больше нечего здесь, и я поеду домой, лучше выспаться хорошенько; ужинать нам едва ли дадут здесь.

И они направились к выходу. У лестницы они заметили стоявших там капуцина и дожа, обрекших себя на напрасное дежурство.

Тяжелое свидание

На другой день рано утром Цветинский явился к Бессменному и был поражен его болезненным видом и слабостью!

– Что с тобой? Тебе хуже? – испуганно стал спрашивать он. – Ведь рана почти зажила...

– Что рана! – махнул рукой Бессменный. – Ты знаешь, что я узнал?

– Я, брат, знаю, что приношу тебе интересную штучку – первая часть наших поисков окончена.

– Ну? – спросил Бессменный, и глаза его на минуту оживились.

– Медальон, братец, медальон! Я нашел его...

– Медальон? – протянул Бессменный и снова махнул рукой.

– Ну да, вот он! – заговорил Цветинский, вынимая медальон. – На вот тебе его! Теперь нужно найти только индуса и продать ему медальон, а не найдем индуса – продадим графу Фениксу. Он тоже интересуется этой вещью. Значит, деньги у нас есть. Теперь все пойдет как по маслу. Как думаешь, сколько

запросить с них за медальон?

– Да погоди, ко мне пришел вчера солдат от Нади...

– Ну? – спросил в свою очередь Цветинский.

– Она дала мне знать о себе. Ты знаешь, где она находится? В Таврическом дворце. Ты понимаешь, что это значит?

– Я понимаю, что ты должен был бы скакать и прыгать теперь от неудержимой радости, а не быть в таком виде, как застал я тебя.

– Я ночь не спал.

– От радости, что узнал о ней? Не следовало делать этого; лучше было наспать себе сил, чтобы отправиться сегодня к ней.

– Да как отправиться? Я не от радости не спал, а напротив.

– Как напротив? Помилуй, брат, чего же лучше?

– Чего хуже – скажи скорее! Пойми, что она в Таврическом дворце, увезена туда тайно, держат ее под секретом, пойми – под секретом! Или ты не знаешь, кто живет в Таврическом дворце?

– Светлейший князь Потемкин.

– Этого довольно, я думаю.

– Постой! – остановил его Цветинский, начиная соображать, в чем дело. – Конечно, про светлейшего много болтают, и выходки его подчас бывают странны, не знают пределов, но неужели ты думаешь...

– Я ничего не думаю, потому что у меня голова идет кругом. Надя, в сущности, – бездомная сирота. Елагин приютил ее, но она ему не родная. Во власти Потемкина она теперь всецело, заступиться некому – один я, да и тот больной. Что я могу сделать? Я руки на себя готов наложить.

– Во-первых, ты не один: меня забывать все-таки не следует, а со мной нас – двое...

– Да и вдвоем ничего не поделаем. Разве прежде, чем себя, его уколошить!..

– И этого делать не следует; ведь мы еще не знаем ничего положительного. Прямых доказательств нет.

– Да как же нет, как же нет? Зачем он крадучись взял ее к себе во дворец? Если бы его цели были честные и хорошие, то их скрывать было бы нечего. Боже мой, с ума сойти можно!.. Моя Надя – и вдруг... Нет, Цветин-

ский, я не переживу этого!

– Да погоди, давай рассуждать по порядку! Какой солдат пришел к тебе и как ты узнал?

Бессменный рассказал все по порядку.

– Ну хорошо, – одобрил Цветинский, – во-первых, из всего этого явствует, что она тебя любит, а это главное. Значит, с ее стороны ты можешь быть спокоен.

– Ну, еще бы! Что касается ее, то я, конечно, спокоен...

– Прекрасно! Значит, если даже она и взята во дворец для соблазна, то ведь не станут проделывать над ней грубое насилие.

– Господи, и говорить об этом страшно! – воскликнул Бессменный, схватившись за голову.

– А нужно говорить, делать нечего! Так, если не ждать грубого насилия, тогда времени у нас достаточно. Прежде всего я обещаю тебе сейчас отправиться во дворец и разузнать там...

– Нет, прежде всего я хочу, чтобы ты взял карету и мы отправились немедленно к частоколу со стороны пустыря. Я должен увидеть Надю!

– Но как же ты увидишь ее?

– День стоит хороший, она, наверное, в саду. Она ждет меня... Я поговорю с нею хотя бы через частокол.

– А ты не думаешь, что два офицера в карете у частокола непременно возбудят подозрение?

– Там пустырь, я знаю. Кроме прохожих из простого народа, никого быть не может, а они не опасны. Верхом я не могу пока ехать.

– Так подождем до завтра.

– Если ты не поедешь со мной сегодня, я отправлюсь один!

Цветинский должен был убедиться, что решение Бессменного твердо и непоколебимо. Делать было нечего, пришлось послать за каретой.

Во время приготовления к поездке Бессменный, надевая мундир и амуницию, не только не почувствовал себя слабее, но, напротив, оживился и стал как будто веселее. Цветинский, глядя на него, удивился, откуда берутся у него силы, и несколько успокоился за друга. Может быть, и в самом деле было лучше, что он согласился ехать.

– Постой, ты не выходи! – остановил он Бесменного, вылезая из кареты, когда она остановилась у частокола, окаймлявшего сад Таврического дворца со стороны пустыря, – я вылезу сначала и осмотрю местность.

– Да, право же, я чувствую себя отлично, – проговорил Бесменный, стараясь казаться молодцом.

– Это очень хорошо, но все-таки не следует доводить до крайности наше безрассудство. Сиди пока!

Он вылез и пошел вдоль канавы у частокола.

Через очень короткий промежуток времени, показавшийся, однако, Бесменному целой вечностью, он вернулся к карете и заявил:

– Нашел. В одном месте, действительно, колья расшатаны и видна щель. Пойдем!

Бесменный, едва сидевший на месте от нетерпения, не заставил звать себя вторично. Он прыгнул из кареты так, что Цветинскому пришлось поддержать его.

– Ради Бога, осторожней! – испугался тот. – Этак ты повредишь себе.

Но Бессменный не слушал. Он, забыв о своей слабости, о болезни, забыв самого себя, только потому не бежал, что Цветинский удерживал его за руку.

Он не помнил, как перескочил канаву и, прильнув к расшатанным кольям частокола, жадно охватил взглядом открывшееся сквозь них пространство сада. Были видны расчищенные дорожки, цветочные клумбы, кусты и деревья, и меж ними сквозила обгорелая стена флигеля.

– Тут был пожар, – сказал Бессменный, – видна обгорелая стена.

Цветинский стоял за ним и постарался тоже заглянуть.

– Ну да, – спокойно сказал он, – я тебе рассказывал об этом пожаре.

– Да, да, – пробормотал Бессменный, – и я слушал тогда твой рассказ спокойно! Если бы я знал, что она была здесь тогда!..

– А может быть, ее уже и нет здесь; может быть, ее перевели из обгорелого флигеля.

– Но это не мешает ей гулять по саду. Нет, она здесь, я чувствую это и не уйду отсюда, пока не увижу ее!

– С тобой ничего не поделаешь...

Но Бессменный не дал договорить ему. Он дернул его за рукав и едва слышно произнес:

– Она!

«Везет этим влюбленным!» – подумал Цветинский.

Надя шла по дорожке, опустив голову. Она была одна и приближалась тихо. Бессменному показалось на одну минуту, не мерещится ли ему и не видение ли это, чудное, нездешнее видение. Но он отлично чувствовал возле себя присутствие Цветинского, ощущал чашток, за который держался руками и который мешал ему кинуться вперед; нет, он не грезил, это была действительность. Надя приближалась; с каждым ее шагом сокращалось расстояние, отделявшее их друг от друга; наконец она подошла.

– Надя! – окликнул Бессменный, задыхаясь от счастья. – Надя...

Она вздрогнула и стала осматриваться.

– Надя! – повторил Бессменный.

Вот сейчас она заметит его и подбежит. Он ждал этого. Девушка действительно заметила и испуганно глянула в сторону, откуда звали

ее.

– Надя! Да неужели ты не узнала моего голоса? Это я, Бессменный! – продолжал он.

Надя сделала еще несколько шагов, но не приблизилась к частоколу вплотную.

– Кто вы? – спросила она.

Кроме испуга, лицо ее ничего не выражало.

– Я, я, Надя, это я, – твердил Бессменный, толкая частокол руками, точно хотел своротить его.

– Не знаю, – ответила она.

– Не знаешь меня? Да ведь ты сама мне отсюда же прислала кольцо с солдатом.

– Не помню!

– Как «не помню»? Что с тобой? Ты забыла меня?

– Вы пугаете меня! Кто вы и что вам нужно здесь? – проговорила Надя, возвышая голос.

– Да не может быть! Ведь ты же сама, сама позвала меня сюда.

– Я не звала вас.

– А кольцо, а медальон?

– Не помню.

– Как «не помню»? Что с тобой? Ты забыла

меня? Ты ли это?..

– Не знаю! Меня, правда, зовут Надей, но, может быть, вы принимаете меня за другую. Я не знаю вас, – и она, повернувшись, пошла прочь от частокола к дому.

– Надя! – крикнул во весь голос Бессменный. – Надя!..

Но она не слушала.

– Перестань делать глупости! – Остановил его Цветинский, бывший свидетелем всему. – Пойдем скорее, тут нам делать нечего.

– Господи, да что же это, за что? – в отчаянии повторял Бессменный, все еще силясь разломать колья высокого частокола.

Цветинский схватил его и почти на руках перенес через канаву обратно.

– Противный медальон! – не помня и не соображая того, что говорит, бессвязно твердил Бессменный. – И нужно было мне зарок ей давать: «Верни, когда разлюбишь!..» Вот хоть не она вернула, он сам вернулся ко мне, и она разлюбила... Где этот медальон?

– Молчи, молчи! – удерживал его Цветинский. – Молчи, говорят тебе, иди!

– Где этот медальон?

– На, вот он, только образумься, – и. Цветинский, чтобы чем-нибудь успокоить друга, сунул ему в руку медальон.

Тот, словно желая этим выместить всю горечь своей обиды, кинул медальон на дорогу и топнул ногой.

– За что, за что она обошлась так со мной, за что?.. Ну, так пропадай все теперь!.. Не надо этого гадкого медальона, из-за него все... Пропадай все!..

Бессменный был, как сумасшедший. Потрясение оказалось слишком велико, он не выдержал. Силы оставили его, он зашатался и вдруг замолк, покачнувшись. Цветинский едва успел подхватить его.

Они были довольно далеко от кареты. Цветинский оглянулся, как бы ища кого-нибудь на помощь. У Бессменного был обморок.

Мастеровой, прохожий, появление которого они не заметили, остановился возле.

– Помоги донести до кареты, – приказал ему Цветинский, и они вместе дотащили Бессменного до экипажа и уложили его.

Садясь в карету, Цветинский вспомнил о медальоне, но теперь ему было не до того.

Приходилось торопиться, чтобы привести в чувство больного, думать и заботиться только о нем.

Карета двинулась крупной рысью, а мастеровой вернулся назад, поднял медальон с дороги и бережно спрятал его в карман.

Заботы светлейшего

Потемкин только что вернулся из Царского Села, куда ездил к императрице по ее приглашению. Он был обласкан ею, принят мило, стиво, но это было не то, не то, что прежде, далеко не то. Прежде он не боялся «случайных» людей, то есть, вернее сказать, он и теперь не боялся никого, но прежде стоило ему только захотеть – и «случайный» человек терял свое могущество. Так было с Ермоловым, с Мамоновым. Светлейший был уверен, что так будет теперь и с Платоном Зубовым, однако эта уверенность не оправдывалась. Напрасно твердил он, что «один зуб болит у него и мешает ему жить спокойно и что он выдернет этот зуб», «зуб», по-видимому, продолжал болеть и «выдернуть» его было трудно. Вот почему дурное расположение духа все чаще и чаще охватывало светлейшего в последнее время, и в особенности после его посещения большого двора.

И на этот раз он вернулся насупленный и суровый.

Он переодевался в своей уборной, велел

позвать к себе секретаря своего, Попова, и, когда тот явился, спросил его, садясь к письменному столу.

– Ну, что у вас тут, как?

Попов, изучивший светлейшего до самых последних мелочей, сразу увидел, как ему отвечать и держать себя, и знал уже заранее, что последует дальше. Он знал, что Потемкин, вернувшись не в духе, на этот раз не запретя у себя в кабинете, но его дурное расположение разрешится тем, что он станет входить в подробности своего личного обихода, как бы предоставив всем остальным жить по-своему, лишь бы и ему не мешали.

На такой оборот указывал вопрос, сделанный светлейшим. Он был в отсутствии из дома в Царском три дня и желал узнать, что тут было и как без него.

У Попова на этот случай был готов обстоятельный доклад, и он начал говорить, подробно описывая все важное и неважное.

– Ну, а она что? – спросил Потемкин.

Попов понял, про кого спрашивают, и ответил:

– Все так же.

– Что доктора сказали?

– Что же они могут, ваша светлость!..

– Ну, конечно, ничего они не могут и не знают, кроме декокта, а тут декоктом не поможешь! Я думаю завести у себя своего особенного доктора.

Попов ничего не ответил, только придал своей улыбке лукавое выражение и склонил голову набок, как бы безмолвно подтверждая, что все окружающее, в том числе и всеми признанные доктора, никуда не годились, а хорошо было только то, что не похоже на общепринятое.

– Да, особенного, – повторил Потемкин. – Я хочу посоветоваться с графом Фениксом. Он мне кажется парнем толковым, по крайней мере, оригинален. Он мне говорил, что знаком с медициной...

– Граф Феникс, словно нарочно, сегодня ждет в приемной вашей светлости.

– А много там народу?

– Много.

– Примешь графа Феникса, а остальным сказать, что приема не будет.

И этот ответ Попов ждал заранее; он пото-

му и сказал, что в приемной было «много» народу, что знал, что светлейший никого не велит принимать, кроме Феникса, о котором заговорил.

На самом деле, приемная была далеко не полна. С каждым днем она становилась пустее и пустее, и это служило одним из верных признаков, что «зуб» болел сильнее.

Граф Феникс был принят один.

– Здравствуйте, граф, – встретил его Потемкин. – Вы мне говорили, что знакомы с медициной...

– Знаком, ваша светлость, – ответил, не торопясь, Феникс. – Разве вы чувствуете себя нездоровым?

– Чувствую, – вдруг нахмурясь, проговорил Потемкин, – но хочу спросить вашего совета не о себе. Свои недуги я сам лечу... Нет, у меня здесь девушка...

– А! – произнес граф. – Что же с нею?

– Несколько дней тому назад во флигеле, где она помещалась, произошел пожар. Его потушили довольно скоро, и несчастье оказалось невелико, но, представьте, с девушкой случилось после этого что-то странное: она

потеряла память...

Граф Феникс кивнул головой, как делают люди, которым говорят о вещах, хорошо им известных, и спросил:

– У нее полная потеря памяти или частичная?

– Она забыла все, все, что случилось с нею прежде. Людей, которых знала, она встречает, точно видит в первый раз, не узнает своих вещей, книги, прочитанные ею, новы для нее...

– Но читать она может?

– Может.

– А говорить?

– Разговор ее ясен и вполне последователен.

– Она знакома с иностранными языками?

– Говорит по-французски.

– Не забыла этого языка?

– Нет.

– Значит, это только частичное затмение памяти. Бывает, что в силу какого-нибудь большого потрясения, как в данном случае, например, испуга во время пожара, теряют совершенно память и забывают даже слова разговорной речи. Испуг был, очевидно,

очень силен, но не имел еще слишком серьезных последствий. Большую осматривали доктора?

– Осматривали, ничего не поняли, посоветовали декокт и развлечения.

– Развлечения, конечно, могут быть полезны, но сами по себе не могут служить лекарством.

– Вот видите ли, – перебил Потемкин, – по некоторым условиям я должен скрыть у себя девушку – не нужно, чтобы знали, что она у меня. Вследствие этого в многолюдных собраниях показываться ей нельзя, разве на маскарадах. В последний раз я послал ее на маскарад к Шереметеву, но такие праздники редки, других же общественных развлечений пока я ей предоставить не могу.

– Впрочем, они не нужны так уж особенно, – успокоительно произнес граф Феникс, – можно и без них обойтись.

– Тем лучше.

– Ваша светлость позволит мне видеть больную?

– Конечно! Идите за мной! Она теперь в саду, вероятно. Мы найдем ее там.

И Потемкин повел графа в сад.

Удача Кулугина

Не было ничего удивительного, что Кулугин, получив от Нади, когда она уезжала с маскарада, указание на Таврический дворец, загорелся тем же желанием, что и Бессменный, то есть пойти на другой же день к Таврическому дворцу. Однако увидеть Надю сейчас же он, конечно, рассчитывать не мог. Он понимал, что если она не посмела выдать свое местопребывание при своем провожатом, а сделала это потихоньку, то это, несомненно, значило, что ее скрывают и пробраться к ней будет нелегко. Поэтому он решил на первый раз разузнать лишь, что можно, и осмотреть хорошенько местность.

Сделать это было, конечно, удобнее не в мундире офицера, который мог весьма естественно возбудить подозрение, а в каком-нибудь ином виде. Одежда мастерового подходила более всего для такого случая. Мастерской мог свободно разгуливать вокруг и около и даже проникнуть с заднего крыльца в самый дворец и там получить какие-нибудь сведения от прислуги.

Переодевшись мастеровым, Кулугин отправился на разведку и с первого же шага увидел, что судьба как будто благоприятствует ему. Со стороны пустыря у частокола он наткнулся на карету и был невольным свидетелем конца сцены, происшедшей тут с Бессменным. Он слышал отчаянный крик князя: «Надя, Надя!» – и видел, что произошло с ним потом.

«Получил отставку!» – решил Кулугин с радостным биением сердца, не смея, однако, еще верить сейчас же пришедшим ему в голову соображениям.

Эти соображения были не сложны, но довольно последовательны, в особенности для влюбленного Калугина.

Надя «дала отставку» Бессменному, а между тем вчера ему, Кулугину, шепнула о Таврическом дворце и была мила с ним. Это могло значить, что причиной немилости к князю являлись вчерашнее происшествие на маскараде и участие в нем Кулугина, который имел успех и завоевал себе положение ухаживателя, сменив отставленного прежнего.

Теперь Кулугину казалось, что все зависит

от того лишь, сумеет ли он пробраться к Наде. Он не сомневался в себе и, конечно, не желал ограничиться, как этот Бессменный, разговорами через частокол.

Цветинский не узнал его, переодетого, и он помог ему донести до кареты Бессменного.

Не успела уехать карета, как медальон, брошенный Бессменным, был в руках Кулугина. Он не старался допытаться, как и почему попал этот медальон снова в руки к князю; ему важно было лишь одно, что теперь он имел средство достигнуть свидания с Надей скорее, чем думал, потому что мог уже рассчитывать на помощь графа Феникса: условие, поставленное графом, он выполнит – принесет ему медальон.

Откладывать это было незачем, ничто не мешало отправиться к графу как можно скорее, и Кулугин так и сделал.

Забежав домой, только чтобы переодеться, он поспешил на набережную Фонтанной.

«Положительно я родился под счастливой звездой! – самодовольно думал он. – В один день и все сделалось сразу; если застать теперь графа дома, тогда совсем хорошо будет».

Он застал Феникса у себя, только что вернувшегося из Таврического дворца.

– Победа! – торжественно заявил он графу. – Полная победа! Я исполнил поставленное вами мне условие; теперь сдержите ваше слово.

Граф поглядел на него, видимо, не понимая причины выражения такой радости с его стороны.

– В чем дело? Какое условие? – спросил он.

– Я принес вам медальон.

Этого никак не ожидал граф Феникс.

– Не может быть! Вы шутите?

– Не шучу, граф; вот он, передаю его из рук в руки вам, – и он достал из кармана медальон и передал его графу.

Тот взял, внимательно осмотрел и не мог скрыть радостную улыбку, убедившись, что медальон тот самый, который он искал так долго.

– Наконец-то! – проговорил он, вздохнув с облегчением. – Благодарю вас. Вы, значит, вчера, после того как мы с вами не дождались ухода византийского царя, все-таки продолжали поиски?..

Вчера они простояли у дверей до самого конца маскарада и пропустили мимо себя последнего гостя, но, разумеется, не видели византийского царя, потому что тот уехал раньше, чем им пришло в голову сторожить его.

– Продолжал, – ответил Кулугин.

– Как же вы нашли? Расскажите, пожалуйста! – стал спрашивать Феникс, уверенный, что Кулугин достал медальон непосредственно от вчерашнего ряженого. – Видите ли, мне интересно было бы знать, кто такой этот византийский царь?

– Этого я не могу сказать вам. Да и не все ли вам равно, как я достал медальон?

– Но я бы желал знать правду.

«Так я и скажу тебе ее!» – подумал Кулугин и ответил:

– Я ничего не могу вам рассказывать! Медальон в ваших руках, он вам передан мною, и больше ничего вы требовать от меня не в праве. Теперь очередь за вами, граф. Вы обещали мне свидание с Надей...

– Разве я обещал вам свидание?

– Даже больше – любовь ее! – ответил Кулугин.

– Но она может любить вас и вдали!

– Бросьте шутки, граф! От такой любви мне нет никакой прибыли. Я желаю ее видеть.

– Но теперь это довольно трудно сделать!

– Во всяком случае для вас это легче, чем для меня было достать медальон.

– Не думайте так! Вы ошибаетесь!

– Едва ли! Где и у кого был этот медальон, я не знал, между тем как вам, несомненно, известно, где теперь Надя.

– Почему вы думаете это?

– Потому что вы хорошо приняты в Таврическом дворце.

– Но при чем же тут Таврический дворец?

– При том, что она там.

– Вы знаете это? Каким образом?

– Вы сами любите все таинственное, считайте и меня магом на этот раз.

«Положительно из него будет толк!» – невольно подумал Феникс и проговорил вслух:

– Хорошо. Вы узнали верно. Она в Таврическом дворце. Но если вам известно это, то вы должны знать, что в ее положении пробраться к ней молодому человеку почти невозможно.

но.

– Только «почти», граф, а это все, что нужно. Если «почти» – значит, не вовсе невозможно. И потом, для вас это возможнее, чем для кого-нибудь другого.

– Вы считаете мою силу значительно большее могущества светлейшего князя Потемкина?

– Тут вовсе не в силе дело, а в вашем близком участии во всей этой истории.

– В чем же оно выразилось?

Кулугин, видя, что произвел уже раз впечатление на Феникса проникновением в тайну относительно места, где находилась Надя, не мог не поддаться соблазну притвориться еще более знающим. Он заговорил с графом таким тоном, как будто держал все его карты уже открытыми.

– Будем откровенны, граф, – начал он. – История с Надей произошла таким образом: она была только воспитанницей Елагина, который имел на нее лишь права воспитателя. Появились вы в Петербурге, и она почти вслед за этим, после первого своего появления в свет, была увезена беспрепятственно из дома Елагина неизвестно куда, – неизвестно, впро-

чем, для всех остальных, кроме меня, который видел ее с ее мадам из вашего окна в вашем саду. Помните день дуэли с Бессменным? Очевидно, вы имели на нее более прав, чем Елагин, и взяли ее от него к себе. Какие это права, я не знаю, но знаю, что вскоре вы получили при моей помощи свидание с Потемкиным, а затем Надя очутилась в Таврическом дворце, а вы там стали до некоторой степени интимным человеком...

– Что же вы заключаете из всего этого?

– Что граф Феникс, как бы это выразиться помягче, отдал красавицу девушку во власть князю Потемкину, а сам получил за это расположение его светлости.

– А вы влюблены в эту девушку и ревнуете?

– Я влюблен и ревную, но ревную только к равным себе, с Потемкиным же мне не тягаться, то было бы, во-первых, бесполезно, во-вторых, совершенно нерасчетливо. И, вздумай я тягаться, я не пришел бы к вам и не говорил бы с вами так откровенно. Нет, я пришел, чтобы сказать вам: я вам мешать не буду, а вы за это помогите мне. До поры до вре-

мени я желаю видаться с Надей тайно и ничем не стану препятствовать ее отношениям с Потемкиным. Временное его увлечение пройдет, а тогда Надя будет моей всецело. Вот мой расчет. Он нисколько не противоречит вашим планам.

Даже Феникс, выслушав эту речь Кулугина, не мог удержаться, чтобы не подумать:

«Какой же, однако, мерзавец сидит в тебе, голубчик!»

– Видите ли, – заговорил он в свою очередь, помолчав, – как ни искусно скомбинировали вы все известные вам обстоятельства, но я должен все-таки разочаровать вас. Для того чтобы казаться более осведомленным, чем это есть на самом деле, нужно быть очень осмотрительным и не увлекаться собственной комбинацией. Желая мне показать, что вы проникли в тайну, вы убедили меня лишь в том, что вы ничего не знаете, а хотите, чтобы я считал вас магом. Никаких прав на воспитанницу господина Елагина я не имею, и никогда ее у меня в доме не было. Для сближения же со светлейшим князем у меня существовали основания совершенно иные, чем

то, о котором говорите вы. Я полагаю, что имею некоторые личные достоинства, способные сделать для меня лишним средство, придуманное вами, чтобы получить расположение князя Потемкина.

После такой отповеди всякий другой смутился бы, но Кулугин был человек особого разряда.

– Если вам угодно, граф, – сказал он, – будем считать мою комбинацию неверной. Но в таком случае вам еще легче помочь мне.

– Но сразу начинать со свидания затруднительно. Напишите сначала ей письмо: посмотрим, что она ответит вам.

– Это уже касается меня, граф.

На этом они расстались.

«Ну, – почти вслух проговорил Феникс, когда уехал Кулугин, – этот господин далеко пойдет – или наверх, к почестям, или, наоборот, в каторжные работы, но, наверное, далеко!.. – и, взяв со стола медальон, он добавил мысленно: – Впрочем, мне все равно. Теперь я не боюсь никого, ни даже индуса. А кстати, куда он пропал?»

Помощь индуса

Кутра-Рари сказал Цветинскому, что, когда «будет нужно», он появится сам. Должно быть, это время пришло, потому что, когда Цветинский привез домой Бессменного, не очнувшегося от своего обморока, он нашел в квартире князя индуса, который ждал их возвращения.

Из кареты Бессменного вынесли без внешних признаков жизни. Когда его уложили в постель, он был похож на мертвого: лицо было бледно, глаза закрыты, он лежал неподвижно, навзничь...

– Слава Богу, вы здесь! – сказал Цветинский Кутра-Рари. – Только и надежды у меня было на вас, но я не знал, куда послать за вами.

Индус не ответил, точно не слышал того, что ему говорили. Он наклонился к больному, ощупал ему грудь и сердце, приподнял веки, вынул из кармана флакончик, капнул Бессменному на губы несколько капель и стал внимательно смотреть ему в лицо. Губы Бессменного шевельнулись, потом дрогнули ве-

ки, и грудь начала тихо приподниматься.

– Воды! – шепнул Кутра-Рари.

Цветинский держал на всякий случай стакан с водой и подал его. Индус налил туда из другого флакона прозрачной жидкости, которая в соединении с водой стала розовой, и обернулся к Цветинскому:

– Оставьте меня одного с ним.

– Вы думаете, его положение опасно? – спросил тот и, не получив ответа, вышел.

Прошло много времени, очень много, как ему показалось. Сердце у него билось так сильно, что он слышал его удары, как маятник, отбивавший время, тянувшееся тяжело и медленно.

«Неужели он умрет?» – с неизъяснимой тревогой задавал Цветинский себе вопрос и тут же должен был признаться в глубине души, что такой исход был бы самым лучшим для Бессменного.

Сблизившись с князем недавно, только после дуэли с графом Фениксом, он тем не менее успел изучить его и знал, что после того, что случилось, Бессменному жизнь станет хуже смерти. Все равно он не переживет, не захо-

чет пережить сегодняшнего дня.

В дверях показался Кутра-Рари.

– Что, кончился? – спросил его Цветинский.

– Кончился... обморок кончился. Войдите!

Бессменный лежал с открытыми глазами, с признаком румянца на щеках и опправлял руками одеяло.

Только увидев, что он очнулся и пришел в себя, Цветинский понял, как были его соображения относительно невозможности жить Бессменному далеки от того, что он чувствовал на самом деле, и откровенная, почти детская радость охватила его.

– Тебе лучше, ты живешь и дышишь? – стал спрашивать он князя, не соображая хорошенько, что говорит.

– Зачем вы вернули меня? – сказал Бессменный, и голос его показался тверже, чем этого можно было ожидать.

Цветинский посмотрел на Кутра-Рари почти с благоговением. Он готов был признать чудом то, что сделал индус.

– Вы не оставите его, вы поможете ему совсем выздороветь? – проговорил он, желая

этим узнать, миновала ли опасность окончательно или нет.

– Он будет завтра здоровее, чем вчера, – ответил Кутра-Рари.

– Я не хочу выздоравливать! – сказал Бессменный, махнув нетерпеливо рукой, и повернулся к индусу: – Вы не знаете, что случилось со мной!

– Ну, об этом не будем говорить пока, – перебил его Цветинский, боясь, что Бессменный будет взволнован этим разговором и ему станет хуже.

– Нет, будем говорить именно об этом, – произнес вдруг Кутра-Рари. – Я знаю, что случилось с вами. Девушка сказала вам, что не знает вас.

Лицо Бессменного конвульсивно задергалось. Цветинский с испугом глянул на индуса.

– Но значит ли это, – продолжал он спокойно, – что вас не любит та, которую вы любите?

Бессменный с трудом зашевелил губами и сделал усилие, чтобы выговорить:

– Она отказалась от меня! Она сама сказала это.

– Но можете ли вы поручиться, что все обстоятельства вашей встречи были правдой и что тут не было лжи?

– Все было правдой, – сказал на этот раз Цветинский. – Если вы думаете, что он бредил в это время, то я могу уверить вас, что не спал и был живым свидетелем всего, что произошло.

– Не думайте так, – сказал Кутра-Рари улыбнувшись, – часто сон бывает правдой, а действительность – ложью. Но я вовсе не хочу убедить вас, что вы грезили. Нет, наяву могло быть много совпадений, при которых правда скрылась.

– Я не могу придумать ни одного из них, – возразил Цветинский.

– Вот, например, одно из таких совпадений, – ответил Кутра-Рари, – представьте себе, что она любит вас по-прежнему, узнала вас и желала кинуться к вам, но не могла сделать этого.

– Не могла? Почему не могла? – спросил князь.

– Хотя бы потому, что заметила, что в это время в саду показался кто-нибудь, перед кем

она боялась выказать свои чувства к вам. Этого «кого-нибудь» вы не видели, но она видела и рассудила так: «Он, – то есть вы, князь Бессменный, – знает мою любовь к нему и не сомневается в ней настолько, что, конечно, не поверит, если я скажу ему, что я его „не знаю“, а между тем это спасет его для меня же...» И она сказала. Я не говорю, что это было именно так, но согласитесь, что могло быть.

Бессменный чувствовал, как по мере того, что говорил Кутра-Рари, жизнь возвращается к нему.

Кутра-Рари рассчитал верно: Бессменному нужно было дать хоть маленькую лазейку, возбудить в нем надежду, и тогда его влюбленное воображение получит другое направление и заработает само собой. Так и вышло.

Под влиянием спокойных, рассудительных речей индуса князь мало-помалу успокаивался. Кутра-Рари говорил с ним долго и остался вместе с Цветинским до самого вечера. Они ушли тогда только, когда Бессменный заснул.

– Можно мне вас проводить? – спросил Цветинский индуса, выходя с ним. – Мне нужно поговорить с вами. Вы куда теперь?

– Домой, – ответил Кутра-Рари, – на Миллионную.

– Тем лучше. Я там поужинаю как следует.

Они вышли на набережную Большой Невы и взяли лодку к Мошкову плоту, служившему ближайшей к Миллионной пристанью.

Вечер был тихий, безветренный, солнце садилось, золотя безоблачное небо, на котором горел высокий петропавловский шпиг и вырисовывался профиль крепости. Лодка быстро шла по течению.

– Ну хорошо, – заговорил Цветинский, – мы на сегодня успокоили князя, завтра можно еще, пожалуй, поддержать в нем надежду. Но так обманывать дольше его невозможно. Как только он почувствует себя крепче, он захочет опять отправиться к Таврическому дворцу. Тогда что делать?

– Тогда посмотрим, – ответил Кутра-Рари.

– Впрочем, может быть, одно из ваших предположений и окажется справедливым, – начал рассуждать Цветинский, помолчав. – Я вот и хотел сказать вам, что завтра думаю навеститься в Таврический дворец и разузнать там, что можно.

Кроме первого предположения, высказанного в утеху Бессменного, индус приводил еще и много других, и теперь даже Цветинский чувствовал, что и у него в душе шевелится что-то вроде надежды.

– Отчего же? Пройдите в Таврический дворец завтра, – согласился Кутра-Рари.

– Но сами как вы полагаете? Можно будет узнать что-нибудь утешительное для него?

– Не знаю, постарайтесь!..

Так и не вышло ничего из этого разговора с Кутра-Рари: тот отделялся или односложными словами, или общими фразами. Как ни старался Цветинский выпытать у него хоть что-нибудь положительное – ничего не мог сделать.

На пристани, когда они выходили, куранты крепости играли десять часов. Кутра-Рари вынул свои часы – великолепнейший золотой хронометр – и сверил их.

– Теперь без десяти минут десять, – сказал он, – через десять минут мы будем дома; если вы хотите зайти ко мне, может быть, узнаете интересные для вас вещи...

«Вот оно, значит, я недаром отправился с

ним, он все-таки расскажет мне что-нибудь», – подумал Цветинский и произнес:

– Я всегда рад узнать интересное, а тем более от вас, который умеет возбудить любопытство.

Они прошли на Миллионную, к знакомому Цветинскому трактиру, но индус повел его не с главного хода, а со двора, по черной лестнице. По ней они вошли в коридор с номерами. Кутра-Рари шел впереди, Цветинский следовал за ним. Индус направился не к тем комнатам, в которых принимал Бессменного, а в противоположную от них сторону, вынул из кармана ключ и отпер одну из дверей.

Они вошли в маленький номер, совершенно жилой по виду. Стояла мебель, была кровать, но никакого признака вещей не было заметно, точно эта комната ждала еще своего постояльца. Между тем ключ от двери был у Кутра-Рари, и он вошел сюда как хозяин.

«Вы живете здесь?» – хотел спросить Цветинский, но индус сделал ему рукой знак молчать и показал на стену соседней комнаты, приложив палец к уху. Цветинский понял, что надо не говорить, а слушать.

– Я должен сказать вам, граф, – слышалось за тонкой стеной соседнего номера, – что это продолжается слишком медленно. Так долго ждать нельзя...

– Но нельзя также исполнить слишком скоро, – ответил другой голос, по которому Цветинский сейчас же узнал, что говорит не кто иной, как граф Феникс.

– Однако вы получаете огромные деньги, – возразили ему.

– Без денег тут ничего нельзя сделать.

– Но и несмотря на то, что денег дано вам достаточно, вы ничего не сделали?

– Как ничего не сделал? Я принят отлично в Таврическом дворце и стал в такое положение, что могу бывать там ежедневно... Я думаю, этого вам достаточно, чтобы убедиться, что я не теряю времени.

– Но оно все-таки идет! А между тем планы необходимы. Нам известно, что Потемкин готовит здесь новые средства для борьбы с турками. У него должны быть документы по этому поводу, нам нужно иметь их во что бы то ни стало, мы за это платим вам деньги.

– Вооружитесь терпением! Мои агенты воз-

ле него и при первом удобном случае...

– Надо создать этот случай как можно скорее.

– Так и будет сделано... У него все секретные бумаги в одном месте – надо лишь пробраться к ним и снять копии.

– Если вы знаете, где хранятся бумаги и ваши агенты возле Потемкина, что мешает им исполнить это?

– Бумаги заперты.

– Подберите ключ.

– Замок секретный.

– Сломайте его!..

– Я не ожидал, – проговорил Феникс, рассмеявшись, – что вы выкажете такую наивность. Сломать замок! Да сию же минуту станет тогда известно, что посторонний хозяйничал в этих бумагах, и тогда придется начинать опять все сначала. Тогда все планы будут изменены, и прежние никуда не будут годиться. Нужно снять копии, не возбудив ни малейшего подозрения; тогда можно рассчитывать на успех.

– Как же вы надеетесь достигнуть успеха?

– Я вам не могу открывать заранее свои

действия. Могу сказать только, что первая попытка...

– Не удалась?

– Не совсем.

– А вы уже делали ее?

– Да, пожар в Таврическом дворце был устроен мною.

– Вы надеялись воспользоваться суматохой пожара?

– Отчасти. Если бы пожар принял большие размеры, пожалуй, можно бы было воспользоваться им, но его потушили сравнительно скоро.

– Можете вы назвать мне хоть одного из ваших агентов в Таврическом дворце?

– Одного могу, надеюсь, однако, на вашу скромность. Это обрусевший итальянец Тубини, музыкант; он мой человек.

– Вы можете доказать мне это? Согласитесь, граф, что кто платит деньги, тот желает убедиться, что делает это не напрасно, тем более что вы просите нового кредита.

– Очень хорошо. Я дам вам доказательство, что Тубини – мой агент. Довольно вам будет этого?

– Довольно.

– И тогда я получу просимый кредит? Да? Тогда я вам обещаю, что дело будет кончено скоро.

– Очень буду рад. Я приехал сюда, чтобы получить планы, и без них не уеду, но помните, что мне надо спешить со своим отъездом.

– Вы уедете скорее, чем можете ожидать этого.

– Очень буду рад. А пока до свидания. Когда увижу вас с итальянцем?

– Завтра у меня. Приезжайте ко мне завтракать...

Они простились, и слышно было, как отворилась дверь соседней комнаты, где происходил разговор, и из нее вышли.

Цветинский обернулся к Кутра-Рари. Тот сидел с закрытыми глазами, как будто не то спал, не то дремал.

– Благодарю вас, – сказал Цветинский, – действительно, вы мне предоставили случай услышать очень интересные вещи.

– Теперь идите ужинать, – усмехнулся индус, – вы можете сделать это с легким серд-

цем. Сегодняшний день не пропал у вас даром.

Цветинский последовал этому совету.

Важное сообщение

Случай на маскараде с Надей стал известен. Ее видели с открытым лицом и узнали некоторые из гостей, бывшие на обеде у Елагина, когда она появилась в первый раз в обществе. Любопытство праздного, сплетничавшего народа было уже задето таинственным и быстрым отъездом ее из дома Елагина на другой же день после первого своего появления. Досужие светские кумушки не могли угадать, куда и почему вдруг исчезла только что показавшаяся Надя, но, когда об этом спрашивали Елагина, он отмалчивался или давал неопределенные ответы. Само собой разумеется, что, когда стало известным, что его воспитанница была на маскараде у Шереметева, интерес к ней возрос еще более и вопрос «где она?» стал еще занимательнее. Пересуды увеличились, делались различные предположения и сочинялись целые легенды, но ни одна из них не подходила даже отдаленно к истине. Таврический дворец никому не пришел пока в голову. Однако слухи достигли этого дворца, и Потемкин узнал о них.

Первым делом он велел призвать к себе «Тубинова» – так на русский лад звали итальянца Тубини, служившего в штате светлейшего.

Итальянец, благообразный старик, появился перед Потемкиным, склонив голову и спину; эта поза как-то сама собой выходила у него при разговоре со светлейшим, но своего благообразия он не терял и в этом положении.

– Мне не были доложены подробности случая на маскараде, – заговорил Потемкин, возвышая голос.

– Никаких особенных подробностей не было, ваша светлость, – согнулся еще ниже Тубини.

– Как не было? Ты только сказал, что вам пришлось уехать, потому что вы попали под шкалики и запачкали костюмы.

– Костюм синьорины был запачкан, но мое оранжевое домино не пострадало нисколько.

– Я не о твоём глупом домино говорю. Ты мне не сказал главного, что с нее упала маска и ее видели и узнали.

– Я не придавал этому большого значе-

ния...

– Как не придавал? Ты знаешь, что я не хочу, чтобы знали, что она у меня!

– Но я не предполагал, что черты синьорины известны кому-нибудь...

– Предполагал! До сих пор я держал тебя именно за то, что ты не рассуждал, а исполнял в точности мои приказания... Тебе не велено было ничего предполагать, надо было сохранить строжайшую тайну.

– Я хранил ее, но лицо синьорины открылось вследствие неожиданной случайности.

– Где же у тебя глаза были в это время? Что же ты смотрел?

– Я берег свою маску.

– Ты рехнулся, должно быть! Берег свою маску, берег свое оранжевое домино и не обращал ни на что больше внимания! – воскликнул Потемкин, не только разгневанный, но и удивленный.

– Я берег свою маску потому, что упавшая маска синьорины, хотя открыла ее лицо, но не открыла еще всего секрета, – ответил Тубини. – Между тем, если бы увидели меня без маски и узнали меня, состоящего на службе

вашей светлости, всем стало бы ясно, у кого теперь находится синьорина, если я с нею. Вот почему я берег свою маску более тщательно, чем маску синьорины.

Итальянец был не так глуп, как это показалось. Потемкин смягчился.

– Ну хорошо, – сказал он, – что же дальше было? Как же вы уехали?

– С синьориной сделался маленький обморок, потому что она испугалась... и синьорину сейчас же взял на руки очутившийся тут капуцин.

– Какой капуцин?

– Он предложил свою маску синьорине; я видел его лицо – молодой человек.

– Молодой человек?

– Да, один из офицеров. Я узнал его, потому что видел однажды здесь его на дежурстве.

– Дальше, дальше...

– Синьорина вскоре пришла в себя и оправилась настолько, что даже весело разговаривала с нами...

– С офицером тоже, значит?

– Я ничего не мог сделать с ним. Он проводил нас до кареты...

– Дурак! – зло крикнул Потемкин. – Фамилия офицера?

– Кулугин, ваша светлость!

– Я тебе покажу этого офицера! Чтобы завтра же тебя не было у меня! Мне таких глупых слуг не надо! Слышишь? Ты получишь жалованье за два месяца вперед и завтра же уедешь отсюда с моим провожатым до границы... Слышишь – завтра же... Ступай!..

Потемкин прогнал итальянца и велел позвать Попова.

– Ваша светлость, – доложил Попов, входя, – Цветинский просит поговорить с вами по важному делу. Оно спешное.

– Цветинский? – проговорил Потемкин. – Его-то мне и нужно! – Он ходил по своему кабинету большими шагами и, когда появился Цветинский, близко, в упор подошел к нему. – Ты свободен? Можешь ехать завтра же?

– Свободен, ваша светлость.

– Мне нужно, чтобы ты отвез итальянца Тубинова до границы и чтобы он не болтал здесь того, что знает. Подорожная и прогоны будут готовы завтра. Возьми итальянца и поезжай!

– Значит, вашей светлости известно все?

– Что мне известно?

– Что Тубини – агент господина графа Феникса, что граф явился в Россию, чтобы раздобыть планы предполагаемых действий ваших против турок...

– Что, что такое? – заговорил Потемкин. – Поди сюда, сядем!.. Какие планы?..

– Планы ваших действий против турок. Графу Фениксу известно, что они заготовлены и находятся у вас в кабинете, в секретном ящике.

– Ему известно это? Так любознательность графа действительно широка.

– Он, по-видимому, послан сюда, и денег для него не жалеют, но жалуются на его медлительность. Вчера приехал посланный из Франции, чтобы поторопить его. Он остановился в номерах на Миллионной.

– Значит, до сих пор Феникс ничего еще не успел сделать?

– Ничего существенного, хотя уверял, что принят вашей светлостью хорошо.

– Правда. Он ловкий человек и умеет стать необходимым.

– Затем он говорил, что у него есть серьезные агенты в Таврическом дворце. Один из них – Тубини.

– И эти его агенты узнали лишь пока, где находятся планы, но самих планов и бумаг не трогали?

– В этом можно быть уверенным.

– Хорошо! – Потемкин позвонил. Вошел дежурный. – Итальянца Тубинова позвать сюда! – приказал светлейший.

Склоненный Тубини робко и приниженно вполз в дверь. Он казался не только обиженным и огорченным; выражение его лица иначе нельзя было назвать, как выражением полного отчаяния.

– Тубинов, – обернулся к нему Потемкин, и в голосе его не было и признака прежнего раздражения, – я погорячился, твой поступок не заслуживает порицания, потому что ты не виноват в нем, и я оставляю тебя у себя по-прежнему. Живи тут. А двухмесячный оклад, который, как я сказал, ты получишь, тебе выдадут, хотя ты и останешься.

Итальянец, видимо, никак не ожидавший такого оборота, даже затрясся от охватившей

его внезапной радости. Он начал рассыпаться в уверениях своей преданности, но Потемкин отпустил его, сказал, что он верит и что теперь некогда ему слушать.

– Так что мне пока некого провожать до границы, ваша светлость? – усмехнулся Цветинский, когда Тубини вышел.

– В свое время, может быть, проводишь, а пока еще рано. Тебе нужны деньги?

– Я никогда еще не брал денег за свои услуги, ваша светлость, – сказал Цветинский, выпрямившись.

– Знаю, знаю, голубчик, но те сведения, которые ты раздобыл, тебе ничего не стоили? Я не хочу, чтобы ты тоже за свой счет работал для меня.

– Ничего, ваша светлость.

– Тогда приходи обедать сегодня. Надо хоть обедом наградить тебя, а я соображу, что тут и как, и потом уговоримся. Ты мне нужен будешь теперь. Надо это дело с планами провести как следует.

А в то самое время, пока Цветинский вел со светлейшим только что приведенную военную беседу, его друг, князь Бессменный, на-

ходился в крайнем волнении.

– Нет, вы мне скажите только одно, только одно, – воскликнул он, схватив за руку Кутра-Рари и заглядывая ему в глаза, – вы, который все знает и все может, скажите мне прямо: любит она меня или нет? Только это, только «да» или «нет»!

– Да, – ответил Кутра-Рари.

– Вы ручаетесь мне?

– Довольно вам, что я сказал «да». Какого ручательства еще хотите вы?

– Где ваш хрустальный шар, в который я видел ее отъезд? Я хочу видеть ее хотя бы при помощи вашего шара. Помните, тогда я противоречил вам, не верил, теперь верю и сам прошу вас... Я хочу видеть ее!

– Этого нельзя. Вы еще слишком слабы.

– Это прогонит мою слабость, и силы вернутся ко мне. Если бы я сейчас убедился, что она – моя прежняя Надя, я бы, кажется, совсем выздоровел. Я чувствую это.

– Вы выздоравливаете и так.

– Да, но все-таки я мучаюсь...

– Сегодня, вероятно, вы получите некоторое успокоение.

– Где, откуда?

– От вашего товарища Цветинского. Он придет, вероятно, с какими-нибудь вестями. Ваш товарищ обедает сегодня в Таврическом дворце и оттуда явится прямо к вам. Он что-нибудь да узнает!

Бессменный вместо того чтобы обрадоваться этим словам, опустил голову и задумался.

– Нет, не жду я ничего хорошего, – тихо начал он, выходя из своей задумчивости. – Как только вспомню об этом Таврическом дворце, так просто руки опускаются. Если даже все ваши предположения верны, если она все-таки любит меня, то, Боже мой, что с ней могут сделать там, в этом дворце!.. Фаворитка Потемкина! Подумайте! Силой заставят сделаться фавориткой мою Надю!.. Ведь это ужас что такое, ужас, ужас!

– Не надо поддаваться отчаянию, погодите прихода вашего товарища...

– Он мне не скажет правды!..

– Вероятно, ему и не придется скрывать эту правду.

– Вы говорите, точно вам известно что-то,

но не хотите сказать. Не скрывайте от меня ничего, скажите все!

– Все... все! – повторил Кутра-Рари. – Чтобы знать все, что я знаю, надо быть таким стариком, как я... Но вот, посмотрите, ваш товарищ идет к вам; он вам расскажет сегодня больше меня.

Бессменный увидел в окно, куда показал индус, что Цветинский переходил в это время улицу, направляясь к крыльцу, и воскликнул:

– Какой он веселый!

Цветинский, действительно, вошел радостный.

– Ты ее видел? – встретил его Бессменный, приподнимаясь на постели.

– Лежи смирно! – остановил его Цветинский. – Видел, говорил и обедал с нею вместе... Превосходный обед!

– Ну, что же она, что она? Говори скорее!

– Она перенесла страшный испуг во время пожара, и после этого у нее сделалось временное затмение памяти. Она не помнит ничего, что случилось до пожара.

– И этим ты объясняешь, что она не узнала меня?

– Разумеется, только этим. Бессменный снова упал на подушки, говоря:

– Нет, ты обманываешь меня... Не может быть, не может быть, чтобы Надя забыла меня! Если она любит, то не могла забыть; каков ни был испуг ее – мой голос заставил бы ее вспомнить... все... прежнее... Нет, если она забыла меня, то не иначе как для другого.

– Так кто же этот другой, по-твоему?

– Кто? Тот, кому всю жизнь везло чрезмерное счастье, тот, который до сих пор не знал предела своим желаниям и капризам, тот, который держит ее у себя, который запер ее и желает обольстить. И она поддалась ему. Она отуманена, зачарована им, потому что все ему подвластно и даже она, она, Надя!.. – Князь заметался на постели. – Я выздоровлю и покончу с ним, ты увидишь; только для этого я желаю выздороветь! Ну что же, ты обедал с нею и с ним, значит; ну что же, они счастливы, веселы, довольны?.. Обо мне не говорили, не спрашивали?

– Да погоди ты!..

– Не хочу больше годить, не хочу терпеть. Они, вероятно, теперь смеются надо мною, а я

должен терпеть!

– О, Боже мой! – вздохнул Кутра-Рари.

– Да замолчи ты, сумасшедший! – почти крикнул Цветинский. – Весь этот вздор, что ты несешь, ни к чему! Все это – вздор и твое болезненное воображение...

– Нет, довольно! – еще горячее прежнего заговорил князь. – Вы меня успокаивали тут, и я делал вид, что верю, но теперь довольно, больше не надуете!.. И тебе, – обернулся он к Цветинскому, – сказать больше нечего, как только «вздор», а я знаю, что не вздор, потому что ты сам обедал с ними – с ней и с Потемкиным, с ней и с Потемкиным!

Цветинский близко подошел к князю, нагнулся к самому лицу его и едва слышно произнес:

– Да успокойся! Ведь она – его дочь, понимаешь ли, дочь... и потому все твои опасения напрасны...

Лечение графа

Наступила ночь. В Таврическом дворце все успокоилось, зато в доме Феникса долго светился одинокий огонек масляной лампы.

Граф Феникс не спал всю ночь, просидев ее напролет в своей рабочей комнате. Она была смежной с его официальным, или парадным кабинетом, обставленным богатой мебелью, статуями и дубовыми книжными шкафами. Соединялась она с кабинетом посредством маленькой двери, искусно скрытой за картиной.

Никакой роскоши в этой рабочей комнате не было, стояли два стола – простой белый, деревянный, и другой, с мраморной доской, и висела полка с книгами, свитками бумаг и пергамента. Мраморный стол весь был заставлен склянками, ретортами, спиртовыми лампами и сосудами странной формы.

На этот раз Феникс не прикасался к ним. Он сидел, окруженный книгами, перед большим развернутым на столе пергаментом и беспрестанно брался за медальон, тщательно рассматривал его, потом справлялся с покры-

вавшими пергамент иероглифами и делал отметки на дощечке из слоновой кости.

Раннее летнее утро давно гляделось в единственное окно комнаты, а Феникс все сидел и с лихорадочным блеском в глазах жадно перебегал взглядом от медальона к пергаменту и от пергамента к медальону. Работа, видимо, не спорилась у него. Несколько испорченных дощечек были отброшены в сторону. Но с упорством и настойчивостью он взялся за новую и принялся за новые выкладки. Руки у него дрожали, сердце билось, он писал, забыв об утомлении, голоде и сне.

Теперь он уже знал ошибки, в которые впадал раньше, и постарался избежать их. Одна за другой появлялись после его выкладок буквы, и наконец сложилось таинственное, искомое слово. Оно значило: «Милосердие».

И только-то? Стоило проводить бессонную ночь, чтобы найти это слово, давно известное Фениксу! Положим, это был ключ, открывавший тайны, в которые он хотел проникнуть. Самая существенная работа была еще впереди, и того, что он успел сделать, было доволь-

но, но как-то странно казалось после ожидания чего-то сверхъестественного прийти к такому простому и, в сущности, несложному выводу.

Милосердие! Неужели все дело только в нем?

Граф Феникс встал от стола, положил медальон и провел руками по лицу.

В маленькую дверь раздался осторожный стук. Феникс знал, что это – Петручио, единственно посвященный в секрет рабочей комнаты.

– Я здесь! – отозвался он.

– Сегодня должен завтракать у вас господин Лубе для свидания с Тубини, – слышался голос Петручио.

Феникс посмотрел на часы. Времени оставалось ровно столько, чтобы переодеться и освежить лицо.

– А Тубини дано знать, чтобы он пришел? – выходя из комнаты, спросил он у Петручио.

– Тубини явится вовремя, – ответил тот.

Феникс направился в свою уборную и, когда явился господин Лубе, вышел к нему свежий и бодрый, точно отлично выспался и

чувствовал себя крепким и здоровым.

– Вы недурно живете! – одобрил Лубе. – Такой роскоши позавидовала бы даже коронованная особа.

– Всякий живет по своим средствам! – пожал плечами граф. – Я думаю, сначала дело, – спросил он, – а потом мы отправимся к столу?

– Я от дела не отказываюсь.

– Тогда пройдемте сюда!

Они миновали несколько комнат и вошли в небольшую гостиную, застеленную мягким ковром, заглушавшим шаги. Феникс подошел к одной из картин, слегка тронул ее, и она образовала щель, сквозь которую была видна соседняя комната, где стоял в ожидании приема Тубини.

Оставив Лубе у этого пункта наблюдения, Феникс вышел к итальянцу. Тот, как увидел его, согнулся, гораздо ниже, чем сгибался перед светлейшим.

– Благодарю вас, граф, благодарю вас! Вы еще раз доказали свое расположение ко мне, и только вашей помощи я обязан вам...

– В чем дело? – спросил спокойно граф.

– Сегодня утром я был прогнан светлей-

шим князем Потемкиным и завтра же должен был оставить навсегда эту столицу.

– За что?

– Случай на маскараде, о котором я докладывал вам. Я рассказал сначала светлейшему в общих лишь чертах об этом происшествии, но слухи дошли до него, и пришлось признаться во всем.

– Он рассердился?

– В особенности когда дело дошло до офицера. Как только я сказал про офицера, так князь воспылал гневом, уподобясь мстительной медузе.

– Как же этот гнев укротился?

– Чудесным, непостижимым для меня образом! Я ушел, прогнанный из кабинета князя, с глазами, полными слез, и тяжелым сердцем. Я уже думал о тщете всего земного и готовился навсегда покинуть эту гостеприимную столицу, где я провел несколько лет, как вдруг меня снова зовут к светлейшему, и он, ласково обратившись ко мне, говорит: «Господин Тубини, я был неправ, вы не заслуживаете порицания, можете остаться у меня!». Он так; и сказал: «Можете остаться у меня», и ве-

лел мне получить двухмесячный оклад. Граф, такую внезапную перемену я могу объяснить только чарами, которыми вы владеете и оберегаете вашего верного слугу. Только благодаря этим чарам случилось для меня такое чудо, ибо иначе, как чудом, я не могу назвать это. Всем известно, что светлейший князь Потемкин непреклонен в своем гневе и никогда не отменяет своих приказаний...

Видно было, что итальянец говорит искренне и искренне верит в сверхъестественное могущество графа Феникса.

– Значит, вы теперь довольны? – проговорил тот.

– О, теперь я доволен более, чем когда-нибудь, – подхватил Тубини, – и более, чем когда-нибудь, верю в ваше, граф, покровительство. Приказывайте! Я сделаю все, что нужно.

– Князь Потемкин знает, что вы пошли ко мне?

– Да, я доложил ему, что вы меня лечите от недуга, и он велел напомнить вам, что ждет вас, как обыкновенно, сегодня после завтрака...

– Хорошо, ступайте к князю и доложите,

что я буду.

Тубини, низко поклонившись, удалился. Отпустив итальянца, Феникс вернулся к стоявшему у картины Лубе и спросил его:

– Теперь вы больше не сомневаетесь?

– Нет. Просимый кредит будет вам ассигнован беспрепятственно.

– Тогда пойдемте завтракать, – пригласил Феникс. – Надеюсь, что вы похвалите мой стол так же, как и обстановку, – и он повел гостя в столовую.

А в это самое время в большом кабинете Потемкина, в кресле у огромного, дубового дерева, бюро сидела Надя. Кабинет был обширный, с расписным потолком во вкусе Ватто. На дверях были изображены охотничьи сцены, стены были покрыты коврами, на которых висели турецкие сабли, ятаганы, старинное и новое оружие. Круглый письменный стол, украшенный бронзовыми фигурами, стоял посередине. Два шкафика – настоящий Буль – помещались в простенках. Огромный резной книжный шкаф с сатирами и нимфами, вроде средневекового собора на площади, громоздкий, но величественный, занимал

угол комнаты. Но самое дорогое и интересное из мебели было все-таки дубовое бюро, у которого сидела Надя.

– Что ты так рассматриваешь его? – спросил Потемкин, полулежавший на софе, обложенной шитыми подушками.

– Я смотрю, – ответила Надя, – и удивляюсь: должно быть, это бюро дорого стоит.

– Оно тебе нравится?

– Чудесная работа! Сколько тут разных ящичков и отделений! Наверное, есть и секретные.

– А ты откуда знаешь?

– Я предполагаю. Не может быть, чтобы в таком бюро и не было секретного отделения. Иначе это было бы неинтересно.

Потемкин привстал и, внимательно поглядев на девушку, спросил:

– А разве тебя интересует секретное отделение?

– Ну конечно! Я никогда не видела, как они устраиваются. Вероятно, с пружинками и особыми ключиками. Очень забавно...

Потемкин встал с софы и подошел к бюро.

– Так тебе очень хочется видеть?

– Очень.

«Неужели она это неспроста? – удивленно подумал Потемкин. – Не может быть... Впрочем, посмотрим!»

– В этом бюро действительно есть секретный ящик, – проговорил он. – Показать тебе его?

– Показать, показать! – повторила Надя и захлопала в ладоши.

Сделала она это с выражением невольной радости, несколько большей, чем та, какую, казалось, можно ей высказать, если бы было удовлетворено лишь простое ее любопытство. Она не подозревала, что Потемкин следит за нею.

– Ну, вот видишь? – стал объяснять он. – Вынь этот ящик, он отпирается простым ключом, самым обыкновенным.

Надя выдвинула и вынула ящик, на который показали ей. Ящик был не глубокий.

– Теперь смотри. Вот тут резьба, – показал светлейший на правый бок бюро, – нужно надавить эту розетку...

Он приложил к розетке палец, и в ту же минуту в пространстве, откуда был выдвинут

ящик, отскочила задняя стенка и открыла другой ящик со складной скобкой и маленьким замком.

– От этого замка я ношу ключ всегда с собой, – продолжал Потемкин, доставая ключ, – попробуй отпереть им...

Надя взяла ключ, но, как ни вертела им, как ни дергала за скобку, ящик не поддавался.

– А дело очень просто. Нужно вот так вложить ключ, повернуть его лишь на половину оборота – и смотри! – сказал светлейший, и ящик выдвинулся.

– Удивительно! – проговорила Надя, всматриваясь в ящик, который был полон бумагами.

Потемкин медлил закрывать, ожидая, не спросит ли она, что это за бумаги. Но она не спросила. Зато, когда секретное отделение было снова заперто и доска, закрывавшая его, захлопнута, она любопытствовала:

– А можно мне проделать все это самой?

– Прodelай, если хочешь...

Она быстро отыскала розетку, надавила ее, вставила ключ и снова открыла ящик...

– Теперь я знаю! – как бы вырвалось у нее.

«Нет, не может быть! – вновь усомнился Потемкин. – Воспитанная при тех условиях, как она у Елагина, не может она пойти против меня сообща с каким-то Фениксом».

– Надя, – сказал он, отходя к софе и располагаясь опять на ней, – неужели ты забыла Елагина?

– Елагина, Елагина? – повторила она. – Нет, я фамилию его помню.

– Только фамилию?

– Да.

– Да ведь ты же жила в его доме, виделась с ним каждый день?

– Не помню. Я после этого пожара ничего не помню... Вот тоже ко мне ломился какой-то князь Бессменный...

– Куда ломился?

– Через частокол, когда я была в саду. Он звал меня и кричал, что он – князь Бессменный, и так же вот удивлялся, что я не узнаю его, а я его вовсе не помню...

– Это было уже после пожара?

– Да.

«Откуда этот еще Бессменный? – подумал

Потемкин. – Надо будет спросить про него у Елагина».

– И что же, он испугал тебя?

– Нет, частокол высокий и крепкий... И потом, я не боюсь ничего.

– А что тебе граф Феникс, нравится?

– Да, он, кажется, очень добрый. Он всегда так хорошо разговаривает со мной.

– Ну, а его ты помнишь? Помнишь, что знала его до пожара?

– Нет, все, что было до пожара, я забыла.

В это время в кабинет вошел дежурный. Потемкин обернулся к нему.

– Граф Феникс, – доложил дежурный.

– Проведи сюда! – сказал Потемкин. – Он явился как раз вовремя...

Граф Феникс вошел, потирая руки, как человек до некоторой степени свой и уверенный, что его появление будет приятно и что встретят его очень радушно.

Потемкин действительно встретил его улыбкой, которая могла быть принята за выражение радушия.

– Садитесь, граф, мне хотелось поговорить с вами сегодня.

– К вашим услугам, ваша светлость, – поспешил ответить Феникс, отвесив в сторону Нади учтивый поклон. – В чем дело?

– Дело в том, что ее здоровье, – показал Потемкин на Надю, – нисколько не улучшается.

– Но здоровье, как ваша светлость сами видите, ничуть не плохо, только память...

– Ну да, память! Пора бы ей прийти в себя.

– Я делаю, что могу, – скромно произнес граф.

– В том-то и вопрос, что я не вижу пользы.

– До сих пор я еще не начинал лечения, но лишь подготовлял нашу пациентку к лечению, которое единственно может помочь ей, и сегодня думал именно приступить к нему. По моим расчетам, время уже наступило...

– Тогда приступайте.

– Если угодно, хоть сию минуту. Мы при вашей светлости сделаем первый опыт. Подите сюда, барышня, – позвал граф Феникс Надю, – не бойтесь, кроме пользы, мы ничего вам не сделаем; подите сюда, сядьте...

Он поставил стул посреди комнаты и усадил на него Надю. Она, улыбаясь и не выразив ни малейшего колебания, исполняла все,

что от нее требовали.

Граф Феникс зашел сзади нее, протянул к ней руки и, отставив большие пальцы, стал водить ими по воздуху, пристально смотря Наде в затылок. Мало-помалу ее головка стала запрокидываться назад, руки опустились, веки закрылись, и она сделалась неподвижной.

– Она заснула? – спросил Потемкин.

– Да, заснула, – подтвердил граф Феникс, – и этот сон доказывает мое влияние на нее... Теперь она нас не услышит, и я могу сказать вашей светлости, в чем собственно состоит мое лечение...

– В чем же?

– Во внушении. Единственно, что может вернуть ей память – внушение вспомнить все, что было.

– И она поддастся ему?

– Не сразу. Конечно, надо сначала приучить ее к повиновению опытами, менее сложными. Посмотрим сейчас, насколько она впечатлительна. Попробуем, чтобы она встала...

Феникс протянул к ней руку – Надя встала.

Он опустил руку – она сейчас же снова села на стул.

– Хорошо, – сказал Феникс. – Можешь ли ты говорить и отвечать мне?

– Могу, – не без труда произнесла Надя.

– О чем вы хотите, чтобы я спросил ее? – обратился граф к светлейшему. – Надо задать такой вопрос, ответ на который ей неизвестен. Конечно, на первый раз не надо затруднять слишком...

– Пусть она ответит, что за бумаги лежат у меня в бюро, в секретном отделении.

– Что лежит в секретном отделении бюро? – спросил Феникс, нагибаясь к Наде.

По ее лицу пробежала заметная дрожь, губы зашевелились, но без звука.

– Отвечай! – приказал Феникс.

– Бумаги.

– Какие? – спросил Феникс и протянул к ней обе руки. – Говори!

– Планы... распоряжения... новой... турецкой... кампании, – ответила Надя.

Феникс поглядел на Потемкина, как бы спрашивая, так ли это? Тот сидел, прищурился глазами, и глядел на Феникса, как бы соображая

что-то.

– Скажите, граф, – проговорил он наконец, – значит, вы можете внушить ей все, что угодно?

– Пока еще не все, но со временем, после нескольких повторных сеансов – безусловно все, что угодно... Оттого я и рассчитываю, что память вернется к ней.

– То есть, когда придет время, вы ей внушите, чтобы она вспомнила, и она подчинится?

– Должна.

– Ну, а кроме этого, вы можете внушить ей все, что хотите?

– Что хочу, ваша светлость.

– Чтобы она сделала что-нибудь, например, и она сделает?

– Конечно.

– Так! – протянул Потемкин. – В таком случае я попрошу вас, граф, ограничиться сегодняшним сеансом и более не повторять их.

– Но тогда я не ручаюсь за лечение.

– И не надо... разбудите ее, и чтобы это кончилось сегодня и больше не повторялось...

Феникс дунул в лицо Наде, она вздрогнула,

проснулась и, оглянувшись кругом, промолвила:

– Ах, как я хорошо себя чувствую!

– Ступай к себе, – приказал ей Потемкин, – и займись чем-нибудь!

Голос его вдруг сделался строг, и брови нахмурились. Надя поспешила повиноваться.

Граф Феникс не мог не заметить внезапной перемены, происшедшей со светлейшим. Он поглядел на него. Тот сидел насупившись.

– Если вашей светлости не угодно, я больше и не подумаю о новых опытах, они, по-видимому, неприятны вам, – постарался успокоить его Феникс. – Поверьте, я не желал приступить к лечению без вашего согласия, а потому и сделал при вас первое усыпление; но я умываю руки и оставлю больную.

– Вы и не увидите ее больше, – подумав, сказал Потемкин и встал со своего места.

«Устраивай свои дела, как знаешь, но ее не смей трогать!»

Феникс низко поклонился, выразив этим готовность повинования. Потемкин принял этот поклон за прощание и проводил графа до двери.

В приемной Феникса ожидал Тубини. На ходу они обменялись несколькими словами по-итальянски.

– Вы передали ей письмо? – спросил граф.

– Передал. Она поручила мне сейчас, выйдя из кабинета, отдать вам восковой слепок с секретного замка. Она успела сегодня сделать его, чтобы вы заказали ключ.

– Хорошо! Вы, со своей стороны, сделаете, что она хочет...

Получив слепок, граф Феникс самодовольно улыбнулся и подумал:

«Я не ошибся в ней!»

Союзники

Письмо, переданное Тубини, было уже по счету вторым, которое написал Кулугин. На первое он получил благоприятный ответ и теперь писал, что просит позволения увидеться и что в этом отношении его богиня, его царица и повелительница его мыслей может положиться на итальянца Тубини, который имеет доступ к ней. Стоит ей сказать этому Тубини слово – и ее верный раб будет у ног ее.

Так было Кулугину обещано графом Фениксом, что если он получит согласие на свидание, то Тубини устроит это.

Кулугин нынче чуть ли не с утра забрался в Таврический дворец с заднего хода в комнату к итальянцу и сидел у него, слушая высокопарные речи поэта-музыканта, который, получив двойное месячное жалованье, был особенно выпренно настроен и поэтому говорил, что счастлив устроить радость двух молодых сердец.

Итальянец уже передал письмо и пришел сказать Кулугину, что свидание принято и что он проведет его, как только будет можно,

потому что теперь «богиня его грез» прошла в кабинет светлейшего и идти к ней преждевременно.

Кулугин сидел, время тянулось без конца. Кулугин давно признал в Тубини то «прекрасное лицо», как он его назвал тогда, которое скрывалось на маскараде под покровом оранжевого домино.

– Да не мучьте меня, скажите, скоро ли? – приставал он к итальянцу, поглядывая на часы.

– Вы торопитесь и хотите, чтобы время шло скорее! – философствовал нараспев Тубини. – Вот что значит молодость! А мы, старики, мечтаем о том, чтобы каждая минута нашей жизни, наоборот, продлилась возможно дольше, чтобы пользоваться ею. Сколько бы я дал, чтобы быть снова молодым, чтобы сидеть так же вот с бьющимся сердцем, как вы!.. А вы знаете, граф Феникс обещал мне дать эликсир жизни... Он знает рецепт его.

– Неужели знает?

– О, он все знает! – подымая палец, произнес итальянец, и в выражении его чувствовался суеверный страх, который питал он к

графу.

– Вы бы пошли узнали, может быть, пора! – стал снова настаивать Кулугин.

– Хорошо, я пойду, – согласился Тубини и ушел.

Время снова потянулось. Наконец итальянец вернулся.

– Пойдемте! – таинственно пригласил он, и они оба вышли в коридор.

– А если мы кого-нибудь встретим? – спросил Кулугин шепотом.

– Ну так что ж такого? Разве вы не можете прийти ко мне в гости? – тоже тихо ответил ему Тубини. – Я провожаю вас до двери, вот и все... И потом, едва ли кто попадется – теперь все обедают...

Но, точно назло его словам, одна из выходящих в коридор дверей отворилась, и на пороге ее показался Цветинский.

«О нем-то я забыл совсем», – подумал итальянец, вдруг робея и сгибаясь.

– А, Кулугин! – громко заговорил Цветинский. – Здравствуйте! Вы что тут делаете?

Но Кулугин был не так робок, как старик итальянец. Он поклонился вежливо и совер-

шенно спокойно и непринужденно сказал:

– Я думаю, то же, что и вы. Почему вас удивляет, что вы встретили меня здесь, когда я, встретив вас, ничуть не удивляюсь?

Он умел владеть собой, когда нужно. Его ответ ободрил Тубини, и он выпрямился.

– Да, но, видите ли, я здесь живу, – пояснил Цветинский.

– Вы живете здесь, в Таврическом дворце? – переспросил Кулугин, словно хотел сказать: «И бывает же людям счастье!»

– Да, если вас интересует, живу...

– И давно?

– Со вчерашнего дня только...

– Господин офицер со вчерашнего дня вступил в штат светлейшего, – пояснил итальянец, хотя никто не спрашивал у него этого пояснения.

– Я не так счастлив, как вы, – возразил Кулугин Цветинскому, – жить не живу здесь, но это не мешает мне навещать знакомых.

– Господина Тубини?

– Его именно. Он хороший музыкант, а я люблю музыку, – не смущаясь заявил Кулугин и поклонился, – до приятного свидания!..

– До приятного! – поклонился в свою очередь Цветинский, и они разошлись в разные стороны.

Но Тубини остался на месте и, только когда Цветинский достиг конца коридора и вышел, повел Кулугина дальше.

Они спустились по витой внутренней лестнице и остановились перед маленькой дверкой.

Сердце Кулугина забилося еще сильнее. Один шаг – и он очутится с Надей наедине. Он уже чувствовал, что она тут, за этой дверкой.

– Если бы не ваша находчивость при встрече с этим офицером... – начал было Тубини, но Кулугин не мог дольше выдержать.

– Отворяйте, отворяйте скорее, – мог только проговорить он.

– Вы бы не увидели ее, но теперь вы увидите, – все-таки dokonчил неумолимый поэт-итальянец и добавил скороговоркой, отворяя дверку: – Я останусь здесь, чтобы сторожить; в случае чего – я вам дам знать.

Та, которую жаждал увидеть Кулугин, сидела на софе, склонив свою пудренную головку, словно прислушиваясь.

Кулугин вошел и увидел ее. Он увидел ее всю, сразу такой, как была она, и все заметил: и мушку на правой щеке, и вытянутые на коленях руки, и ножку, обутую в атласную розовую туфельку, и выражение ее лица, не испуганное, не смущенное, но скорее задорное и улыбающееся.

– Вы позволили мне видеть вас! – заговорил он, приближаясь. – Это служит залогом моего счастья... Благодарю вас!..

– А вам очень хотелось меня видеть? – спросила она.

– И вы еще спрашиваете! Кто увидел вас, тот вечно желал бы любоваться вами...

Кулугин говорил, в сущности, тем языком, которым объяснялись тысячи молодых людей его времени, но ему казалось, что он придумывает нечто новое и говорит совсем особенное.

– Любоваться вами, – повторил он, – и кто увидел вас хоть однажды, никогда не забудет...

– Даже если с ним случится то же, что и со мной?

– Что именно?

– Такая же потеря памяти. Вот я все забыла, что было прежде со мной.

– Я слышал об этом. Так вы, правда, ничего не помните из прежнего?

– Ничего, ничего не помню...

«Тем лучше, тем лучше, – думал Кулугин, – в этом мое счастье и заключается, сама судьба явилась моей союзницей против Бессменного!..»

– Так и не нужно помнить, – подхватил он вслух. – Зачем вам вспоминать прошлое, когда в ваши годы можно думать еще о будущем? А это будущее явится для вас прекрасным и чудным!

– Кто знает!..

– Иначе быть не может, потому что вы сами прекрасны...

Она улыбнулась.

– Вы так же хорошо умеете говорить, как...

– Как что? – переспросил он.

– Как... носить костюм капуцина...

– Я благословляю этот день и эту встречу, – сказал Кулугин. – В этот день и в этом костюме я встретил вас.

– А я – вас, – ответила она.

– И вы меня заметили, запомнили?

– Как видите. Ведь это случилось после пожара, когда я помню уже все, что случилось.

– Надежда Александровна! Не говорите так! Вы меня с ума сводите...

– Сходите, если вам нравится; или, впрочем, нет, я боюсь сумасшедших.

– А вы бы не хотели бояться меня?

– Нет. Да вы, хотя и сильный, но не страшный. Впрочем, я и сумасшедшим не боюсь вас...

– Разве, по-вашему, я уже сошел с ума?

– Конечно. Разве не признак безумия то, что вы делаете? Вы рискуете, например, приходить сюда, зная, что ждет вас, если вас здесь заметят.

– Что бы меня ни ждало, я на все готов, меня ничто не испугает. Но если вы считаете безумием, что я пришел сюда, то вы, которая приняла меня...

– То я, которая приняла вас, тоже рискую? Вы это хотите сказать?

– Нет! Господь хранит вас! Я хочу сказать, что если я безумец, то вы одна можете излечить меня.

– Ну, для этого лучше обратитесь к графу Фениксу; это по его части излечение недугов.

– Граф Феникс поможет нам. Я пользуюсь его расположением, и благодаря ему, как вам известно, я здесь перед вами сегодня.

– А вы верите во всемогущество графа так же, как этот старый итальянец Тубини?

– Вы хотите, чтобы я говорил откровенно? Да? Тогда я скажу вам: не знаю, могу ли верить ему, но убежден, что он ловкий человек, иметь которого своим покровителем вовсе не худо.

– Что он ловкий, в этом я не сомневаюсь, но меня удивляет в вас одно, что, если вы поняли графа Феникса, то, значит, у вас удивительная способность распознавать людей.

– Значит, тем лучше и справедливее мои похвалы вам. Если я умею распознавать людей, то не ошибаюсь, говоря вам, что вы прекрасны.

– А может быть, именно тут-то вы и ошибаетесь. Может быть, я вам кажусь вовсе не тем, что я есть, и вы думаете...

– Я ничего не думаю, я вижу! Достаточно взглянуть на вас, чтобы сказать, что лучше

вас нет.

– Правда ли это? Поглядите хорошенько, повнимательнее.

– Я и так не спускаю с вас глаз.

– И не разочарованы?

– Напротив, если это только возможно, очаровываюсь все сильнее и сильнее. Вы не только хороши, как ангел, но и умны, и наблюдательны...

– Вы начинаете говорить тоном графа Феникса, когда он пророчествует, – засмеялась она вдруг. – Мне так и кажется, что вы сейчас станете предвещать будущее.

– Отчего же мне и не предвещать его? – улыбнулся Кулугин в свою очередь. – Граф Феникс не имеет, кажется, исключительной привилегии на предсказания. Может быть, и я смогу что-нибудь предречь.

– Попробуйте!

– Я гадаю по руке, – сказал, продолжая улыбаться, Кулугин, – позвольте мне вашу.

Она протянула ему руку. Он стал разглядывать.

– Так сказать, что ждет эту ручку в будущем? По крайней, мере, в очень близком...

– Говорите!

– Да только то, что ее поцелуют! – вдруг проговорил Кулугин и припал губами к маленькой розовой ладони.

Она не отдернула.

Он поднял голову медленно, тихо и, посмотрев ей в глаза, сказал, чувствуя, как вся кровь кинулась ему в голову:

– Вот видите, мое предсказание сбылось.

Она ответила ему не словами, а вспыхнувшим, блестящим взглядом и сейчас потупилась. В дверку послышался легкий стук.

– Стучат! – проговорила она. – Итальянец дает знать, что пора...

– Неужели уже пора? Когда же снова можно увидеть вас? Например завтра. Завтра я опять дежурным здесь, и, согласитесь, было бы жестоко с вашей стороны, если я, находясь под одною с вами кровлей, не увижу вас.

– Ну, тогда завтра, я не хочу быть жестокой!

– Опять итальянец проводит меня?..

Стук в дверь повторился.

– Да, итальянец проводит вас, а теперь идите, он, кажется, теряет терпение.

Кулугин остановился с протянутой рукой.

– Другую, на прощанье, левую!.. – проговорил он с мольбой в голосе.

– Вы иначе никогда не уйдете! – словно сердясь, сказала она и протянула ему другую, левую руку.

Он поцеловал руку и выбежал из комнаты.

Похищение

На другой день вечером, около одиннадцати часов, когда совсем стемнело и короткая летняя петербургская ночь вступила в свои права, Цветинский стоял в кабинете светлейшего и разговаривал с ним.

– Почему ты думаешь, что именно сегодня? – спросил Потемкин, собрав со стола бумаги и запирая их в ящик.

– Потому что сегодня дежурным во дворце Кулугин, ваша светлость.

– Кулугин? Ага! Знаю!.. Разве он с ними заодно?

– Он в близких отношениях с графом Фениксом. И потом, я вчера встретил его здесь, во дворце. Он был у Тубини и выходил вместе с ним.

– Не нравится мне все это, очень не нравится! – проговорил Потемкин. – Ну что же, если думаешь, что сегодня, тогда садись в свою обсерваторию!

– Приходится, ваша светлость!..

Они подошли к массивному книжному шкафу. Цветинский отпер его. Шкаф был

пуст – книги и полки были сняты и убраны. Цветинский, придерживав рукой шпагу, шагнул и влез в шкаф.

– Ты не задохнешься здесь? – спросил Потемкин.

– Ничего, затворяйте, ваша светлость!

Дверца затворилась.

– Тебе видна комната и слышно? – нарочно негромко проговорил Потемкин.

– И слышно, и видно, – ответил глухой голос Цветинского из шкафа. – Я нарочно проделал на высоте глаза отверстие заранее.

– Ну хорошо!..

Потемкин подошел к столу и позвонил.

Немедленно явился дежурный Кулугин.

Светлейший, словно припоминая, какое дать ему приказание, остановил на нем долгий, пристальный взгляд.

Кулугин не моргнув выдержал этот взгляд, а потом почтительно наклонил голову.

– Вели тушить огни везде во дворце, – приказал Потемкин, – а в кабинете сам присмотри за этим. Да скажи, чтобы все тихо было. Я спать иду, – и, взяв подсвечник с зажженной

восковой свечой, он направился к своей спальне через внутреннюю дверь кабинета.

Через четверть часа весь кабинет погрузился во мрак, воцарилась мертвая, ничем не нарушаемая тишина; только в дежурной комнате осталась гореть единственная лампа, да большой маятник висевших здесь часов равномерно отбивал каждый размах свой.

Пробило половина двенадцатого.

Две фигуры – одна женская, другая мужская – пробирались в этой темноте и тишине. У дверей кабинета светлейшего они остановились.

– Я боюсь, – сказала женщина, – боюсь дежурного.

– Дежурным сегодня Кулугин; в крайнем случае, если он заметит нас, мы откроемся. Вас он не выдаст.

– Я предпочла бы, чтобы был кто угодно, лишь бы не Кулугин.

– Теперь поздно рассуждать. Идемте!

– Идите вы один. Я останусь сторожить у двери.

– Но я один ничего не сделаю. Я не знаю секрета ящика. Вы должны идти со мной.

– О, господи! – вздохнула женщина и вошла в кабинет.

У ее провожатого был потайной фонарь в руках.

Он отворил его в кабинете. Тотчас же при слабом мерцании этого фонаря они кинулись к бюро. Женщина на ощупь отыскала розетку, надавила ее, отперла ящик, ее спутник выхватил все, что было в нем, и большими, широкими шагами направились они к двери назад.

Вдруг женщина остановилась и схватила за руку провожатого.

– Слышите? Я различаю какой-то шум...

– Это вам кажется, ничего нет!..

– Как будто сюда, к нам, идет кто-то...

– Просто мышь пробежала...

Они вышли уже из кабинета в приемную.

Фонарь был вновь затворен, и здесь, в темной приемной, они ощутили чувство, какое вдруг испытывает человек, инстинктом открывший, что в той же комнате с ним есть еще кто-то посторонний и страшный.

Вот оно! Ожидаемое случилось, и страх оправдался и не прошел даром.

– Кто тут? – окликнул голос Кулугина.

Они притаились, замерев на месте.

Но Кулугин искал их в темной комнате и приближался на ощупь.

Вот он все ближе и ближе подходит к находящимся в комнате. Он почувствовал, что нашел, и схватил руку, державшую фонарь.

Немедленно началась тихая, беззвучная, но упорная борьба.

– Кулугин, вы? Это – я, я, Надя, с итальянцем Тубини, – проговорила женщина. – Тише, не поднимайте шума!..

– Что вы здесь делаете? – строго спросил Кулугин.

– Сейчас я объясню вам, проведите меня в вашу дежурную. Там вы один, никто не может увидеть нас?

– Никто. Комната совсем пуста.

– Тогда ведите...

Сегодня утром у них было второе свидание.

Кулугин с дежурства, рискуя ответить за это, был проведен итальянцем в кабинет к Наде. Опять они говорили очень мило, опять он целовал у нее руки, и Кулугин ушел еще

более влюбленный, чем прежде.

Теперь, когда он ввел ее в дежурную, она быстро обернулась к нему и проговорила:

– Неужели вы не понимаете, зачем я здесь?

Кулугин молчал, испытующе глядя на нее.

– Да чтобы увидеть вас! Я из-за вас пришла сюда! – пояснила она. – Вы не рады? Тогда мы назад уйдем...

– Вы пришли сюда из-за меня? – переспросил Кулугин.

– Ну да, конечно, а вы чуть не подняли сами же тревоги из-за этого и напугали моего бедного итальянца. Посмотрите, на что он похож...

Тубини стоял бледный на пороге комнаты с фонарем в руках. Лица на нем не было. Однако бумаги он успел спрятать за пазуху и стоял испуганный, дрожащий, но, видимо, уже догадавшийся, какой оборот хотела придать делу Надя, и потому несколько успокоенный.

– Я насилу уговорила его проводить меня сюда, – продолжала она. – Правда, я не ожидала такой встречи!

– Но и я не ждал вас, – возразил Кулугин. –

Простите!..

– Хорошо, я прощаю. Идите же к себе, – обратилась она к итальянцу, – и оставьте мне фонарь на всякий случай... Я вернусь одна.

– Вы хотите вернуться одна? – проговорил Тубини. – Лучше я останусь за дверями и подожду.

– Но в таком случае вам долго придется ждать, – сказал Кулугин, – потому что скоро я не выпущу отсюда Надежды Александровны.

– Как не выпустите?

– Нам нужно поговорить, и очень серьезно.

Такого тона она, видимо, никак не ожидала от Кулугина, и это сразу смутило ее.

– Идите! – умоляюще сказала она итальянцу. – Я найду дорогу одна... Да идите же! – повторила она, видя, что Тубини не двигается с места.

Итальянец, как бы вдруг решившись и махнув на все рукой, повернулся и пошел.

Надя осталась одна с Кулугиным. Тот выждал, чтобы дать время уйти итальянцу, и, когда, по его расчету, Тубини был уже далеко, подошел к Наде.

– Так вы пришли сюда исключительно ра-

ди меня? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Я не ожидала такой встречи с вашей стороны, – ответила она, готовая заплакать. – Конечно, вам странно, что девушка решилась на такой шаг, чтобы идти ночью на свидание, но положение мое исключительное, меня держат взаперти, я знала, что вы один здесь в дежурной, и думала воспользоваться этим.

– Воспользоваться этим, чтобы что сделать?

– Прийти сюда...

– Но разве дорога в дежурную через кабинет светлейшего?

– А почему же нет? Если я пришла сюда через кабинет, значит, эта дорога сюда ведет. Не все ли вам равно, как я пришла сюда?

– А зачем итальянец захватил фонарь с собой?

– Вы меня допрашиваете, вместо того чтобы радоваться моему приходу? – вспыхнула она вдруг. – Я уйду тогда...

– Вы не уйдете так скоро! – остановил ее Кулугин. – Я вам сказал, что нам нужно переговорить.

– Но послушайте, я думала, что имею дело

с порядочным человеком, который не пожелает воспользоваться так грубо моим легкомыслием. Теперь я вижу, что поступила не только легкомысленно, но и неосторожно. Я никак не ожидала, что мне придется раскаиваться!..

– Вероятно, вам и не придется делать это...

– Я в вашей власти теперь...

– Да, вы в моей власти, и потому я прошу вас рассказать мне все откровенно. Скажите, зачем был фонарь у итальянца, зачем этот фонарь отворяли вы в кабинете и что делали у бюро?

– Вы подсмотрели, вы видели это? – вырвалось у Нади, и полная беспомощность охватила ее.

– Да, я видел это и никак не могу понять, зачем вы останавливались у бюро, если шли сюда, ко мне.

Надя молчала. Грудь ее тяжело поднималась, щеки вспыхнули, губы приоткрылись, и глаза расширились и горели.

Кулугин смотрел на нее и должен был сознаться, что она удивительно хороша и что никогда он не видел другой девушки, которая

могла бы сравниться с нею в эту минуту. Он залюбовался ею, и его взгляд невольно выразил нежность и восхищение ее исключительной прелестью.

Надя почувствовала этот его взгляд и поняла его выражение. И вдруг слезы, давно уже собиравшиеся, подступили к ее горлу. Она прижала платок к лицу и заговорила сквозь него, всхлипывая:

– Ну да, браните меня, я дурная, нехорошая, я вам говорила, что я вовсе не то, чем кажусь вам, я предупреждала вас! Вы сами не верили... теперь видите...

– Я ничего еще не вижу, – заговорил Кулугин мягким, вкрадчивым голосом, – я ничего не вижу, разве только то, что вы боитесь быть откровенной со мною. Расскажите мне все, все без утайки! – Он подсел к ней близко, но почтительно, сложил руки и заглянул ей в лицо влюбленными глазами. – Надя, неужели я не заслуживаю вашего доверия?

– Но, если я вам расскажу все, вы перестанете думать обо мне хорошо.

– Какая вы смешная! Говоря так, вы заставляете меня делать предположения непременно

но худшие, чем они должны быть на самом деле. Для меня вы и дурное не могут быть связаны вместе. Наверное, вы преувеличиваете. В чем вы можете быть виноваты? Вы действовали не по собственному почину, вас заставили.

– Да, меня заставили, – проговорила Надя.

– Кто?

– Граф Феникс.

– Я так и думал, что тут не обошлось без него. Что же заставил он вас сделать?..

– Он держит меня в своем подчинении, и я не могу отделаться от его власти...

– Ну да, я верю! Что же он заставил вас сделать?

– Помочь Тубини достать документы и планы из секретного бюро в кабинете светлейшего.

– А! Это, должно быть, очень важные документы?

– Они касаются всех распоряжений будущей турецкой кампании.

– Вот оно что! Как же вы взялись за дело?

– Светлейший показал мне, как отворяется секретное отделение бюро. Я успела сделать

восковой слепок с ключа, вчера отдала его через Тубини Фениксу, а сегодня ключ был уже готов.

– И вы достали документы в кабинете?

– Вы видели это, к несчастью...

– Где же теперь документы?

– У Тубини. Он спрятал их, когда вы привели сюда нас; теперь он, вероятно, у себя в комнате и снимает копии...

– Зачем?

– Чтобы положить документы до сегодняшнего утра обратно на место, как будто их никто не трогал.

– Понимаю! Иначе станет известна их пропаша, и тогда все планы изменят, а эти куда не будут годны. Значит, Тубини должен еще вернуться в кабинет?

– Да.

– Но вы не пойдете больше.

– Хотя должна была. Поэтому он и не хотел оставить меня здесь.

– Ну, вот видите, вы мне все рассказали откровенно и посмотрите на меня! – и Кулугин глядел на нее, раскинув руки, сияющий и торжествующий.

– И вы не разлюбили меня? – спросила она.

– Нет, моя радость, нет, моя прелесть! Разве я могу разлюбить?

Его руки ждали объятия, она видела это и, словно усталая после всего происшедшего, измученная своим волнением, опустилась к нему на плечо.

Куда девались копии документов

Едва вошло солнце над спавшим еще Петербургом, а Тубини уже явился к графу Фениксу. Тот, видимо, ждал его и принял немедленно.

– Принесли документы?

– Непостижимый случай! – воскликнул итальянец и развел руками.

– Явилось какое-нибудь препятствие и вы не могли проникнуть в кабинет?

– Мы проникли туда беспрепятственно.

– Не сумели отворить бюро?

– Бюро было открыто.

– Не нашли в нем документов?

– Документы лежали на месте, и мы их взяли.

– Не успели снять копий?

– Копии были сняты, но... их нет, – и итальянец снова развел руками.

– Куда же они делись? – спросил граф Феникс. – Расскажите все по порядку.

Тубини подробно и красноречиво расска-

зал, как он и Надя пробрались в кабинет, как были остановлены Кулугиным и как отделались от него благодаря удивительному присутствию духа девушки, сейчас же сочинившей, что она шла на свидание с офицером.

– Он, влюбленный, – разглагольствовал итальянец, – конечно, сейчас поверил всему, но одно только – не желал отпустить скоро от себя девушку. Впрочем, это весьма понятно, и я поступил бы на его месте совершенно так же. Но так как я не был на его месте, то и поспешил оставить их наедине, потому что он, вероятно, сделал бы то же, если бы был на моем месте. К тому же мне надо было торопиться, чтобы снять копии с документов, которые были спрятаны у меня и легли мне грудь, как огонь. Я удалился в свою комнату и сейчас же принялся за работу. Я торопился, но, как ни торопился, мог закончить копии лишь тогда, когда уже перламутровая заря нашего северного неба смотрелась в окна. Тогда, оставив копии у себя на столе и собрав документы, я предпринял – уже один на этот раз – снова путешествие в кабинет и, трепеща от страха, положил все на место, как было. Я не помню,

как вернулся в свою комнату, но когда вернулся, то совершенно обезумел от удивления: оставленных мною на столе копий не было, они исчезли. Напрасно искал я, напрасно изрыгал проклятия и стоны – копии исчезли...

– А дверь оставалась не заперта в вашей комнате, пока вы ходили в кабинет второй раз?

– Не заперта, но я так торопился...

– Какая неосторожность!..

В это время раздался слабый звонок где-то в углу, сдавленный и чуть слышный. Это Петручио давал знать из передней, что туда вошел кто-то и направляется по парадным комнатам.

Такой неожиданный ранний посетитель не мог не показаться странным.

– Погодите немного, – сказал Феникс итальянцу, – пройдите пока в столовую, там вы найдете чем подкрепить себя после бессонной ночи, а я вас позову потом...

Выпроводив итальянца в столовую, граф направился в парадные комнаты навстречу явившемуся гостю.

Этот гость был не кто иной, как Кулугин.

– Добро пожаловать, – встретил его Феникс. – Я думал, что вы дежурный в Таврическом дворце!

– Только что сменился, граф, и явился к вам по важному делу.

– К вашим услугам.

– Но здесь разговаривать неудобно. Пройдемте к вам в кабинет.

– Пройдемте!

«Верно, будет денег просить», – решил Феникс, проводя Кулугина в кабинет, и тотчас же спросил его:

– Вероятно, вам нужны деньги? В любви вы достигли желанной цели, счастье в шалаше существует лишь в сказках. По нынешним временам счастливый влюбленный нуждается в деньгах более, нежели кто-нибудь...

– Да, граф, вы угадали, мне нужны деньги.

– Чем же я могу вам служить?

– Дать мне их... Я думаю, вы не откажете.

– Я никогда не отказываюсь быть полезным моим приятелям.

– Благодарю вас за лестную честь... тем лучше...

– Тем более что нужная вам сумма, вероят-

но, невелика...

– Однако, граф...

– Невелика для меня... Несколько десятков рублей, даже сотня не разорит меня.

– Нет, граф, тут дело идет не об одной сотне, а о нескольких тысячах. Я прошу у вас, по крайней мере, тысяч двадцать пять, если не тридцать...

– Двадцать пять тысяч рублей? На каких же это основаниях?

– Очень солидных, граф. Если у вас нет теперь этих денег...

– Нет, я не про себя говорю, есть ли у меня такие деньги или нет; я хочу спросить, на каких основаниях вы решаетесь делать такой долг?

– Я и не думаю просить эти деньги у вас в долг.

– А как же тогда?

– Как плату за то, что вы не доверяете вашим друзьям, к числу которых вы изволили только что причислить меня.

– Дорогая плата.

– «Дорогой друг», хотите вы сказать. Согласен с вами. Но вот, видите ли, раз вы почтили

меня своим доверием, то как же вам было устранять меня от важного дела?

– Мало ли дел у меня.

– Таких, вероятно, мало. Я говорю о деле по поводу документов светлейшего князя Потемкина.

– А, вот о чем! Вы уже знаете об этом деле? Ваша возлюбленная не утерпела и рассказала вам.

– Она должна была рассказать, потому что я поймал их с поличным.

– Знаю.

– Тубини, конечно, предупредил мой визит и успел рассказать вам все. Ну так; вот, граф, вы хотели обойтись без меня в этом деле, а вышло, что я сам вошел в него.

– То есть не вошли, а так или иначе узнали и хотите, чтобы я купил ваше молчание двадцатью пятью тысячами рублей?

– О нет, граф, мое молчание не стоит этого. За эту цену я предоставляю вам товар наличный – копии с документов, снятые сегодня ночью итальянцем.

– Они у вас?

– У меня. Этот Тубини неосторожно оста-

вил их у себя в комнате, пока ходил в кабинет к светлейшему во второй раз. Будь я на его месте, я не сделал бы такого промаха.

– И вы воспользовались им?

– Весьма естественно. Узнав всю историю, я отправился к Тубини, чтобы переговорить с ним и не упускать из рук этого дела, но попал в его комнату как раз, когда его не было там, а снятые им копии лежали на столе.

– Но почему же теперь вы цените их так дорого? – улыбнулся Феникс.

– Я думаю, во всяком случае, дешевле, и гораздо дешевле, той суммы, которую получите вы за эти копии. Согласитесь, что мне не грех также попользоваться из вашего вознаграждения. Я и то, вероятно, оставляю вам львиную долю.

– А если я вам ничего не дам?

– Тогда не получите копии...

– Но, если их сняли для меня один раз, разве нельзя сделать этого вторично?

– Нельзя, граф, потому что светлейший будет уже предупрежден.

– Вами?

– Мною.

Подобный разговор, в котором Кулугин обнаруживал свою заносчивую дерзость, пришлось уже однажды вести с ним Фениксу. Граф помнил это. Но тогда преимущество было на его стороне, и он сумел воспользоваться им, а теперь он должен был сознаться, что вся выгода на стороне Кулугина, у которого в руках были копии. Они, конечно, стоили гораздо дороже двадцати пяти тысяч рублей.

– Копии с вами? – спросил Феникс.

– Со мною, граф.

– Делать нечего, приходится на этот раз согласиться с вашим красноречием. Судьба вам благоприятствует – я не пойду против судьбы. Каким образом желаете вы получить двадцать тысяч?

– Двадцать пять, граф! Если вы пожелаете сбавлять, я буду прибавлять со своей стороны; я ведь говорил и о тридцати...

– Ну хорошо, двадцать пять!

– Лучше всего было бы получить их наличными деньгами.

– Но согласитесь, что не держу же я такую сумму в своем кабинете. Я могу вам дать чек на банк.

– Сегодня воскресенье, – стал соображать Кулугин, – завтра праздник, банк будет открыт только послезавтра; значит, только во вторник я получу деньги...

– До вторника недалеко, всего два дня.

– И то правда. Я согласен на чек.

Феникс достал чековую книжку, не дрогнув, с презрительным спокойствием написал чек и передал его Кулугину. Тот подал ему копии, на которых граф сейчас же узнал почерк Тубини.

После этого Кулугин сказал:

– До свидания, граф, надеюсь, мы останемся друзьями; мы, может быть, с вами не одно еще дело сделаем.

– Я надеюсь... До свидания!..

Кулугин откланялся.

Феникс поглядел ему вслед и проворчал себе под нос:

– Иди, радуйся, но в эти два дня не станет тебя в живых, я ручаюсь в этом!

Он вышел в столовую.

Тубини спал там на стуле перед пустой чашкой кофе.

– Вставайте! – разбудил его граф. – Идите к

себе домой спать и в другой раз запирайте на ключ дверь своей комнаты, когда это нужно. Вот копии. Успокойтесь относительно их.

При виде своих копий Тубини мог только всплеснуть руками и произнести:

– Великий человек, великий маг и волшебник!..

Уловка Феникса

В тот же день, около двенадцати часов, карета графа Феникса подъехала к дому, где жил Бессменный. Гайдук в белой ливрее отыскал денщика Петрушку и велел доложить князю, что его сиятельство граф Феникс просит князя принять их. Петрушка явился к Бессменному и вытянулся.

– Что тебе?

– Вас спрашивают.

– Кто?

– Веник-с...

– Кто?!

– Веник, так и велел белый евонный мужик доложить, что дескать Веник-с...

– Что ты врешь! – рассердился Бессменный и подошел к окну.

Взглянув в него, он сразу узнал карету графа Феникса, в которой тот довозил его с острова до города.

«С чего это он пожаловал?» – удивился князь и невольно оглядел свою скромную комнату, вовсе не так убранную, чтобы принимать таких гостей, как этот заморский

граф.

– Ты сказал, что я дома? – спросил Бессменный.

– Сказал.

– Ну, так поди скажи, что я сейчас уезжаю, выхожу из дома... Или нет, постой, ты перевернешь что-нибудь. Дай мне шляпу и плащ...

С тех пор как Бессменный узнал, в каких отношениях Надя состоит к Потемкину и почему светлейший взял вдруг к себе свою дочь и скрыл ее (на это были особые причины, о которых говорить нельзя), – он вполне успокоился, и его здоровье заметно поправлялось. Тяжелая рана зажила окончательно.

Он схватил плащ, перчатки и шляпу и совсем молодцом вышел на крыльцо.

– Вы застаете меня, граф, – заговорил он, с учтивым поклоном приближаясь к окну кареты Феникса, – на выходе из дома.

– Я рад, что вы поправились и что я вижу вас здоровым, – ответил граф. – Мне давно хотелось навестить вас, но я боялся, что мое посещение беспокоит вас во время болезни.

Бессменный приподнял шляпу.

– Благодарю вас, и еще раз простите, что не

возвращаюсь домой, чтобы воспользоваться вашей беседой, но дело в том, что мне предписана прогулка именно в это время, как самое теплое среди дня...

– Послушайте, князь, – ласково произнес Феникс, – я надеюсь, что у вас больше не таится никакой неприязни ко мне. Согласитесь, что причиной нанесенной мною вам раны был вовсе не я. Я не хотел этой дуэли и сделал все зависящее от меня, чтобы избежать ее. Вы сами пожелали и настаивали; я же, со своей стороны, не имел основания питать к вам вражду и, напротив, после нашего поединка питаю двойное уважение к вам...

– Я ни в чем не виню вас, граф, и ничего против вас не имею теперь, – искренне ответил Бессменный.

– Так докажите это на деле.

– У вас есть просьба ко мне?

– Да, и большая...

– В чем же дело?

– Садитесь в мою карету и поедemте вместе. Я уверен, что прогулка в экипаже будет для вас полезнее, чем ходьба пешком, потому что вы меньше утомитесь и дольше пробуде-

те на свежем воздухе.

– Но, право, я не знаю, граф...

– Вы мне докажете этим, что не сердитесь на меня, – и граф, велев гайдуку откинуть подножку, протянул руку Бессменному, приготовясь помочь ему войти в карету.

– А вы куда едете теперь? – спросил князь.

– Мне все равно, куда-нибудь за город прокатиться. Я модных и людных мест не люблю. Мы можем проехаться с вами за Таврический дворец... Прекрасная дорога, князь...

«Таврический дворец» имел, по-видимому, магическое влияние на Бессменного. Он поднялся в карету; подножка щелкнула, дверца захлопнулась.

Очувтившись снова с графом Фениксом в той же карете, в которой они ехали тогда, Бессменный живо припомнил весь тот день, обед у Елагина, потом разговор с графом, свой визит к нему и зеркало, в котором он видел Надю, протягивавшую к нему руки и говорившую: «Муж мой!».

– А что, зеркало еще существует у вас, граф? – спросил он, когда лошади тронулись и карета закачалась на своих рессорах.

– Существует! Что ему сделается?

– И предсказания его не ложны, вы продолжаете утверждать это?

– Продолжаю. Еще недавно мне пришлось проверить, и я получил несомненное подтверждение...

– Значит, и со мной случится то, что оно мне предсказало?

– Должно так быть.

– Тогда я буду счастлив.

– От всей души желаю вам этого.

Лошади бежали крупной рысью. Бессменный задумался, и воображение унесло его далеко, в то самое будущее, которое он видел в зеркале. Но как это случится, как это произойдет? И в голове его рождался один план за другим, и комбинации одна другой фантастичнее являлись как бы сами собой. То он видел себя достигшим высших почестей и являющимся к Потемкину просить руки Нади, то, наоборот, он жил с нею в бедной хижине, причем, конечно, хижина была похожа на крошечный киоск, какие ставят в парках.

Бессменный был успокоен, и радостное настроение и вера в будущее снова вернулись к

нему. Он знал, что Цветинский переехал на жительство в Таврический дворец, и каждый день видит Надю и следит за ходом ее болезни.

Цветинский положительно заверял его, что скоро она придет в себя и тогда все будет хорошо. Ей нужен только покой – и нужно выждать. Время излечит ее.

Феникс и Бессменный давно выехали за город, миновали лесистую местность, и с левой руки потянулся у них высокий, знакомый князю частокол Таврического дворца, а справа открылся пустырь.

Вдруг карета остановилась.

– Что такое? – высунулся граф из экипажа.

Кучер передал вожжи сидевшему на козлах гайдуку, соскочил и стал возиться у постромки.

– С постромкой что-то случилось, – пояснил граф Бессменному, – нам придется подождать немного. Может быть, хотите выйти погулять?

Бессменному, как только они выехали сюда, не сиделось на месте, когда карета катилась, а теперь, во время невольной останов-

ки, он уже вовсе не мог удержаться себя.

– Отлично, граф, пойдёмте! – согласился он, не сумев даже скрыть свою радость.

Они вышли.

Вид был не из особенно приятных: пустырь и частокол, но Бессменному он казался чрезвычайно интересным. Он издали увидел место, где были расшатаны колья, и, когда они поравнялись с ним, приостановился. Он заметил, что колья расшатались сильнее и щель настолько увеличилась, что сквозь нее виднелся сад даже с того места, где они стояли, то есть по эту сторону канавы.

– Вы никогда не были в этом саду? – спросил Феникс тоном полного равнодушия и, вынув часы, посмотрел на них.

Было ровно двенадцать.

– Нет, никогда, – проговорил Бессменный.

– Говорят, чудный сад. Как вы думаете, если перейти эту канаву и посмотреть? В последние дни стояли жара, и канава высохла.

– Отчего же не перейти? – подхватил Бессменный и в один прыжок очутился у частокола.

Граф, не торопясь, перешел за ним.

Они заглянули в сад, цветущий, но пустынный – ни души не было в нем.

«Неужели Тубини не исполнил моего приказания?» – мысленно удивился граф Феникс и снова посмотрел на часы.

Но в эту минуту, как бы в ответ ему, из-за круглой кущи кустов показалась на дорожке сада Надя. Она шла вместе с Кулугиным и оживленно разговаривала с ним. О чем они говорили – не было слышно, но каждое движение их было видно. Они остановились. Кулугин счастливо улыбался, Надя продолжала говорить, весело смеясь. Он ей ответил что-то. Она оглянулась на дом и, убедившись, что листва скрывает их от него, вскинула руки и положила на плечи Кулугина. Он охватил ее руками и прижал к груди, губы их встретились и замерли в поцелуе.

«Это более, чем я ожидал», – опять подумал Феникс, все время следивший за тем, что происходило в саду, и одновременно за тем, что делалось с Бессменным.

На этот раз князь при постороннем человеке владел собою. Он только страшно побледнел, но ни одного восклицания, ни одного

звука не вырвалось у него. Бледный, с закушенной губой, он стоял и смотрел, как бы не имея возможности отвести глаз. Грудь его поднималась высоко. Однако, сделав усилие, он обернулся к графу и проговорил:

– Уйдемте отсюда! Мы случайно подглядели чужую тайну.

– Уйдемте, – согласился граф, невольно удивляясь самообладанию Бесменного.

Но чем больше убеждался он в этом самообладании, тем приятнее было ему. Теперь все говорило за то, что его расчет окажется верен: Кулугин не переживет завтрашнего дня – Бесменный пошлет ему вызов, они будут драться, и тогда судьба Кулугина решена. Граф Феникс имел случай убедиться своими глазами, какой был стрелок и фехтовальщик Бесменный, и в нем сомневаться было смешно. Он убьет Кулугина.

На это и рассчитывал граф, дав заранее приказание Тубини, чтобы он устроил сегодняшнее свидание влюбленных в саду. Привести же Бесменного к частоколу и показать ему это свидание было легче легкого, как оно и оказалось на самом деле.

Они снова сели в карету и поехали.

Бессменный долго молчал, как бы ожидая, не заговорит ли Феникс первым, но граф тоже сидел молча и выжидал в свою очередь.

– Вам, граф, знаком этот офицер, которого мы видели сейчас в саду, – сказал наконец Бессменный, – он был вашим секундантом против меня – Кулугин.

– Да, я знаю его.

– У меня есть с ним счеты. Я должен послать ему вызов. Могу я просить вас быть моим секундантом в этом деле?

– От секундантства не отказываюсь, князь, я к вашим услугам.

– Так, пожалуйста, будьте добры известить его как можно скорее.

«Клюнуло!» – обрадовался Феникс в душе.

– Я сегодня же переговорю с ним, – спокойно сказал он. – Когда вы хотите драться?

– Завтра же.

– И прекрасно. Никогда не следует откладывать дуэль надолго. А теперь довести вас домой?

– Очень вам буду благодарен.

Больше они не сказали ни слова до самого

дома.

Выпустив Бессменного из кареты, граф Феникс потер руки с удовольствием. Теперь он был уверен, что Кулугину послезавтра, во вторник, придется предъявлять его чек разве что на том свете, но никак не на этом.

– В Таврический дворец, к главному подъезду, – приказал он гайдуку, и его карета снова покатила.

Что рассказал Цветинский

Потемкин встал в отличном расположении духа и потребовал к себе Цветинского.

– Ну, что? – спросил он, когда тот явился к нему. – Что твое ночное похождение?

– Тяжело было в шкафу, ваша светлость.

– Я тебе говорил. Больше не полезешь?

– И не придется.

– А что? Птички были, являлись?

– Являлись, ваша светлость.

Цветинский отвечал в тон светлейшему, то есть шутливо, но видно было, что он озабочен чем-то и что что-то вышло не совсем так, как бы следовало. Всегда веселый, он не казался таким сегодня.

– Были и унесли документы, – проговорил Потемкин, не замечая настроения Цветинского, – значит, попались.

Слишком было бы грубо со стороны Потемкина, если бы он, узнав о предполагаемом похищении документов, пожелал не допустить этого или приказал захватить похитителей на месте преступления.

Разумеется, нужно было воспользоваться

этим случаем умно и ввести в заблуждение тех, которые хотели перехитрить, но сами должны были попасться в ловушку. Из секретного ящика настоящие документы были вынуты своевременно и на место их положены другие, совершенно фантастические и несхожие с действительными. Пусть их похищают, снимают с них копии – они введут лишь в заблуждение врагов, что и требуется. Вот отчего было допущено беспрепятственно ночное появление незваных гостей в кабинете светлейшего, и сидевший в шкафу Цветинский не остановил их. Он должен был лишь проследить, было ли совершено похищение ложных планов или нет, и если было, то отнюдь не выдавать этого каким-нибудь насильем.

– С внешней стороны все благополучно, – проговорил Цветинский, – планы взяты и положены Тубиновым на место, и копии, которые он, вероятно, снял с них, пойдут во Францию, а оттуда – к туркам и введут их лишь в заблуждение.

– Значит, Тубинов действовал? – переспросил Потемкин. – Жаль, что сейчас нельзя на-

казать этого итальянца; я бы показал ему, как за мою хлеб-соль платить мне предательством!

– В том-то и дело, ваша светлость, что нельзя показать, что вам известно о похищении планов, и поднимать эту историю, а между тем участники ее достойны наказания.

– Они будут наказаны потом, когда откроется, что планы фальшивые и что за них заплачены даром немалые деньги. Все это должно стоить им немало, если граф Феникс живет здесь на их счет. Он живет широко.

– Если бы только речь была о них! Но дело в том, ваша светлость, что они замешали сюда... Надежду Александровну...

– Ее?! Ты имеешь основания предполагать это?

– К сожалению, да, и не только основания, но очевидность. Она была вместе с Тубиновым сегодня ночью в кабинете и отперла сама секретное отделение бюро.

– Не может быть! Я подозревал это, но не хотел верить своему подозрению. Она выспрашивала у меня секрет бюро, я показал ей, но сомневался, чтобы она была замешана; ду-

мал, что это простое совпадение и что она просто из любопытства спрашивала. Ты ее видел?

– Видел! Они были с фонарем. Лицо ее осветилось совершенно ясно.

– Она не виновата; это – штуки этого шарлатана. Он при мне действовал внушением.

– Я бы сам не поверил никому другому, ваша светлость, но тут я сам видел.

– Да пойми ты, чья она дочь? Моя дочь! – поправился Потемкин. – Не может она пойти на такой поступок, не может...

– Не может, ваша светлость, я думаю то же: воспитанная в доме Елагина, она, кроме хорошего, ничего не видела там.

– Я думаю, потому она и была поручена ему. Наконец, мне было позволено взять ее к себе, но под условием, чтобы никто не видел ее у меня. Я радовался этому... Тут случился пожар...

– И она потеряла память, да, но мне эта потеря памяти кажется подозрительной, ваша светлость. Странно, что она вдруг забыла все прошлое. Дело в том, что при ней был Тубини...

– Ну так что же?

– А Тубини – послушное орудие графа Феникса.

– Мы имели, кажется, этому доказательство.

– После пожара она сильно изменилась, потеряла память и вдруг выказала такие душевные качества, которые не свойственны девушке ее рождения и ее воспитания. Она стала не похожа сама на себя.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что, может быть, это не она.

– Как не она?

– Ваша светлость, историю с документами вы знаете? Мы положили вместо настоящих другие, не настоящие, так и мне сдается, что это не ваша настоящая дочь.

– Ты, кажется, впервые в жизни увлекся в своих предположениях и говоришь вздор. Елагин подменил ее? Это немислимо!.. Этого не может быть, и я никогда не поверю.

– Не Елагин, ваша светлость! Я недаром напомнил вам о Тубини, который был при ней во время пожара. Заметьте, он один...

– Ну?

– Пожар произошел как раз в ее флигеле. Суматоха могла отлично способствовать подмене.

– Послушай, ты говоришь невозможные вещи и хочешь быть хитрее хитрого! Надо было найти другую девушку, похожую на нее.

– Ваша светлость, вспомните известную историю с «ожерельем королевы», разыгравшуюся в Париже. Я ездил туда из-под Очакова как раз тогда, когда эта история только что окончилась, и знаю ее подробно. Там действовала девушка, как две капли воды похожая на Марию-Антуанетту, до того похожая, что влюбленный кардинал де Роган принимал ее за королеву и поддался на обман. Что возможно во Франции, неужели невозможно у нас?

– Нет, Цветинский, ты увлекаешься. Потеря памяти может действительно произойти от сильного испуга, мне доктора свидетельствовали это.

– Но такая полная и упорная, ваша светлость, до того, что она не узнала любимого прежде человека...

– Был такой?

– Ей восемнадцать лет, ваша светлость.

– А в восемнадцать лет все влюбляются.
Первое увлечение...

– Было не похоже на простое увлечение, скорее, что-то более серьезное.

– А ты почему знаешь?

– Потому что это мой близкий приятель, я знаю от него... Это князь Бессменный.

– Слышал, мне говорил о нем Елагин. Хороший офицер.

– Так вот, она и его забыла. Это что-то уже не похоже на девичье сердце. Оно не позволило бы забыть и пришло бы на помощь памяти.

– Откуда же ты знаешь, что она забыла его?

Тут Цветинскому пришлось бы рассказать светлейшему, как он с Бессменным тайком подъезжал к частоколу. Но он счел за лучшее умолчать об этом.

– Я знаю это потому, что она полюбила совсем другого, – сказал он только и добавил: – человека, едва ли достойного.

– Кого же?

– Кулугина, ваша светлость, опять-таки принадлежащего к клевретам графа Феникса.

– Уж и полюбила!..

– Однако у них ежедневные свидания под покровительством итальянца.

– Свидания, у меня во дворце? – вспыхнул Потемкин и встал со своего места. – Если ты не уверен в этом – берегись! Твое воображение занесло тебя слишком далеко!

Предположение относительно подмены Нади другой девушкой было одно из тех, которые сделал Кутра-Рари, утешая Бессменного. Цветинскому оно запало в голову, и теперь он высказал его светлейшему, потому что некоторые факты, если не подтверждали его, то, во всяком случае, не противоречили.

Однако они были далеко не настолько убедительными, чтобы Потемкин увлекся ими и поверил. Нет, он видел лишь, что Цветинский из преданности перехватил, что называется, через край.

Но то, что сказал он относительно свиданий, возмутило светлейшего до глубины души. Ему было больно, как он ошибся так в итальянце и доверился такому человеку. Он, правда, считал его простоватым, недалеким, но исполнительным и точным. Обманула

также благообразная внешность Тубини. Как бы то ни было, но если итальянец окажется избалованным в покровительстве Кулугину при свиданиях его с Надей, с ним легко будет разделаться, и тогда он уже заодно ответит за все свое вероломство.

Вернувшись после разговора с Потемкиным в свою комнату, Цветинский нашел, к своему удивлению, у себя на столе следующую записку на французском языке:

«Вы хорошо говорили сегодня со светлейшим. Убедите Бессменного вспомнить о его медальоне. Кутра-Рари».

«Дался ему этот медальон! – подумал Цветинский. – И откуда эта записка и почему он знает, что я хорошо говорил сегодня со светлейшим? Странный индус... странный!.. Тут дел, можно сказать, полон рот, пообедать, какой пообедать – просто поесть не успеешь хорошенько, а он о медальоне!.. – и Цветинский с досадой передернул плечами. Однако, еще подумав, он пришел к другому соображению. – А ведь он, может быть, прав! Конечно, тут дело не в самом медальоне – вернее всего, что пропади этот медальон пропадом, после

того как Бессменный кинул его на дорогу, – но надо доискаться, что это был за византийский царь на маскараде и почему он живет в доме графа Феникса, который ищет медальон и не знает, что он был у кого-то из его домашних. Я совсем забыл об этом».

Но самому Цветинскому нельзя было отлучиться немедленно, да и дело это не казалось настолько уж настоящим, чтобы ради него откладывать другие; его можно было поручить Бессменному, который выздоровел и был уже в силах помогать.

Цветинский написал ему записку и отослал с нарочным, после чего решил поесть. Он почти не спал эту ночь, просидев большую ее часть в шкафу, и теперь нашел весьма естественным, что имеет право вознаградить себя за это, не сном впрочем, а едою. Он держался французской пословицы «Кто спит, тот обедает», но, наоборот, заменяя иногда сон кушаньем. Это доставляло ему больше удовольствия.

Он отправился к главному повару и велел приготовить себе сальми из дичи и яичницу на яблоках – блюдо, особенно любимое коро-

лем Людовиком XV, которое король имел даже обыкновение готовить сам. Кроме того, оба эти кушанья не требовали много времени и могли поспеть скорее других.

Пока Цветинский услаждал себя яичницей и сальми, внизу в кабинете светлейшего произошло новое обстоятельство, рассердившее Потемкина до того, что он ходил из угла в угол, топал ногой и сжимал кулаки.

Секретарь его Попов стоял, опустив голову.
– Заключение перемирие на таких условиях, когда все выгоды на нашей стороне, заключить перемирие? – сердился светлейший, сам еще больше раздражаясь звуком своего голоса. – Да ведь это если не сумасшествие, то предательство... предательство... иначе назвать нельзя этого...

Дело было в том, что из действующей армии Репнин прислал курьера, что вступает в мирные переговоры с турками и желает с ними заключить перемирие. Условия, на которые он соглашался, были очень легки для Турции, хотя она находилась в таком положении, что ее можно было принудить к безусловно более выгодным для России уступ-

кам. Черноморский флот – создание Потемкина – действовал настолько успешно, что на этих успехах можно было основать победы сухопутной армии.

– Заключать перемирие, – снова заговорил светлейший, – когда выстрелы нашего флота слышны уже в Константинополе, когда у меня все готово, чтобы разгромить Турцию окончательно!.. Репнин с ума сошел... Без меня они все там испортят, все испортят и перевернут вверх дном. Я сам еду, сам! Вели закладывать карету в Царское, я сейчас отправлюсь к государыне и затем еду. Вели сейчас же начать приготовления к отъезду – спешно, как можно спешно, как только возможно, я выеду... Ступай и распорядись! Я даю сроку три дня на приготовления... Время терять нельзя... Ступай, ступай!..

Попов, не противореча, потому что в таких случаях всякое противоречие было не только излишне, но и опасно, поклонился и вышел.

Немедленно же стало по всему дворцу известно, что светлейший возвращается в действующую армию и что приготовления к отъезду должны быть сделаны в три дня.

А через некоторое время светлейший сказал Цветинскому, когда тот вошел к нему:

– Ты едешь со мной! Приготовься!

– В действующую армию, ваша светлость?

– Тебе известно уже?

– Весь дворец только и говорит об этом...

Все уже знают...

– Пусть знают, пусть знают, – повторил Потемкин, – они узнают меня, как заключать перемирие, словно не мы победили, а турки...

– Ваша светлость приказали мне... – начал Цветинский.

– Ехать со мной в действующую армию. Да, приказал, и ты поедешь...

– Кроме этого вы еще приказали прийти доложить вам, когда Кулугин явится во дворец.

– Ах да, правда! Это еще! – вспомнил Потемкин. – Он явился?

– В комнату к итальянцу, и они спустились уже давно по витой лестнице из коридора.

– Пойдем! – отрывисто проговорил Потемкин.

– Через сад, ваша светлость, оттуда будет удобнее.

Потемкин вышел через зал в сад и тяжело-ми, но скорыми шагами направился к левому флигелю. Он шел так быстро, что Цветинский едва поспевал за ним.

Они быстро миновали главную аллею, повернули, прошли боковую дорожку и увидели Кулугина с его возлюбленной. Тот держал ее за талию, а другой рукой захватил ее руки и прижимал их к своей груди. Она сидела у него на коленях.

Такая поза была более чем вольная; вполне порядочная девушка не могла бы решиться на нее. Одно из двух: или они увлеклись до того, что забыли все кругом, забыли, что их могут увидеть, или рассчитывали слишком слепо на то, что Тубини стережет их и предупредит в случае опасности.

Но у Тубини была своя фаталистическая точка зрения. Уверенный, в особенности вследствие последних событий, в несокрушимом могуществе графа Феникса, он мало заботился о свидании порученных ему влюбленных.

Это свидание было уже не первое, а третье, и, главное, оно было устроено по приказанию

графа, а там, куда он вмешается, все, несомненно, будет обстоять благополучно, значит, беспокоиться нечего.

И Тубини, проведя на этот раз, как велел ему Феникс, Кулугина в сад, вместо того чтобы остаться настороже, присел на дерновый диванчик в беседке акации, склонил голову и заснул. Он тоже ведь не спал всю прошлую ночь.

Потемкин подошел в упор к Кулугину. Тот вскочил и вытянулся. Краска сбежала с его лица, и подбородок слегка вздрагивал.

– Безобразия... в моем дворце!.. На гауптвахту! – проговорил Потемкин. – А ты ступай за мной! – приказал он девушке.

Больше ничего не сказал он и, повернувшись, направился к дому.

Однако, сделав несколько шагов, Потемкин наткнулся на беседку, где с блаженной улыбкой на лице спал музыкант-итальянец.

– Тубинов! – крикнул светлейший.

Тот дрогнул и вскочил, едва приходя в себя.

– Я тебя простил раз, когда ты был виноват лишь в оплошности, теперь ловлю тебя на

прямой мерзости, и не жди пощады, – сказал Потемкин и, обернувшись к Цветинскому, добавил: – Завтра же отправить его по этапу вплоть до границы... и там выслать из России.

Наказание было суровое, если принять во внимание, что этапные шли вместе с острожными колодниками в цепях, соединенные по двенадцать человек на железном пруте, к которому были прикреплены на кольцах их правые руки.

Цветинский нагнул только голову в знак того, что исполнит приказание. По его мнению, Тубини, ничего, кроме добра, не выдавший от своего благодетеля Потемкина и пожелавший предать его сегодня ночью, вполне заслужил такую кару.

Девушка была отведена в свою комнату и заперта на ключ.

– Нет, не может быть, – усомнился теперь и Потемкин, – это не моя дочь. Моя дочь не может быть такою...

Заложенная цугом в шесть лошадей карета ждала уже его, чтобы ехать в Царское для доклада к государыне. Светлейший быстро собрался и отбыл с маленького подъезда, со дво-

Заговор

В то самое время, когда Потемкин выезжал из дворца, в большом вестибюле его граф Феникс напрасно приказывал слугам, чтобы те доложили о нем.

– Не велено принимать никого, – получил он категорический ответ.

– Как? Даже меня?

Это «даже меня» было произнесено с величием, которое сделало бы честь любому актеру, изображавшему коронованную особу, но не произвело решительно никакого действия. Слуги стояли на своем:

– Принимать не велено!..

В это время в вестибюль вышел Кулугин.

Нельзя сказать, чтобы вид у него был очень веселый. Шпаги, которую он должен был сдать, как арестованный, дежурному, у него не было, шляпу держал он на отлете, как-то вбок, и одна бровь у него сильно вздрагивала. Он озирался и не мог найти глазами лакея, державшего его плащ.

– Скажите, пожалуйста, отчего сегодня не принимают даже меня? – поспешил спросить

у него Феникс, обрадованный, что встретил наконец человека, который объяснит ему поведение слуг.

– Не знаю, ничего не знаю, – пробормотал Кулугин.

– Да что с вами?

– Спросите у Тубини. Он вам расскажет.

– Кстати, у меня есть дело к вам...

– Простите, мне не до дел теперь, – и Кулугин хотел пройти.

– Однако, – почти насильно остановил его граф, – это такое дело, которое не терпит отлагательств и должно быть решено при первой же встрече...

– Что же это? Дуэль? – удивился Кулугин.

– Вы угадали. Князь Бессменный, имеющий с вами, по его словам, какие-то счета, сделал мне честь просить меня передать вам вызов.

– Никаких счетов нет у меня с князем Бессменным.

– В это я входить не могу, – пожал плечами граф Феникс, – мое дело было передать вам слова князя. Что вам угодно ответить ему?

– В настоящую минуту я ничего не могу от-

ветить...

– Неужели так может говорить дворянин и офицер? – усмехнулся Феникс.

– Я в настоящую минуту – арестованный, – и Кулугин показал на отсутствие у него шпаги, – и должен отправиться немедленно на гауптвахту. Князю Бессменному придется подождать, пока я найду...

– Что найдете?

– Управу на вашего светлейшего у князя Platона Зубова! – договорил Кулугин и, холодно поклонившись, прошел мимо Феникса.

Этот разговор Кулугина с графом велся на французском языке, и стоявшие в вестибюле слуги не могли понять его.

«Во всяком случае, – решил Феникс, когда Кулугин ушел, – он из-под ареста не отправится к банкиру получать деньги по моему чеку. А Тубини, если случилось что-нибудь, придет и расскажет мне».

Он вышел на крыльцо, сел в карету и велел ехать к банкиру Зюдерланду. Нужно было торопиться туда, потому что приемный час банкира был на исходе и Феникс рисковал не застать Зюдерланда дома.

Банкир жил на Невском проспекте в особняке; тут же помещалась и его контора. Особняк был обставлен с претензией на роскошь, и видно было, что много потрачено денег на его обстановку, но отсутствие вкуса сразу поражало глаз. В передней толпилось много слуг, одетых в фантастические пестрые лифреи. Граф Феникс не мог не улыбнуться при виде этой разношерстной толпы, лишенной важной степенности благоустроенного дома. Слуги слишком засуетились при появлении графа, и трое из них пошли докладывать сразу.

Банкир заставил себя подождать, извинившись, что занят. Феникс провел некоторое время в библиотеке, очевидно, заведенной лишь потому, что всегда полагается иметь богатым людям библиотеку, впрочем, совершенно ненужную хозяину-богачу, который и не прикасается к ней.

Зюдерланд принял Феникса в кабинете с нелепыми и совершенно лишними там китайскими вазами. Банкир был старик с тонкими губами и бегающими маленькими глазами из-под нависших седых бровей. Было

что-то неприятное в его суетливых движениях. Он беспрестанно поворачивал головой из стороны в сторону и размахивал руками, часто совершенно несоответственно тому, что говорил. Сегодня он казался особенно нервным.

Граф Феникс видел его уже не в первый раз, так как ему приходилось, по рекомендации француза-агента, приехавшего за документами, входить с ним в более тесные сношения.

– Я ждал, что вы приедете, граф, – встретил он Феникса. – Господин Лубе перед отъездом говорил мне сегодня, что вы блестяще исполнили принятые вами на себя обязательства...

– Я всегда исполняю их! – уклончиво ответил Феникс.

Он сегодня рано утром, перед тем как был у Бессменного и ездил с ним, отвез Лубе копии с документов и знал, что тот рассчитывал уехать немедленно. Лубе сказал, что Феникс получит деньги от банкира Зюдерланда и что этот банкир «посвящен во все» и ему можно доверять, но граф все-таки с первого раза опасался пускаться в слишком большую

откровенность.

– Ваши обязательства относительно копий с документов, – подхватил снова Зюдерланд. – Дело было сделано отчетливо и чисто. Мне Лубе все рассказал...

– Он не забыл, вероятно, также сказать вам относительно денег? – спросил граф.

Денежный вопрос интересовал его прежде всего.

– Относительно кредита вам в сорок тысяч рублей? Он вам открыт в моей конторе, и вы можете получить его по чеку или по нескольким чекам... как вам угодно...

– Я получу его по одному чеку зараз, – сказал Феникс.

– Как вам будет угодно! Но вам, в свою очередь, господин Лубе говорил, что вы можете со мною не стесняться, что я человек посвященный и в случае чего, могу прибегнуть к вам...

– Говорил, и, признаюсь, это меня удивило, – ответил Феникс, оглядываясь на дверь.

– О, не беспокойтесь, здесь нас никто не подслушает, мы можем говорить свободно, не смотрите на дверь! – успокоительно произнес

Зюдерланд. – Так что же вас удивило? – добавил он.

– Насколько я знаю, вы состоите банкиром светлейшего князя Потемкина?

– Совершенно верно, состою.

– И вместе с тем посвящены в мои действия и действия господина Лубе!

– Даже больше скажу вам: этот Лубе – не что иное, как мой агент, то есть он на службе у группы капиталистов, в числе которых состою и я. Он наш агент, значит, и мой. До сих пор мы имели дело с вами через него, теперь я хочу познакомиться с вами ближе лично, после того как вы достали столь успешно копии с документов.

– Но ведь эти документы не что иное, как планы кампании против турок, и они ценны только туркам. Значит, вы готовы помочь им?

– Очевидно!

– Вы – банкир светлейшего?

– Вас это удивляет?

– Не удивляет, а скорее... как бы это сказать?

– Говорите прямо: «Возбуждает недоверие»

КО МНЕ...»

– Пожалуй, если хотите, – согласился Феникс.

– Ну, так я постараюсь уничтожить в вас сомнения. Видите ли, первая турецкая война при Румянцеве стоила России семь миллионов рублей. Потемкин на свои действия против турок истратил до шестидесяти миллионов – сумма, как видите, очень почтенная. Теперь ему нужны опять деньги для продолжения войны, и он найдет их и у меня, и через мое посредство, потому что Россия настолько богата, что сможет оплатить этот долг. Ссудив ему деньги, мы поместим их в верные руки и будем получать хорошие проценты. Значит, мне ничто не препятствует быть банкиром его светлости, как выгодного и верного плательщика. Но это не мешает мне также владеть турецкими бумагами и не допускать их падения. В финансах, как в политике, привязанностей и платонических чувств нет. России нужны деньги на войну с Турцией – мы даем их ей, потому что она кредитоспособна и нам выгодно получать с нее проценты; но вместе с тем мы делаем все возможное, чтобы

не допускать до полного разгрома Турцию, бумаги которой тоже приносят нам доход. Если Россия окончательно разгромит Турцию, то ей не нужно будет больше денег на войну, и мы потеряем выгодного кредитора, а турецкие бумаги тогда будут стоить грош, и мы понесем на них убыток. Расчет очень прост и ясен.

Феникс должен был согласиться, что расчет действительно прост и ясен.

– Но Турция теперь накануне падения, – сказал он, уже убежденный тем, что говорил ему Зюдерланд, – еще одно усилие со стороны России – и Турции грозит полный разгром; планы, которые я только что достал вам, конечно, могут быть полезны, но они не предотвратят беды...

– Беда грозит немалая, – подтвердил банкир, качая головой из стороны в сторону, – до полного разгрома еще далеко, но беда грозит... В Лондоне эта гениально-сумасшедшая голова Питт открыто предлагает парламенту вооруженной силой заставить русских оставить в покое Турцию. Пруссия готовится к войне с Россией по этому поводу и ждет лишь

от Австрии уверения, что она сохранит нейтралитет. Все это грозит европейской войной и усложнит финансовые дела. Наконец, Россия может бороться без ущерба для своей кредитоспособности с Турцией, но с Англией и Пруссией ей не совладать. Польша также прикнет к этому союзу. И сколько крови прольется! – горестно протянул банкир.

– И сколько солидных банкиров лопнет! – подсказал ему Феникс.

– Да, могут и солидные банки лопнуть, и все это из-за одного человека – Потемкина!..

– Но он, кажется, – возразил граф, – почил на лаврах в Таврическом дворце и занят лишь составлением планов в руководство Репнину, который теперь вместо него в действующей армии.

– Репнин другое дело; если бы он оставался, было бы прекрасно. Но Потемкин возвращается в армию...

– Когда же он успел решить это?

– Сегодня утром. Сегодня к нему приехал из Галаца курьер от Репнина с известием, что тот хочет заключить перемирие с турками, и светлейший через три дня желает выехать из

Петербурга.

– И вам уже известно это? Положительно я начинаю думать, что финансисты такие же маги, как и мы, посвященные в тайные науки.

– На этот раз моя магия была несложна: в то время как вы пожаловали ко мне и я просил вас подождать, у меня сидел секретарь светлейшего Попов, который явился, разумеется, прежде всего ко мне за деньгами, необходимыми для отъезда Потемкина.

– Так вот отчего нет сегодня приема в Таврическом дворце! – сообразил граф Феникс.

– Там все готовятся к отъезду, – пояснил Зюдерланд. – Через три дня Потемкин уедет, и появление его в действующей армии грозит европейской войной... Погибнут тысячи людей...

– И миллионы рублей! – подсказал Феникс.

– И миллионы, миллионы могут погибнуть, – повторил банкир, становясь все более беспокойным.

– А между тем можно было бы... – начал Феникс.

– Что? – спросил Зюдерланд.

– Нет, ничего. Я так... Мне показалось, что вам пришло на мысль...

– Вы читаете мысли, граф?

– Тайные науки, которые, как вам известно, знакомы мне, учат нас делать это.

– Так что же вам показалось?

– Что вы подумали: можно бы избежать гибели этих миллионов...

– Тысяч людей, граф.

– Ну, все равно, тысяч людей, искупив их смертью одного человека.

– Я должен сознаться, что вы не даром изучали тайные науки: вы действительно можете читать в мыслях. Да, вы правы, смерть одного человека может предотвратить все эти беды, и божественная справедливость не покарает за это.

– А от правосудия человеческого можно укрыться легко.

– Вы думаете? Я слышал, правда, что существуют эликсиры, несколько капель которых, совершенно бесцветных в воде и в вине, имеют поразительное действие и без всяких внешних признаков.

– Каплями действуют теперь только нелов-

кие и неразумные, – возразил Феникс с некоторым пренебрежением, – с ними слишком много возни: их нужно спокойно налить, а для этого требуется всегда время и нужны особо благоприятные обстоятельства.

– Так как же тогда?

– Гораздо проще – небольшой твердый шарик, который легко подкинуть в стакан и который распускается в вине в тот же миг, прежде чем успеет опуститься на дно...

– Да, это безопаснее, – согласился банкир, – но все-таки внезапная смерть может возбудить подозрения.

– Подозрения прежде всего падут на того, кому наибольшие выгоды принесет эта смерть.

– Вот именно.

– Значит, конечно, не на банкира, который может потерпеть якобы убытки.

– Я бы желал, чтобы банкир остался совсем в стороне; банкир тут вовсе ни при чем.

– Его и не заподозрит никто! Прежде всего, эта смерть будет наиболее выгодна его сопернику, князю Платону Зубову. На него и подумают все... Они – открытые и смертельные

враги. Кому же придет в голову обвинять кого-нибудь другого?

– Но расследование по свежим следам может раскрыть все.

– Для этого действие средства, заключенного в шарике, принаравливается так, чтобы оно оказало свое влияние не сразу, а медленно, постепенно, но верно. Смерть наступит неизбежно, но через некоторый промежуток времени.

– И у вас есть это средство?

– К сожалению, его надо готовить каждый раз, когда оно требуется, иначе состав затвердеет и может не распуститься в вине.

– Сколько нужно времени на приготовление?

– Три дня, если работа будет произведена с самой тщательной точностью; малейшая неправильность – и все нужно переделывать сначала.

– У вас остается именно только три дня...

– Все, что мне нужно.

– Но если произойдет ошибка и неудача?

– Для этого только нужно три дня и три ночи сидеть безвыходно в лаборатории и неот-

ступно следить за процессом работы – тогда всякая неточность устранима вполне...

– И вы в состоянии сделать это?

– Безусловно, если мне к тому будут даны средства.

– То есть лаборатория и материал? Откуда же взять их?

– Нет, и лаборатория, и нужный материал есть у меня. Тут дело в материальных средствах – даром, разумеется, никто работать не станет...

– Понимаю! Вы хотите плату? Сколько же?

– Двести пятьдесят тысяч.

– Двести пятьдесят тысяч франков? – воскликнул банкир. – Но ведь это лее целое состояние!..

– Я сказал, – поправил его Феникс, – двести пятьдесят тысяч рублей.

– Но это еще больше, это в четыре раза больше... Такая сумма...

– Такая сумма ничто в сравнении с тем, что сохранит эта смерть для тех, которые заплатят за нее...

– Заплатят! Хорошо, если только деньгами, а если собственной головой?

– Вы желали, чтобы банкиры остались в стороне; если они заплатят деньги – остальное их не будет касаться.

– Вы берете все на себя?

– Все!

Зюдерланд встал, прошелся по комнате и подошел к окну.

Он смотрел на Невский проспект; там шли прохожие, кричали разносчики, проехал мальпост, проскакал верховой казак, но банкир ничего этого не видел. Он раскидывал руки и мотал головой, не зная, что сказать и на что решиться.

Граф Феникс вынул часы и, положив их перед собой, произнес:

– Теперь без двадцати минут два часа. Мне нужно еще доехать до дома, и затем необходимо трое суток, минута в минуту; если вы промедлите – будет поздно, потому что я не успею. Я могу ждать десять минут только.

Не прошло этих десяти минут, как их договор был заключен и оформлен.

Медальон снова найден

Бессменный получил записку Цветинского, в которой было написано следующее:

«Поезжай сейчас в дом, где живет граф Феникс, и, найдя там человека, француза Жоржа, поговори с ним келейно и расспроси, узнал ли он, кто был на маскараде у Шереметева византийским царем с известным тебе медальоном. Так нужно для моих соображений. С Жоржем обойдись как следует: это не простой лакей, но такой же, как и мы. Он должен скрываться до времени от преследований. Покажи ему эту записку».

На этот раз Бессменный, выздоровевший благодаря уходу Кутра-Рари, чувствовал себя настолько крепко, что испытанное им вновь потрясение не подействовало на него, как прежде. Он доехал домой с Фениксом, не выказав даже признака того, что происходило у него внутри. Душа у него слишком уж наболела в последнее время, слишком уж он измучился. Но теперь он знал, что ему делать, и потому был спокоен. Он знал, что убьет Кулугина без сожаления, потому что это был не

честный соперник, открыто идущий на борьбу, но действовавший исподтишка и воспользовавшийся временной болезнью Нади, чтобы соблазнить ее.

Поручение Цветинского как раз совпадало с тем, что предполагал он сделать, то есть поехать к графу Фениксу. Ему нужно было узнать, какой ответ дал Кулугин, с которым обещался переговорить граф. Судя по времени, тот мог уже успеть сделать это, и можно было ехать хоть сейчас. В крайнем случае, если Феникс не вернулся еще домой, подождать его и объясниться в это время с Жоржем.

Бессменный послал за ямской каретой и отправился.

Все рассчитал он верно, но забыл только одно – странные порядки, существовавшие в доме графа Феникса. Когда он вошел на пустынную, никем не оберегаемую лестницу и очутился в затянутой черным сукном с серебряными скелетами передней, где не было тоже ни души, он начал оглядываться, не зная, что ему делать дальше. Ряд комнат виднелся впереди. Бессменный пошел по ним, нарочно кашлянул несколько раз, постучал каблука-

ми – никто не показывался. Наконец он увидел живого человека, который появился откуда-то сбоку, из-за портьеры.

– Вы, очевидно, здешний? – спросил Бессменный.

– Я Петручио, слуга графа Феникса.

– Прекрасно! Можно видеть графа?

– Его нет дома.

– Так я подожду.

– Сделайте милость! Может быть, вам угодно пройти пока в сад?

– Мне все равно, в сад так в сад...

Петручио повел его.

Они вышли на широкую террасу, ступени которой отлого спускались в сад, к пруду.

– Вам угодно было видеть, в ожидании, нашего слугу француза Жоржа? – проговорил Петручио на террасе.

«Разве я сказал ему о Жорже? – удивился Бессменный. – Впрочем, может быть, и сказал, если он спрашивает... Значит, мысли у меня еще не совсем в порядке, рассеян слишком. А впрочем, на моем месте и не мудрено быть рассеянным».

– Да, я желал бы его видеть, – подтвердил

он.

– Так я вам пришлю его в сад, – обещал Петручио и не спеша удалился.

Бессменный повременил немного, не зная, с которой стороны придет к нему Жорж, потом стал спускаться по лестнице в сад, в котором вскоре же наткнулся на человека в куртке, чулках, башмаках и фартуке.

– Вы желали меня видеть? – спросил тот по-французски.

– А вы – Жорж?

– К вашим услугам.

– Я к вам по поручению господина Цветинского... Он просил меня спросить... да вот лучше прочтите сами его записку...

Жорж быстро пробежал нацарапанные Цветинским строки и проговорил, несколько замявшись:

– Где же нам побеседовать с вами спокойно?

– Пойдемте в вашу комнату.

– Вам, офицеру, неловко идти ко мне... Это возбудит подозрения. В этом доме нужно быть осторожным.

– Но Цветинский заходит же к вам.

– Он приходит переодетым, не в своем платье.

– Тогда поговорим здесь, в саду.

– Придется здесь уж... только все-таки лучше не на виду.

– Пойдемте тогда... – и Бессменный сделал движение по направлению от дома.

– Что вы! – остановил его Жорж. – Если хотите быть незамеченным из дома, то отнюдь не надо идти в глубь сада, куда отлично видно из окон второго этажа, а, напротив, выгоднее быть поближе к стене. Вот пойдемте сюда! – показал он на густые кусты, росшие у самого дома и заслонявшие целиком окна целого этажа. – Эти окна, – пояснил Жорж, – выходят из кладовых и нежилых помещений, потому и дали им зарости кустами. Здесь нас никто не увидит...

Они пробрались за кусты к самой стене и, спрятавшиеся таким образом, уселись на подоконник запыленного решетчатого окна.

– Про эту маску, – начал рассказывать Жорж шепотом, – мне удалось узнать очень мало, почти ничего.

– Это был византийский царь?

– И в превосходном одеянии...

– Вы разве видели его?

– Вместе с вашим товарищем.

– Так это вы были в костюме Арлекина?

– Я самый.

– Вот оно что! Ну, рассказывайте!

– Как вам известно, этот византийский царь – за ним следил ваш товарищ – приехал сюда в карете, где обронил медальон, и отпустил карету, то есть остался здесь.

– Очевидно.

– Теперь я рассудил, что если он остался, то, значит, живет тут, а если живет, то и уехал отсюда. Следовательно, оставалось лишь узнать, кто из домашних посылал за каретой в день маскарада...

– Но он мог послать за каретой и уехать и из другого места, а вернуться только сюда.

– Нет, он это не мог сделать, потому что Цветинский следил и видел, что извозчик наемной кареты прямо завернул сюда и не спрашивал, останавливаться у решетки или нет и тот ли это дом, который нужен. Значит, он хорошо знал место, уехал отсюда и знал, куда привезти, иначе он непременно потребовал

бы пояснений. Ваши извозчики наемных карет ужасно бестолковы.

– Таким путем вы должны были узнать тогда все, – сказал князь.

– Представьте себе, что почти ничего. Я узнал лишь, что в день маскарада посылала за наемной каретой и уезжала в ней госпожа Лубе, француженка, бывшая у Елагина при его воспитаннице...

– Правда, она перешла к вам в дом; мне Цветинский говорил это. Что она делает тут?

– Живет просто, – ответил Жорж. – Но согласитесь, что византийский царь и мадам Лубе мало имеют общего. Это, вероятно, простое совпадение. Она низенькая, толстенная, а он был высокий и стройный. Цветинский подтвердит вам это...

– Скажите, пожалуйста, – поинтересовался Бессменный, – если это не нескромно будет с моей стороны, почему вы так близки с Цветинским, что принимаете участие в его делах?

– Почему я так близок с ним, вам, как его приятелю, я могу сказать, хотя я был бы рад закричать об этом на целый свет: он спас мне

ЖИЗНЬ...

– Неужели?

– В Париже, в 1788 году. Он тогда приезжал туда и остановился на квартире вот у этой самой госпожи Лубе, которая здесь в настоящее время. Случайно он услышал за стеной разговор...

Но Жорж не договорил. Откуда-то сверху, прошуршав сквозь шапку кустов, упало что-то, блеснуло и ударилось о землю. Бессменный нагнулся и поднял. Это был его золотой медальон.

Обстоятельства, способствовавшие этой находке драгоценной для князя вещи состояли в следующем.

Граф Феникс, вернувшись домой от банкира, быстро направился к потайной комнате за кабинетом и на ходу приказал Петручио:

– Я должен провести три дня в своей лаборатории; отнесите мне туда консервов – три дня я не выйду. Никого не принимайте, скажите – я уехал.

– Вас ждет в саду князь Бессменный, – доложил Петручио.

– Не до него мне теперь! Скажите – я

уехал... Я не могу принять его! – и Феникс вошел в лабораторию, причем запер за собой дверь.

На столе с мраморной доской были реторты, содержимые в таком порядке, что можно было сию же минуту пустить их в работу. На другом столе лежали костяные дощечки, пергамент, книги и медальон.

После своей бессонной ночи над этим медальоном граф Феникс отрывался от него лишь ради неотложных дел, таких как, например, сегодня утром. В буквах и знаках медальона таился ключ к иероглифам, изображенным на пергаменте. Таких медальонов было всего четыре на свете, и один из них был в России, у князя Бессменного, прадед которого, посланный Петром Великим за границу, вывез оттуда это поистине сокровище для человека посвященного.

Графу Фениксу было открыто полное описание медальона и сообщен рисунок внешнего его вида. Отправляясь в путешествие в Россию, он решил достать этот медальон во что бы то ни стало. Где были остальные три – он не знал, но достаточно было обладать одним

из них, чтобы разобрать при помощи их ключа иероглифы пергамента, и тогда (так обещано было посвященными) человек познавал высшую мудрость, какая только может быть доступна смертному, и он получал власть над элементами природы, над металлами, над другими людьми и был неуязвим для своих врагов, как бы сильны они ни казались.

Вот отчего граф Феникс, получив от Кулугина медальон, радостно воскликнул, что теперь он никого не боится и что угрозы индуса не страшны ему. Он верил, что с помощью своего пергамента и ключа к нему достигнет высших знаний, могущих поставить его выше всех на этом свете.

Он жадно принялся за работу. После первой бессонной ночи ему удалось найти одно лишь слово «милосердие»; значение его он знал, но не понимал еще в чем же заключалась тайна этого слова.

Дальнейшие его старания и попытки были бесплодны. Он постоянно сбивался в выкладки, принимался снова, но ничего не выходило пока. А должно было выйти.

Сегодня утром появление Тубини застало

его на расчете, который шел, кажется, удачно. Войдя теперь в свою лабораторию, Феникс взглянул на дощечки, взял перо и написал несколько цифр и букв. Ему хотелось только закончить и посмотреть, будет ли удачно? Но, взявшись за дощечки, он перешел к медальону, потом к пергаменту и стал соображать и выписывать.

Однако вскоре он спохватился, что теряет время, необходимое для приготовления «средства», о котором он условился с банкиром и для которого нужно было, не теряя минуты, сесть за реторты.

Выбор был неравный. Медальон оставался у Феникса, и он мог заняться им потом, а тут каждый миг был дорог и нужно было торопиться.

Граф встал из-за стола и перешел к ретортам. Он пересмотрел склянки, отобрал нужные сейчас и, тщательно вымыв одну из них, стал капать туда густую красную жидкость, отсчитывая каждую каплю движением стрелки на часах.

Скоро под ретортой была зажжена спиртовая лампа, и Феникс уже следил за ее кипени-

ем. Требовалось внимание, так как одинаково нехорошо было как недодержать, так и пере-держать.

Но тут граф заметил, что его мысли отвлекаются и внимание рассеивается. Он думал о только что оставленном расчете, его тянуло к другому столу, и он невольно оборачивался и поглядывал в сторону этого стола. Нужно было принять серьезные меры.

Граф сложил пергамент, дощечки и медальон, спрятал их и снова сел к реторте.

За это дело он должен был получить двести пятьдесят тысяч рублей, то есть миллион франков! Миллион! При одной мысли о такой сумме кружилась голова.

Но там, в этом пергаменте, таился не миллион, а множество миллионов, потому что он давал возможность познания и обладания всем на свете. Не оставить ли поэтому реторту и не перейти ли снова к пергаменту? Может быть, не через три дня, а уже сегодня откроется все. И тогда не нужен будет банкирский миллион.

Феникс снова достал пергамент и вынул медальон.

«Да что же это я делаю? – остановил он себя. – Разве это так уже непреложно и верно, разве я знаю безошибочно, что этот ключ откроет мне сверхъестественные знания? А между тем деньги, обещанные банкиром, не мечта воображения, не сомнительное что-нибудь, а вполне реальное и точное».

Он вернулся к реторте, боясь, что упустил время и что поздно уже снимать ее с лампы, но жидкость, кипевшая в ней, не приняла еще того цвета, когда пора было прекратить кипение.

«И потом, на что мне эти знания, если и без них я могу делать то же самое, что при их помощи? – продолжал рассуждать Феникс, нагибаясь к реторте. – Разве меня не считают теперь всезнающим, разве недостаточно власти у меня и разве один миллион я могу получить еще?»

Но, думая таким образом, он чувствовал все-таки, что медальон влечет его к себе и заманивает. Если продолжится так, то нельзя ручаться за тщательность работы, тогда время будет упущено и пропадет верный миллион франков.

Феникс убедился, что, пока медальон будет соблазнять его, он не в силах сосредоточиться. Вот он чуть не пропустил момент, когда надо снять реторту: еще один миг и было бы поздно. Но он успел.

Нет, прочь этот соблазн, прочь этот медальон, сулящий что-то неопределенное в будущем и вредящий вполне определенному настоящему! Прочь его! Надо отделаться от него так, чтобы самому отрезать всякое поползновение к соблазну!

Феникс схватил медальон, распахнул окно и выбросил его в сад. Теперь ничто уже не могло помешать ему, и он принялся за реторту, всецело отдавшись приготовлению «средства».

Между тем, когда Бессменный нагнулся и поднял медальон, ему послышался откуда-то, словно из-под земли, слабый, замирающий стон.

– Что это? Вы слышали? – спросил он Жоржа.

Тот ничего не слышал. Он с открытым ртом смотрел на князя и на медальон в его руках.

– Как будто стонет кто-то внизу, – пояснил Бессменный.

Они оба наклонились и заметили, что у самой земли, под окном, на котором они сидели, было маленькое окно подвального этажа с густым слоем грязи на стеклах. Решетки здесь не было.

Стон повторился.

– Это отсюда, из погреба, – сказал Жорж.

– Несомненно.

Бессменный постучал в окно. Не крик, а усилие крика было ответом на этот стук.

Князь разбил окно. Звякнули стекла, и дрогнуло сердце у Бессменного; из открывшегося за разбитым окном темного пространства слышался обессиленный, милый, знакомый голос:

– Спасите меня!..

Князь схватился за голову, припав к окну. Он узнал этот голос.

– Надя! – мог произнести только он.

– Спаси меня! Я ждала тебя все время! – ответил голос из темноты.

Это был один миг: Жорж видел только, как Бессменный схватил камень, сбил им оскол-

ки стекла, торчавшие в раме, и проскользнул ногами вперед в окно.

Подвал был довольно глубокий, потому что слышно было, как Бессменный тяжело спрыгнул или упал вниз.

– Вы не ушиблись? – крикнул ему Жорж, но тот не слышал ничего.

Спрыгнув с окна, он удержался на ногах, но был охвачен темнотой, ослепившей ему глаза после дневного солнца. Он огляделся, расставляя руки. Слабый свет из окна чуть брезжил сверху. Глаза пригляделись, и Бессменный различил каменный сводчатый подвал, покрытый плесенью. В углу на соломе, приподнявшись на колени, к нему тянулась Надя. Князь узнал ее, несмотря на бледность и худобу; не было сомнения, это она, настоящая, любящая и любимая.

Не успев и не пожелав даже сообразить, кто была та, другая, в Таврическом дворце, Бессменный кинулся, схватил и поднял девушку.

«Скорей, скорей! – вот все, что желал он в эту минуту. – Скорей освободить ее отсюда, не медля ни секунды и не давая ей лишней миг

пробыть в этом ужасном подвале».

– Держите! Помогите! – дал знать он наверх Жоржу, поднося Надю к окну.

Жорж просунул в окно голову и руки. Бессменный передал ему свою ношу. С помощью его и Жоржа Надя выкарабкалась из окна.

Теперь приходилось лезть князю. Но окно оказалось высоко. Спрыгнуть, повиснув на руках, было еще возможно, но с пола, где стоял Бессменный, нельзя было достать окно руками. Молодой человек осмотрелся, ища в подвале чего-нибудь, чтобы встать.

«Ишь, даже стола не поставили!» – подумал он, не зная, как быть, но будучи все-таки уверен, что не останется здесь.

Жорж понял в это время его положение, сорвал с себя фартук, свил из него жгут и опустил в окно. С помощью этого жгута выбрался и Бессменный на волю.

Надя лежала на земле в обмороке.

– Что вы намерены предпринять теперь? – спросил Жорж.

– Отнести ее в мою карету.

– Но вас могут увидеть и остановить.

– О, никто меня не остановит! – восклик-

нул Бессменный, беря Надю на руки. – Если вы сомневаетесь, тогда не идите за мной...

– Нет, я не оставлю вас, – подхватил Жорж и пошел вперед, указывая дорогу.

Из сада можно было пройти, обогнув дом, прямо во двор, где стояла карета. Они благополучно миновали пространство вдоль всей стены и завернули за угол, но здесь увидели шедшую навстречу им мадам Лубе.

Француженка направлялась в сад для прогулки с неизменной своей заискивающей улыбкой, с опущенной головой и сложенными на животе руками.

Увидав Жоржа и Бессменного с Надею на руках, она вскрикнула, присела и завопила благим матом: «На помощь!» Жорж бросился к ней и схватил ее, стараясь зажать ей рот, но она отбивалась и кричала во все горло:

– На помощь, на помощь!..

Возня их загораживала дорогу Бессменному, но он все-таки улучил минуту, чтобы пронести Надю дальше. Однако было уже поздно. Слуги сбежались на крик француженки.

– Держит их, держит! – орала мадам Лубе, коверкая русские слова. – Это разбойник!

Надо отдать должное Бессменному: вид его после лазанья в подвал был не из блестящих. Он изорвал себе мундир и испачкал его. Шляпа осталась у окна на земле.

Слуги, среди которых были огромные гайдуки, ездившие с графом в белых ливреях, схватили Жоржа, освободили от него французженку и остановили Бессменного.

– Я князь Бессменный! – проговорил тот. – Кто тронет меня, ответит...

– Там видно будет, – сказал один из гайдуков, – а скандал в графском доме тоже делать не полагается.

И он протянул руку к Бессменному.

Но его рука вдруг опустилась, шум и говор сменились тишиной. Все, словно зачарованные, остановились, и все головы поднялись кверху.

Над ними, в растворенном окне второго этажа, как видение, стояла фигура в одеянии византийского царя. Все смотрели на него, видели его красивое лицо с черной завитой кольцами бородой, его большие черные глаза, как магнит, притягивавшие к себе, и никто не знал, что это за человек и откуда он

взялся. Толпа затихла и замерла под влиянием взгляда черных глаз. Они владели ею и приказывали ей. Никто не посмел шевельнуться и остановить Бессменного, а он в наступившей торжественной тишине спокойно и беспрепятственно вынес Надю к карете. Жорж помогал ему.

Расплата

Три дня просидел Феникс в лаборатории, углубившись до того в свое занятие, что не видел и не слышал ничего, что происходило в его доме. Правда, и лаборатория была устроена так, что туда не доходили ни звуки, ни шум.

После трехдневной работы граф получил наконец кусок пасты, сделал из нее несколько шариков и положил один из них в круглую хрустальную коробочку с золотой крышкой. Дело его было окончено, но самое главное оставалось еще впереди.

Он вышел в свой кабинет несколько усталый и измученный. Сегодня был назначен отъезд Потемкина из Петербурга. Надо было торопиться. Граф подошел к стене и дернул шнурок звонка. На этот звонок явился Петручио.

– Вы были, как я приказал вам, в Таврическом дворце третьего дня и сказали Тубини, чтобы он пришел ко мне сегодня? – спросил у него граф.

– Я был в Таврическом дворце, – ответил

Петручио, – но не мог ничего сказать Тубини.

– Почему же, если я приказал вам?

– Потому что Тубини отправлен по этапу до границы и будет выслан навсегда из России.

– За что?

– За свидание, устроенное им для Кулугина с девушкой, порученной его надзору.

Граф вздохнул облегченно. Он подумал было, не открылось ли как-нибудь похищение документов, но ответ Петручио успокоил его.

– А Кулугин? – спросил он.

– Прямо из-под ареста отправлен в действующую армию.

Феникс не мог сдержать при этом известии улыбку удовольствия. Уже то, то Тубини был выслан за границу, было чрезвычайно приятно, потому что благодаря этому исчезал один из участников похищения документов, способный как-нибудь выболтать лишнее; но отправка Кулугина прямо из-под ареста в действующую армию совершенно развязывала Фениксу руки. По чеку Кулугин мог получить только лично, потому что чек был без передоверия. По почте денег ему тоже не вышлют,

так как почты не было в действующей армии. Для дела же, которое предстояло выполнить графу Фениксу по условию с банкиром, ему достаточно было сообщницы, находившейся в Таврическом дворце.

– А девушка? – проговорил он. – Она была прощена за это свидание?

– Она посажена в острог.

– В острог? – отступая, переспросил Феникс. – Но ведь в острог сажают только преступников?

– Она и посажена как преступница.

– Что же она сделала?

– Выдала себя за другую благодаря своему сходству с ней.

При этих словах обычное, свойственное до сих пор графу Фениксу самообладание вдруг оставило его. Смертельная бледность покрыла его лицо, и дрожь пробежала с головы до пят.

– А... эта... другая?.. – чуть слышно, упавшим голосом произнес он.

– Она была освобождена князем Бессменным из подвала вашего дома.

– Значит, все открыто. Отчего же вы не

сказали мне о таком важном случае?

– Вы не приказали беспокоить себя, вы сидели в вашей лаборатории.

– А госпожа Лубе?

– Госпожа Лубе скрылась из дома в ту минуту, как ей не удалось воспрепятствовать освобождению девушки. С тех пор она исчезла.

Граф Феникс нервно прошелся по комнате.

– Нам надо сделать то же самое, мы сегодня же должны выехать.

– Едва ли это будет возможно, – возразил Петручио, – наш дом оцеплен. Вас уже ищут.

– Ищут меня? – снова, задрожав, простонал Феникс. – Ищут меня? Значит, здесь были?

– Были и обыскали весь дом. Вас не нашли благодаря тому, что дверь в лабораторию замаскирована слишком искусно. Но у всех выходов стоят сторожевые, все равно вам выйти нельзя.

– Значит, я пойман, пойман!.. – повторил Феникс, сам не зная, что бормочет. – Все потеряно! Все... все... та... там в остроге все разболтает... Да, но я могу сказать, что она лжет. Ведь я же ни одним словом не обмолвился

вам, Петручио, что девушка у меня спрятана?

– Вы мне не говорили этого.

– И никто вам не говорил? Это было сделано потихоньку от вас?

– Вполне.

– Значит, могло все совершиться и потихоньку от меня. Я мог не знать этого. Все это сделала мадам Лубе... А я ничего не знал, я приютил только мадам Лубе. Слышите ли, Петручио, я ничего не знал, и, кто станет обвинять меня, тот лжет, тот лжет... Вот и все! Я сейчас еду к французскому послу и буду просить его защиты. О, Потемкин нынче вовсе уже не так силен, как прежде! Есть князь Платон Зубов, я найду себе помощь. Я еду сейчас к французскому послу...

– Но вы забываете сторожевых у всех дверей, – остановил его Петручио. – Как только вы покажетесь, вас возьмут.

– Кто эти сторожевые? Полицейские?

– Переодетые на тот случай, если вас нет действительно в доме и вы вернетесь, так, чтобы вы вошли сюда, ничего не заметив.

– Хорошо. Тогда поезжайте сейчас к банкиру Зюдерланду...

– Напрасно, никого не выпускают из дома, никого из домашних. Только повара за провизией, и то под надзором полицейского...

В это время со двора послышался стук каретных колес. Слышно было, как карета въехала и остановилась у подъезда.

– Посмотрите, кто это? – приказал граф Петручио. – Я не хочу подходить к окну...

Петручио приблизился к стеклам и заглянул.

– Банкир Зюдерланд, – сказал он, – он вышел из кареты и разговаривает с переодетым полицейским у дверей.

– Судьба мне посылает его! – проговорил Феникс и притаился в ожидании.

Банкир Зюдерланд, выйдя из кареты, обратился к стоявшему у дверей человеку:

– Граф Феникс дома?

– Его нет, – ответил человек.

– Он давно вышел?

– А вы кто такой будете?

– Я банкир Зюдерланд.

Человек посмотрел на его карету, на лошадей, на кучера и на слуг, стоявших на запятках, и ответил:

– Граф Феникс не выходил сегодня.

– Так как же его нет дома?

– Его уже три дня нет.

«Понимаю, – сообразил Зюдерланд, – он сидит еще в своей лаборатории и велел никого не принимать. Ну, меня он примет».

И, желая произвести впечатление своей важностью, он произнес самодовольно:

– Ну, брат, я знаю лучше тебя! Граф Феникс дома и примет меня, вот увидишь.

И он прошел на лестницу.

Граф Феникс принял его с распростертыми объятиями.

– Что же, граф, готово у вас? – спросил Зюдерланд, и Феникс по этому его вопросу понял, что ему еще ничего неизвестно и что переодетый полицейский был принят им за одного из слуг.

– У меня готово все, – ответил он, – но только я должен вам сказать, что провел три бессонные ночи и чувствую, что не в силах выйти из дома.

– Вы больны?

– Как видите! – показал Феникс на свое лицо.

Оно, действительно, было таково, что краше в гроб кладут.

– Но дело очень серьезно.

– Самое главное я сделал. Вот оно! – и Феникс вынул и поставил хрустальную коробочку с золотой крышкой, где был положен шарик; сфабрикованной им пасты.

– Но теперь дальнейшее? – спросил банкир.

– Дальнейшее? Я ничего не могу сделать, потому что не в силах выйти из дома...

– Возьмите себя в руки!

– Немыслимо!

– Значит, вы отказываетесь?

– Я не в силах выйти из дома, – повторил граф.

Банкир пришел в явное беспокойство:

– Три дня потеряны, – проговорил он, – и сегодня – последний!

– Три дня не потеряны, потому что вот результат, – показал Феникс на коробочку.

– Что же делать все-таки?

– Воспользуйтесь сами моим средством.

Банкир задумался.

Феникс, как бы не желая прерывать его

мысли и чтобы дать ему обдумать хорошенько, присел к столу и начал писать письмо. Он писал долго.

Когда он кончил, банкир вышел из своей задумчивости и спросил, делая последнюю попытку:

– Так вы положительно не в силах? А кто ваши агенты? Через них вы не можете действовать?

– Не могу.

– Тогда я сам беру ваше средство, – решил банкир.

Граф поспешно передал ему коробочку, сказав:

– Не будете ли добры передать это письмо французскому послу лично в руки; дело это очень спешное. Сам я не могу выйти, а посылать боюсь доверить кому-нибудь...

В этом письме Феникс написал послу, что просит защиты против возведенной на него якобы клеветы, и довольно ловко изложил обстоятельства так, что вину свалил на госпожу Лубе. Посвящать Зюдерланда в это дело сегодня он не счел нужным.

Зюдерланд взял письмо и обещал передать

его. Это все, что нужно было пока Фениксу. Он думал, что, заручившись поддержкой посла, ему бояться ареста нечего.

Уезжая от Феникса, Зюдерланд сказал укоризненно человеку, стоявшему у дверей:

– Ну, вот видишь, ты говорил, что графа нет дома, а он вот меня принял...

Человек только поклонился ему и помог сесть в карету.

Между тем, едва уехал Зюдерланд, Петручио снова появился перед графом Фениксом.

– Что вам нужно? – спросил тот, которому хотелось побыть одному, чтобы без помехи обдумать еще раз все происшедшее. – Я, кажется, не звал вас?

Петручио смотрел в сторону мимо него и молчал.

– Вы хотите сказать мне что-нибудь? – спросил еще раз Феникс, невольно удивляясь поведению Петручио, до сих пор образцового слуги, никогда не позволявшего себе ничего лишнего.

Тот перевел глаза на него и тихо проговорил:

– Еще одно преступление!..

Граф поднялся со своего места.

– Послушайте, Петручио, вы, кажется, забываетесь. Или вы думаете, что если я временно попал в затруднительное положение, то не сумею выйти из него, и со мной все уже кончено и можно разговаривать таким тоном?

– Наступило время, граф...

– Что! Ты действительно с ума сошел или пьян. Я тебе покажу, какое время наступило. Ступай и пропись!

– Пора тебе проснуться, Иосиф! – твердо сказал Петручио.

При этом имени Феникс отступил назад и испуганно глянул на Петручио, прошептав:

– Ты знаешь это имя?

– Я все знаю.

– И хочешь, чтобы я купил твое молчание?

Время выбрано недурно!

– Нет! У тебя не имеется тех средств, чтобы купить у меня молчание. Настал час, когда мне приходится говорить. Посмотри на меня!

Граф Феникс поднес руку к глазам, как бы для того, чтобы удостовериться, не грезит ли он и наяву ли произошло то, что он увидел.

Перед ним вместо Петручио стоял высокий человек в парчовом далматике, в пурпурной мантии, в многогранной, усыпанной камнями шапке с подвязями на голове. Это был византийский царь, виденный им на маскараде у Шереметева. Но только что он признал его, как произошла новая перемена. Византийский царь на его глазах стал старым индусом в чалме и подпоясанном шалью халате.

– Кутра-Рари! – вырвалось у графа Феникса. – Кутра-Рари!

– Да, Кутра-Рари был до сих пор твоим слугой Петручио. Ты не подозревал этого?

– Но как же мог я подозревать? Что могло быть общего? Разве допустим такой обман глаз?

– Все на свете – обман глаз, и все вещи не таковы на самом деле, какими они нам кажутся. Нужно уметь лишь заставить, чтобы видели их такими, какими хочешь. Ты сейчас видел во мне трех лиц, а, может быть, я на самом деле – четвертое, неизвестное тебе. Но я пришел говорить с тобой, Иосиф, не о себе, а о тебе и пришел сказать тебе: «Довольно! Довольно лжи и обмана! Посвященный в тай-

ные знания, ты бы мог достигнуть великого, но ты соблазнился благами земными, низменными и, потеряв свою силу, думал, что заменишь ее хитростью. Тебе удалось устроить черное зеркало, в котором ты, подражая тому, что умеют делать посвященные, показал князю Бессменному девушку, похожую на его возлюбленную; потом ты выдал ее за другую и, условившись со своей сообщницей, разыграл с нею перед Потемкиным сцену внушения; ты ловко догадывался о человеческих слабостях и выдавал это за чтение мыслей; ты желал открыть тайну золота и решился приобретать его путем преступления. И до последней минуты у тебя был в руках ключ к истинным знаниям в медальоне, буквы которого истолковали бы тебе великий смысл письмен твоего пергамента. Ты нашел даже слово „милосердие“ и не понял его. Ты не хотел понять, что только работа над самим собой даст тебе силы, которые ты мнил найти внешним образом, путем выкладок, цифр, заклинаний и поисков тайны золота. Все твои выкладки, цифры, заклинания и искания ложны, и не в них работа, а в самом человеке.

Человек, работающий над собой, может знать будущее, может внушать свою волю другим и читать в чужих мыслях. Чтобы доказать тебе, что это так, знай, ты, по моему внушению, выбросил из окна своей лаборатории медальон, и в него под портрет была положена мною записка, в которой я предупреждаю Бессменного о том, что будет. А будет вот что: яд, который ты приготовил, об-

Пропуск страниц 342-343

Одетую в ее платье швею, заранее проведенную в его комнату, а настоящая Надя была увезена к Фениксу в карете, присланной им для этой цели на пустырь. Чтобы обман был полный, швею научили представиться, что она после испуга потеряла память. Это несомненно облегчило ей задачу разыгрывать роль Нади.

Бессменный был счастлив. О любви его Потемкин узнал от Цветинского и понял, что было бы жестоко не наградить князя за то, что он совершил освобождение Нади, которая тоже искренне любила его.

Потемкин согласился на их брак, но с дву-

мя условиями: чтобы свадьба была сыграна в присутствии только его и шаферов, без всякой помпы, и чтобы молодые немедленно уехали в провинцию и остались там жить навсегда. За это он давал Наде огромное приданое.

Ни Бессменный, ни Надя не противоречили. Им было безразлично, где ни жить, лишь бы вместе, и, чем скорее была их свадьба, тем было лучше для них.

Потемкин уезжал через три дня и, чтобы свадьба произошла при нем, нужно было сыграть ее в это время. Но препятствий к этому не могло быть, раз этого пожелал светлейший.

Цветинский, разумеется, главный шафер Бессменного, все взялся устроить и действительно устроил, освободив своего друга от всех хлопот и предоставив ему возможность провести все время с Надей.

Накануне своей свадьбы они вместе рассматривали медальон, игравший такую странную роль в их судьбе. Слова Кутра-Рари оправдались: найдя медальон, Бессменный нашел и Надю.

Они вынули из медальона портрет, и из-под него упала записка:

«Предупредите светлейшего, чтобы он следил за малейшим движением банкира Зюдерланда во время обеда в день своего отъезда. Это важно для его жизни. Будьте счастливы. Кутра-Рари».

– Кто же такой этот индус? – спросила Надя.

Но на этот вопрос не мог дать ответа не только князь Бессменный, но и сам посвященный в некоторые тайны граф Феникс.

Эпилог

Потемкин уехал в действующую армию 24 июля 1791 года из Царского Села, простившись в последний раз с императрицей. Он обедал в этот день у себя, и к столу его был приглашен один банкир Зюдерланд, который должен был привезти светлейшему деньги и получить от него последние распоряжения.

Во время обеда Потемкин был рассеян, мало разговаривал, постоянно задумывался и часто оглядывался по сторонам.

Удобная минута была найдена Зюдерландом легко. Впрочем, это было короче минуты. Он опустил в карман уже пустую коробочку с золотой крышкой, а в стакане светлейшего растаял брошенный туда шарик ядовитой пасты.

Потемкин, казалось, ничего не заметил.

– Посмотрите, какое странное выражение в глазах этого лица, – обратился он к Зюдерланду и показал на висевшую у него за спиной картину, где была изображена одна только фигура византийского царя в полном уборе.

Банкир обернулся и остался так на некоторое время.

Потемкин потихоньку переставил стаканы – поставил банкиру свой, а себе придвинул стакан банкира.

– Да, удивительно странное, – подтвердил Зюдерланд. – Есть в этих глазах что-то жуткое. Ваше здоровье, ваша светлость!

Он поднял стоявший перед ним стакан и осушил его.

Но судьбы Промысла неисповедимы. Избегнув опасности у себя за столом, Потемкин заболел, приехав в Яссы, и эта болезнь оказалась смертельной. Он умер 5 октября 1791 года по дороге в Николаев.

А почти сто лет спустя после этого в печати появились следующие строки:

«Лучше было бы, когда бы князь не объявлял намерения „вырвать зуб”. Князь приехал в Петербург и, как все утверждают, ему был дан Зубовым медленно умерщвляющий яд. Банкир Зюдерланд, обедавший вдвоем с князем Потемкиным в день его отъезда, умер в Петербурге в тот же день, тот же час, как князь Потемкин» («Русская старина» 1887 год,

кн. XI. Записки Алекс. Мих. Тургенева.).